

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 14 ПСИХОЛОГИЯ

№ 1 • 2017 • ЯНВАРЬ–МАРТ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретические исследования

- Еськов В.М., Зинченко Ю.П., Филатова О.Е.* Признаки парадигмы и обоснование третьей парадигмы в психологии. 3
- Знаков В.В.* Постигание, непостижимое и экзистенциальный опыт как методологические проблемы психологии понимания 18
- Тхостов А.Ш.* Возможности и перспективы социальной патопсихологии. 36

Обзорно-аналитические исследования

- Войскунский А.Е.* Направления исследований опосредствованной Интернетом деятельности 51

Эмпирические исследования

- Гордеева Т.О., Сычев О.А.* Мотивационные профили как предикторы саморегуляции и академической успешности студентов 67
- Несмеянова Р.К.* Субъективное представление о корпоративной культуре и организационная идентификация: особенности взаимосвязи. 88

Психология — практике

- Буйкас Т.М., Михеев В.А.* Системная рефлексия и ее психотехническое обеспечение в процессе профессионального становления 105

CONTENTS

Theoretical studies

- Eskov V.M., Zinchenko Yu.P., Filatova O.E.* Indications of paradigm and justification of the third paradigm in psychology 3
- Znakov V.V.* Grasp, inconceivable and existential experience as methodological problems of understanding psychology 18
- Tkhostov A.Sh.* The possibilities and prospects of social pathopsychology 36

Review, analytical studies

- Voiskounsky A.E.* Directions of studies of Internet mediation 51

Empirical studies

- Gordeeva T.O., Sychev O.A.* Motivational profiles as predictors of students' self-regulation and academic achievement 67
- Nesmeianova R.K.* Perceived corporate culture and organizational identification: the features of interrelation 88

Psychology to practice

- Buyakas T.M., Mikheev V.A.* Systemic reflection and its psychotechniques maintenance in the process of professional becoming 105

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 612.821, 159.9.072
doi 10.11621/vsp.2017.01.03

ПРИЗНАКИ ПАРАДИГМЫ И ОБОСНОВАНИЕ
ТРЕТЬЕЙ ПАРАДИГМЫ В ПСИХОЛОГИИ

В. М. Еськов, Ю. П. Зинченко, О. Е. Филатова

Согласно современным представлениям, понятие парадигмы ассоциируется с некоторым общим подходом в описании в естествознании большого класса процессов, объектов, систем. Если мы говорим о глобальных парадигмах, то это означает, что такие (глобальные) парадигмы должны охватывать и огромные классы объектов в природе и обществе. На сегодня мы выделяем три глобальные парадигмы во всей современной науке, которые охватывают три глобальных кластера всех процессов и объектов живой и неживой природы. Впервые об этом аргументированно и логично пытался сказать У. Уивер (W. Weaver) в 1948 г. в своей известной публикации "*Science and complexity*". Уивер разделил все объекты и системы в природе на три гигантских кластера: простейшие системы (*simplicity*), которые описываются сейчас в рамках детерминистских теорий и моделей, неорганизованная сложность (стохастические системы) и системы третьего типа — организованная сложность (*organized complexity*). Под системой

Еськов Валерий Матвеевич — доктор физико-математических наук, доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, зав. лабораторией биокибернетики и биофизики сложных систем Института естественных и технических наук БУ ВО «Сургутский государственный университет Ханты-Мансийского автономного округа — Югры». *E-mail*: valery.eskov@gmail.com

Зинченко Юрий Петрович — академик РАО, вице-президент РАО, президент РПО, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой методологии психологии, декан ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail*: dek@psy.msu.ru

Филатова Ольга Евгеньевна — доктор биологических наук, профессор, зав. кафедрой экологии, зав. лабораторией «Функциональное состояние организма человека на Севере» Института естественных и технических наук БУ ВО «Сургутский государственный университет Ханты-Мансийского автономного округа — Югры». *E-mail*: filatova_oe@edu.surgu.ru

третьего типа (СТТ) он понимал все живые системы, но никаких особенностей в их организации не выделил и не изучил. Сейчас уже понятно, что этого он не мог бы сделать в рамках современной науки, так как для этого нужны другая (третья) парадигма и другая наука.

Ключевые слова: гомеостаз, третья парадигма, системы третьего типа, психофизиология.

Введение

Догадку Уоррена Уивера о существовании систем третьего типа можно, без сомнения, назвать гениальной. Но кроме догадок и озарений наука всегда требует фактов и доказательств. Именно эти факты и доказательства мы сейчас и приводим в рамках третьей глобальной парадигмы (Зилов и др., 2017; Зинченко, Еськов, Еськов, 2016; Зинченко, Филатова и др., 2016; Зинченко, Хадарцев, Филатова, 2016). Эта парадигма, во-первых, классифицировала (реально) все три глобальные парадигмы естествознания и обосновала их различия. Во-вторых, третья парадигма представила особым образом *системы третьего типа* (СТТ), о которых пытался сказать У. Уивер в своей замечательной статье (Weaver, 1948). Именно реальность СТТ, их особые свойства потребовали создания новых понятий, моделей и математического описания гомеостатических систем, которые и представляют СТТ в целом (Берестин и др., 2016; Бетелин и др., 2017; Еськов, 2014; Еськов, Джумагалиева и др., 2014; Еськов, Хадарцев и др., 2014).

Разделение и четкое определение всех трех парадигм в рамках новой, третьей, парадигмы становится возможным только на основе понимания особенностей и реальности гомеостатических систем (объектов, процессов) в окружающем нас мире. Простые системы (*simplicity*), по определению Уивера, реально существуют и описываются детерминистскими моделями в рамках функционального анализа. Здесь мы можем для каждого начального момента времени $t=t_0$ задать состояние такой системы. Например, это можно сделать в рамках вектора состояния системы $x=x(t)=(x_1, x_2, \dots, x_m)^T$ в некотором m -мерном *фазовом пространстве состояний* (ФПС) (Eskov, 2014; Eskov, Eskov et al., 2016a; Eskov, Filatova et al., 2015; Eskov, Gavrilenko et al., 2012).

Для такого ФПС мы будем иметь состояние системы в момент времени $t=t_0$ в виде некоторой точки с координатой $x(t_0)$. Изменения же системы (объекта, процесса) первого типа (в рамках 1-й парадигмы) будут представляться как движение этой точки в таком ФПС. Иными словами, изменение системы будет в ФПС

представляться некоторой траекторией движения $x(t)$ в ФПС. Эти траектории (или их совокупность) в первой парадигме описываются некоторыми уравнениями. Это могут быть уравнения в ФПС или в виде уравнений изменения $x(t)$ с течением времени. Тогда мы имеем обыкновенные графики зависимости каждой координаты как функции $x_i(t)$ для всего вектора состояния системы $x(t)$ (Еськов, Зинченко, Филатова, 2016 а, б, в). Итак, 1-я парадигма — это парадигма Ньютона—Лейбница—Пуанкаре (Розенберг, 2014; Степин, 2013; Степин и др., 2016).

1. Признаки 1-й и 2-й парадигм в науке вообще и в психологии в частности

Напомним, что вся современная (классическая) физика содержит уравнения и законы, которые описывают реальные физические процессы с позиций некоторых уравнений. Например, уравнение свободного падения тела для высоты h имеет вид $h=gt^2/2$. Эти уравнения могут быть и дифференциальные (2-й закон Ньютона: $F=md^2x/dt^2$), и разностные, и интегральные, и другие. Но все они (эти уравнения) требуют задания определенного значения $x(t_0)$ в момент времени (начало отсчета t_0) t_0 . Мы должны знать начальное положение вектора $x(t)$ при $t=t_0$ в фазовом пространстве состояний для детерминистских систем. Для таких систем возможна и обратная задача, например построить график $y=f(x, t)$, в обратном направлении (для $t < t_0$), т.е. законы физики и техники, функциональный анализ легко воспроизводит прошлое системы по настоящему (или будущему), состояние вектора $x(t)$ (Пенроуз, 2003; Розенберг, 2014; Степин, 2013; Степин и др., 2016).

Если мы знаем (и можем повторить) начальное значение $x(t_0)$ и знаем уравнение, описывающее этот (детерминистский) процесс, то мы можем всегда выдать прогноз, т.е. рассчитать значение вектора $x(t)$ в любой другой момент времени $t > t_0$. Для этого надо знать $x(t_0)$ и само уравнение движения ($y=y(x)$, $dx/dt=f(x,t)$, $x(t+1)=f(x(t))$), и т.д. В теории дифференциальных уравнений, которые описывают движение тел (или их частей), мы имеем задачу Коши, когда по начальному значению $x(t_0)$ и уравнению движения $dx/dt=f(x,t)$ мы можем выдать прогноз (точное значение $x(t)$) состояния системы в любой момент времени $t > t_0$. Это составляет основу всей детерминистской парадигмы, которая описывает все (почти) физические, химические и биологические системы. Однако для биосистемы такая аппроксимация весьма условна (точнее говоря, она почти не

работает) (Еськов, Зинченко, Филатова, 2016в; Eskov, 2014; Eskov, Eskov et al., 2016a, b; Eskov, Gavrilenko et al., 2012).

Эта первая парадигма (и детерминистская наука) широко используется сейчас в задачах моделирования (описания) многих процессов в физике, химии, технике и даже в живой природе. Однако, как мы доказали, это является весьма приблизительным представлением о реальных процессах в живой природе. Особо это касается психологии, где любой человек (произвольно) никогда не сможет повторить любой процесс в своем организме (и его психике). Все в живой природе протекает по-другому (Еськов, Еськов и др., 2017; Еськов, Зинченко, Филатова, 2016б, в; Зилов и др., 2017).

До настоящего времени мы считали, что все процессы в биологии, экологии, медицине, психологии и т.д. протекают в рамках 2-й парадигмы естествознания, т.е. в рамках стохастики (это основа 2-й парадигмы, второй подход в науке). Считается, что при изучении динамики биологического или психического процесса мы не можем предсказать конечное состояние биосистемы (психики человека) в рамках одной точки $x(t)$ в ФПС. Оказалось, что надо многократно повторять опыты, и мы будем получать выборки для каждого параметра (координаты вектора $x(t)$) $x_i(t)$ в виде набора x_i , т.е. $\{x_{ij}\}_{j=1}^n$, где n — число повторов измерений одной и той же величины x_i в одинаковом эксперименте (процессе). До настоящего времени считалось, что для каждой выборки (при некоторых повторах выборок) x_i мы можем всегда повторить ее статистическую функцию распределения $f(x_i)$, которая и будет описывать реальное состояние биосистемы (например, психическое состояние человека). Возможность произвольного повторения выборки (при задании $x(t_0)$) и ее статистической функции $f(x)$ — это основа 2-й парадигмы стохастики при ее использовании во всем естествознании (и в психологии в том числе) (Зинченко, Хадарцев, Филатова, 2016; Розенберг, 2014; Филатов, Филатова и др., 2014).

В 1997 г. И.Р. Пригожин выпустил монографию «Конец определенности. Время, Хаос и Новые Законы Природы» (Prigogine, 1997). В этой книге автор постулирует окончание эпохи детерминизма (методов изучения систем 1-го типа по У. Уиверу) и переход в мир неопределенных (по конечному состоянию) систем. В этом новом мире, который создает Пригожин, мы должны работать с вероятностями P (или частотами событий P^* , что для биосистем почти одинаково!) и законы вероятности (статистические функции распределения $f(x)$) должны описывать реальные биосистемы (и психику человека тоже). И.Р. Пригожин провозгласил начало новой эпохи (нового мира) стохастики в описании систем третьего типа

(СТТ-*complexity* в его и Уивера представлениях). Мир живых систем — это мир стохастики и динамического хаоса в представлении Пригожина и его коллег (Пенроуз, 2003; Gell-Mann, 1997; Prigogine, 1997). Гигантская иллюзия во всей современной детерминистской и стохастической науке (ДСН) — стохастика может также успешно описывать живые системы, психику человека (Еськов, Зинченко, Филатова, 2016а; Зинченко, Филатова и др., 2016; Eskov, Eskov et al., 2016a, b). Вся современная психология активно использует стохастические методы в изучении различных психических процессов (Берестин и др., 2016; Бетелин и др., 2017; Еськов, Джумагалиева и др., 2014; Еськов, Хадарцев и др., 2014).

В 1997 г. И.Р. Пригожин фактически провозгласил начало эры стохастики и в изучении систем третьего типа (*organized complexity*), и это было гигантским парадоксом всей современной детерминистской и стохастической науки (Eskov, Eskov et al., 2016a, b; Prigogine, 1997). Это было парадоксом и для этих двух первых гигантских (глобальных) парадигм естествознания (детерминистской и стохастической). Второй тип систем (стохастические системы, неорганизованная сложность, по Уиверу) должен описываться стохастикой, т.е. в рамках 2-й парадигмы естествознания вместе с системами третьего типа (по Уиверу). Таковы были представления Пригожина и многих других ученых (Розенберг, 2014; Gell-Mann, 1997; Prigogine, 1997). Однако СТТ не могут описываться в рамках первых двух парадигм, т.е. ДСН, функциональным анализом или стохастикой. Особые СТТ не являются и объектами динамического хаоса Лоренца (Пенроуз, 2003; Gell-Mann, 1997), но именно это утверждали И.Р. Пригожин (Prigogine, 1997), М. Гелл-Манн (Gell-Mann, 1997) и J.K. Weller (Пенроуз, 2003). Это все было гигантской иллюзией современности по отношению к СТТ, к которым относятся все психические процессы и психофизиологическое состояние человека (Еськов, Еськов и др., 2017; Зилов и др., 2017; Eskov, Eskov et al., 2016a, b).

СТТ-*complexity* — это особые системы, и мы сейчас для них разработали третью парадигму естествознания, ввели новые понятия, новые законы их (СТТ) поведения и новые модели для их описания и прогнозирования. Все это имеет принципиальное значение, так как невозможно описывать объекты (системы, процессы) в рамках старых теорий и понятий, если они должны иметь другой аппарат и другие свойства (не объектов ДСН). Это следует из теоремы Геделя, когда в рамках одной логики, одних терминов и понятий (моделей), т.е. одной формальной теории, мы пытаемся описывать другие объекты (с другими свойствами и понятиями). Можно ли создать особый логичный аппарат, который будет отличен от аппарата ДСН

(первых двух парадигм) и этот аппарат будет основой для третьей парадигмы естествознания? Именно эти вопросы пытались решать И.Р. Пригожин и У. Уивер (Prigogine, 1997; Weaver, 1948).

В этой связи сразу возникает главная проблема третьей парадигмы и всего естествознания: действительно ли СТТ-*complexity* — это другие системы (объекты и процессы), с другими свойствами, понятиями и моделями? Являются ли СТТ-*complexity* и третья парадигма чем-то особенно новым, отличным от детерминизма и стохастики? Ведь новая парадигма требует новой логики, новых понятий и законов, законов гомеостатических систем и их эволюции в ФПС (Еськов, 2014; Еськов, Зинченко и др., 2016б; Филатова, Еськов и др., 2015; Es'kov, Kulaev et al., 2006).

Напомним, что различия между детерминистской и стохастической парадигмами основаны на невозможности точно предсказать конечное состояние системы, ее вектора $x(t_1)$ в момент времени $t_1 > t_0$ по начальным параметрам $x(t_0)$, т.е. нет задачи Коши. Отметим, что уравнения, которые могли бы описывать изучаемый процесс, в третьей парадигме отсутствуют. Во второй парадигме вместо точки $x(t_1)$, т.е. конечного состояния $x(t)$ в ФСП, мы можем задавать статистическую функцию распределения $f(x)$. Но в ТХС она точно также не определяется, так как регистрирует совокупность точек $x(t_1)$, которые разово определяют уникальную (одну) статистическую функцию распределения $f(x_i)$ к моменту времени t_1 . При этом начальное состояние $x(t_0)$ уже тоже не будет повторяемым и воспроизводимым. Для каждого повтора эксперимента мы будем иметь новое начальное значение $x(t_0)$ для СТТ и конечное состояние $x(t_n)$ тоже будет другим (Еськов, Зинченко и др., 2016а; Розенберг, 2014; Филатова, Еськов и др., 2015).

Подчеркнем, что невозможность повторения статистических функций распределения, т.е. получения для j -й и $j+1$ -й выборок x_i одинаковых статистических функций $f(x_i)$, не связана с невозможностью повтора $x(t_0)$. Даже если $x(t_0)$ мы как-то сможем повторить, то неизбежно $f_j(x_i) \neq f_{j+1}(x_i)$, это скрыто в хаосе организации СТТ. Для *complexity* мы не можем произвольно (!) повторить $x(t_0)$, произвольно получить (точно) конечное значение $x(t_0)$ и невозможно (произвольно) получить подряд две одинаковые выборки, т.е. чтобы $f_j(x_i) = f_{j+1}(x_i)$ (Бетелин и др., 2017; Зилов и др., 2017; Eskov, Eskov et al., 2016a, b; Eskov, Khadartsev et al., 2016).

В целом детерминистские модели имеют ретроспективное значение для СТТ, а стохастические модели в виде $f(x_i)$ тоже не имеют прогностического значения (нет прогноза для СТТ). Последние имеют весьма приблизительное значение для психологии, биологии,

медицины, так как использование стохастики (всегда!) предполагает повторение начального состояния биосистемы многократно (у нас n раз). Повторение проведения исследуемого процесса требует повторения $x(t_0)$, в ДСН мы всегда должны требовать повтора начальных значений (повторение состояния вектора $x(t_0)$) параметров изучаемой системы. Если нет повтора $x(t_0)$, нельзя хотя бы два раза повторить начальные параметры системы, то нет и задачи Коши в детерминизме (в рамках первой парадигмы мы ничего не можем моделировать и предсказывать, если $x(t_0)$ неповторимо, невоспроизводимо!) (Еськов, Зинченко и др., 2016а; Зилов и др., 2017; Зинченко, Хадарцев, Филатова, 2016).

Для стохастики отсутствие повторения в виде $x(t_0)$ тоже сразу уводит такие системы из области второй парадигмы. Теория вероятности и математическая статистика требуют повторов начальных состояний $x(t_0)$ изучаемой системы (процесса, объекта). Иначе мы будем иметь разные процессы (и системы) и не сможем сравнивать их с позиций стохастики. Это очень хорошо понимал выдающийся современный математик Р. Пенроуз, когда говорил: «Что означает “вычислимость”, когда в качестве входных и выходных данных допускаются непрерывно изменяющиеся параметры?» (Пенроуз, 2003, с. 164). Ни о какой вычислимости (моделировании и прогнозировании) не может быть и речи, если мы два раза подряд (хотя бы) не можем повторить начальные значения системы, т.е. $x(t_0)$. Стохастика для уникальных систем не может быть применена: это подчеркивал И.Р. Пригожин в своей итоговой (предсмертной) публикации “The Die is not Cast”.

2. Формализация признаков третьей парадигмы

Неповторимые процессы (уникальные системы) не являются объектами всей современной науки (ДСН). И. Пригожин и Р. Пенроуз отрицали возможность применения методов современной науки (ДСН) в изучении уникальных систем, для которых мы не можем два раза (произвольно) повторить их начальные значения (и тем более конечные значения $x(t_k)$, которые для таких систем вообще не будут прогнозироваться). Для таких уникальных систем (СТТ-*complexity*, или гомеостатических систем, как мы их сейчас называем) невозможно указать точно конечное значение $x(t_k)$ в виде точки в ФПС. Оказалось, что для них невозможно указать и статистическую функцию распределения $f(x_i)$. Последнее лежит в основе 2-й парадигмы. СТТ, гомеостатические системы уводят нас от 1-й и 2-й парадигм науки, от детерминизма и стохастики в не-

которую другую область знаний, где должны быть другие понятия и другие модели биосистем (Eskov, Eskov et al., 2011, 2016a, b; Eskov, Khadartsev et al., 2016).

Мы медленно, но уверенно подошли к фундаментальному пониманию двух принципиальных утверждений. Во-первых, между 1-й и 2-й парадигмами имеются общие моменты (определения). Эта общность основана на том, что для детерминистских и стохастических систем мы должны иметь возможность два раза (подряд) повторить начальное состояние, т.е. начальные параметры $x(t_0)$. Это значит, что мы можем два (и более раз!) попасть (произвольно!) в одну и ту же точку ФПС, т.е. вернуться в исходное состояние. Это глобальное требование всей науки, всех современных научных знаний. Знания являются научными, если они повторяемы (воспроизводимы) и прогнозируемы (хотя бы до статистической функции $f(x_i)$) (Розенберг, 2013; Es'kov, Kulaev et al., 2006; Eskov, Eskov et al., 2011).

Если мы не можем два раза (произвольно) попасть в одну точку ФПС, в точку $x(t_0)$, то мы уходим из области традиционной науки (ДСН) и попадаем в некоторую другую область знаний. Это означает, что мы уходим из 1-й и 2-й парадигм и можем попасть в некоторую другую (назовем ее третьей) парадигму. В чем же тогда заключены отличия систем (объектов) 1-й и 2-й парадигм от этой третьей парадигмы? Мы выше показали, что имеем дело с другими, особыми системами третьего типа (СТТ-*complexity*), которые являются уникальными и не являются объектами современной (ДСН) науки. Именно это нам говорили И.Р. Пригожин и Р. Пенроуз, но ничего другого (кроме ДСН) они не могли предложить. Тогда наступил реальный конец науки, о котором пытался сказать философ и историк науки Дж. Хорган (J. Horgan). Этот конец наступил для ДСН из-за уникальности биологических и психологических процессов, из-за того, что их невозможно два раза повторить даже в виде двух (одинаковых!) выборок параметров x_i системы, в виде их (одинаковых) функций распределения $f(x_i)$ (Еськов, Филатов и др., 2015; Филатов, Веракса и др., 2016; Еськов, Зинченко и др., 2016a; Зинченко, Еськов, Еськов, 2016; Зинченко, Филатова и др., 2016).

Если СТТ (гомеостатические системы) не являются объектами 1-й и 2-й парадигм, то для них тогда необходимо уже сейчас сформулировать другие законы, понятия, правила их поведения, сформировать другую науку. Эта наука была создана, она называется теория хаоса-самоорганизации (ТХС) и действительно является другой наукой. Это очевидно уже из-за того, что ТХС (и третья парадигма как ее основа) изучает другие гомеостатические системы, СТТ-*complexity* (живые системы), которые невозможно изучать в

рамках двух первых парадигм (ДСН в целом) (Бетелин и др., 2017; Еськов, Джумагалиева и др., 2014; Еськов, Еськов и др., 2017).

При этом и понятие модели, и законы поведения таких СТТ-*complexity* действительно будут другими. Насколько это «другое» реально отличает СТТ от столь привычных нам детерминистских и стохастических систем? Почему ТХС — это другая наука и имеется ли связь этой новой науки с ее двумя предшественниками (ДСН)?

Ответы на эти вопросы мы рассмотрели в более чем 200 старых и 40 новых монографиях, а сейчас мы только подводим итоги становления третьей парадигмы (Еськов, Зинченко, Филатова, 2016b; Зилов и др., 2017; Зинченко, Хадарцев, Филатова, 2016). Мы не будем сейчас говорить о том, что никто до нас даже не пытался изучать и моделировать особые гомеостатические системы (СТТ-*complexity*), никто до нас даже не пытался приблизиться к пониманию реальности 3-й парадигмы естествознания. Отметим, что попытку нового понимания парадигм (и их роли в естествознании) активно предпринимал Томас Кун. Он пытался выделить некоторые законы изменения любой парадигмы (начиная от момента ее возникновения путем отрицания предыдущих парадигм и завершением ее законом и переходом к новой парадигме). Однако к глобальным парадигмам это имеет косвенное отношение, как мы показали это в ТХС (Бетелин и др., 2017; Еськов, Еськов и др., 2017; Зилов и др., 2017; Зинченко, Хадарцев, Филатова, 2016). В целом становление третьей парадигмы продолжается, и она основывается на новых понятиях и задачах, на ТХС (Бетелин и др., 2017; Еськов, Еськов и др., 2017; Зилов и др., 2017).

Закономерности смены парадигм касаются локальных парадигм, которые способны описывать небольшие компартменты явлений и процессов. Мы же сейчас говорим о глобальных парадигмах науки — детерминистской, стохастической и третьей парадигме (хаоса-самоорганизации), к которым теория Т. Куна не может быть применена. Завершая краткий обзор гомеостатических систем, отметим еще раз: создание новой парадигмы связано с осознанием реальности СТТ-*complexity*, гомеостатических систем. Из-за этого мы приходим к необходимости особого доказательства специфических свойств и принципов организации СТТ. Это требует доказательства необходимости построения особого аппарата и введения новых терминов, понятий, законов для описания объектов и систем живого мира, мира гомеостатических систем, к которому в первую очередь относятся сам человек, его психика, мозг (и нейросети мозга), функциональные системы организма (ФСО), по

П.К. Анохину, и все другие системы, которые объединяются общим понятием: «отсутствие стабильности». Это мир непрогнозируемых и нестабильных систем, СТТ, уникальных систем, для которых справедлив эффект Еськова—Зинченко (неустойчивость статистических функций $f(x_i)$) и реальна гипотеза Н.А. Бернштейна «о повторении без повторений». Конец определенности в ТХС наступил еще и для стохастики, для методов обработки статистических данных (которые оказались уникальными).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Берестин Д.К., Козуница Г.С., Черников Н.А., Глазова О.А. Компаративно-кластерные модели произвольных и непроизвольных движений // *Сложность. Разум. Постнеклассика*. 2016. № 4. С. 89—96.

Бетелин В.Б., Еськов В.М., Галкин В.А., Гавриленко Т.В. Стохастическая неустойчивость в динамике поведения сложных гомеостатических систем // *Доклады Академии наук*. 2017. Т. 472. № 6. С. 642—644.

Еськов В.М. Насколько близко И.Р. Пригожин, Н. Накен и С.П. Курдюмов подошли к пониманию неизбежности ТХС // *Сложность. Разум. Постнеклассика*. 2014. № 3. С. 39—46.

Еськов В.В., Джумагалиева Л.Б., Гудкова С.А., Филатова О.Е. Сложность в интерпретации И. Пригожина и Г. Хакена отличается от сложности W. Weaver и теории хаоса-самоорганизации // *Сложность. Разум. Постнеклассика*. 2014. № 3. С. 46—55.

Еськов В.М., Еськов В.В., Гавриленко Т.В., Вохмина Ю.В. Формализация эффекта «Повторение без повторения» Н.А. Бернштейна // *Биофизика*. 2017. Т. 62. № 1. С. 168—176.

Еськов В. М., Зинченко Ю. П., Веракса А.Н., Филатова Д.Ю. Сложные системы в психофизиологии представляют эффект «повторение без повторений» Н.А. Бернштейна // *Российский психологический журнал*. 2016а. Т. 13. № 2. С. 205—224.

Еськов В.М., Зинченко Ю.П., Еськов В.В., Филатова Д.Ю. Субъективная и объективная оценка степени напряжения мышц // *Вестник Московского университета*. Сер. 14. Психология. 2016б. № 2. С. 19—35.

Еськов В.М., Зинченко Ю.П., Филатова О.Е. К проблеме самоорганизации в биологии и психологии // *Вестник новых медицинских технологий*. 2016а. Т. 23. № 3. С. 174—181.

Еськов В.М., Зинченко Ю.П., Филатова О.Е. Развитие психологии и психофизиологии в аспекте третьей парадигмы естествознания // *Вестник новых медицинских технологий*. 2016б. Т. 23. № 3. С. 187—194.

Еськов В.М., Зинченко Ю.П., Филатова О.Е. Третья парадигма в медицине и психофизиологии // *Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание*. 2016в. Т. 10. № 2. С. 73—79. URL: <http://medtsu.tula.ru/VNMT/Bulletin/E2016-2/1-6.pdf> (дата обращения: 20.06.2016).

Еськов В.М., Хадарцев А.А., Еськов В.В., Филатов М.А. Моделирование когнитивной и эвристической деятельности мозга с помощью нейроэмуляторов // *Сложность. Разум. Постнеклассика*. 2014. № 1. С. 62—70.

Еськов В.М., Филатов М.А., Постина Т.Ю., Зинченко Ю.П. Эффект Н.А. Бернштейна в оценке параметров тремора при различных акустических воздействиях // *Национальный психологический журнал*. 2015. № 4. С. 66—73.

Зилов В.Г., Еськов В.М., Хадарцев А.А., Еськов В.В. Экспериментальное подтверждение эффекта «Повторение без повторения» Н.А. Бернштейна // *Бюллетень экспериментальной биологии и медицины*. 2017. № 1. С. 4—9.

Зинченко Ю.П., Еськов В.М., Еськов В.В. Понятие эволюции Глендсдорфа—Пригожина и проблема гомеостатического регулирования в психофизиологии // *Вестник Московского университета*. Сер. 14. Психология. 2016. № 1. С. 3—24.

Зинченко Ю.П., Филатова О.Е., Еськов В.В., Стрельцова Т.В. Объективная оценка сознательного и бессознательного в организации движений // *Вестник новых медицинских технологий*. 2016. Т. 23. № 3. С. 31—38.

Зинченко Ю.П., Хадарцев А.А., Филатова О.Е. Введение в биофизику гомеостатических систем (complexity) // *Сложность. Разум. Постнеклассика*. 2016. № 3. С. 6—15.

Пенроуз Р. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики. М.: УРСС, 2003.

Розенберг Г.С. Размышления о принципах симметрии в экологии // *Сложность. Разум. Постнеклассика*. 2014. № 3. С. 29—39.

Степин В.С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // *Сложность. Разум. Постнеклассика*. 2013. № 4. С. 45—59.

Степин В.С., Еськов В.М., Буданов В.Г. Новые представления о гомеостазе и эволюции // *Сложность. Разум. Постнеклассика*. 2016. № 3. С. 52—58.

Филатов М.А., Веракса А.Н., Филатова Д.Ю., Поскина Т.Ю. Понятие произвольных движений с позиций эффекта Еськова—Зинченко в психофизиологии движений // *Сложность. Разум. Постнеклассика*. 2016. № 1. С. 24—32.

Филатов М.А., Филатова Д.Ю., Поскина Т.Ю., Стрельцова Т.В. Методы теории хаоса-самоорганизации в психофизиологии // *Сложность. Разум. Постнеклассика*. 2014. № 1. С. 13—28.

Филатова О.Е., Еськов В.В., Вохмина Ю.В., Зимин М.И. Принцип относительности покоя и движения гомеостатических систем или является ли биомеханика разделом физической механики и термодинамики? // *Сложность. Разум. Постнеклассика*. 2015. № 3. С. 66—76.

Eskov V.M. Evolution of the emergent properties of three types of societies: The basic law of human development // *Emergence: Complexity and Organization*. 2014. Vol. 16. N 2. P. 107—115.

Eskov V.M., Eskov V.V., Braginskii M.Ya., Pashnin A.S. Determination of the degree of synergism of the human cardiorespiratory system under conditions of physical effort // *Measurement Techniques*. 2011. Vol. 54. N 7. P. 832—837. Doi 10.1007/s11018-011-9812-y

Eskov V.M., Eskov V.V., Filatova O.E. et al. Neurocomputational identification of order parameters in gerontology // *Advances in Gerontology*. 2016a. Vol. 6. N 1. P. 24—28. Doi 10.1134/S2079057016010033

Eskov, V.M., Eskov, V.V., Vokhmina, J.V., Gavrilenko, T.V. The evolution of the chaotic dynamics of collective modes as a method for the behavioral description of living systems // *Moscow University Physics Bulletin*. 2016b. Vol. 71. N 2. P. 143—154. Doi 10.3103/S0027134916020053

Eskov V.M., Filatova O.E., Provorova O.V., Khimikova O.I. Neural emulators in identification of order parameters in human ecology // *Human Ecology*. 2015. №5. P. 57—64.

Eskov V.M., Gavrilenko T.V., Kozlova V.V., Filatov M.A. Measurement of the dynamic parameters of microchaos in the behavior of living biosystems // *Measurement Techniques*. 2012. Vol. 55 (9). P. 1096—1100. Doi 10.1007/s11018-012-0082-0

Eskov V.M., Khadartsev A.A., Eskov V.V., Vokhmina J.V. Chaotic dynamics of cardio intervals in three age groups of indigenous and nonindigenous populations of Ugra // *Advances in Gerontology*. 2016. Vol. 6. N 3. P. 191—197. Doi 10.1134/S2079057016030048

Es'kov V.M., Kulaev S.V., Popov Yu.M., Filatova O.E. Computer technologies in stability measurements on stationary states in dynamic biological systems // *Measurement Techniques*. 2006. Vol. 49. N 1. P. 59—65.

Gell-Mann M. Fundamental sources of unpredictability // *Complexity*. 1997. Vol. 3. N 1. P. 9—13. Doi 10.1002/cplx.6130010404

Prigogine I.R. The end of certainty: Time, chaos, and the new laws of nature. N.Y.: Free Press, 1997.

Weaver W. Science and complexity // *American Scientist*. 1948. Vol. 36. P. 536—544.

Поступила в редакцию 14.03.17

Принята к публикации 28.03.17

INDICATIONS OF PARADIGM AND JUSTIFICATION OF THE THIRD PARADIGM IN PSYCHOLOGY

Valery M. Eskov¹, Yury P. Zinchenko², Olga E. Filatova¹

¹ Surgut State University, Institute of Natural and Technical Sciences, Surgut, Russia.

² Lomonosov Moscow State University, Faculty of Psychology, Moscow, Russia

Abstract: According to modern concepts, the idea of a paradigm is associated with a certain common approach within the natural sciences in description of a large class of processes, objects, systems. If we're talking about a global paradigm, this means such (global) paradigm should cover the huge classes of objects

in nature and society. Today we highlight three global paradigms throughout modern science, which cover three global clusters of all processes and objects of living nature and inanimate nature. W. Weaver was first who proposed such statements in 1948 in his famous publication "Science and complexity". However, during nearly 70 years almost no one paid any attention to these statements (though he spoke very simply about the most important things). W. Weaver has divided all objects and systems in nature into three giant clusters: the simplest systems (simplicity), which are described now in the framework of deterministic theories and models, unorganized complexity (stochastic system) and system of third type — organized complexity (organized complexity). Under the system of the third type he understood all living systems, but no special features in their organization has been identified and learned by W. Weaver. It is now clear that he could not do the study within the framework of modern science because this requires a different (third) paradigm and different science.

Key words: homeostasis, the third paradigm, systems of the third type, psychophysiology.

References:

Berestin, D.K., Kozupitsa, G.S., Chernikov, N.A., Glazova, O.A. (2016) Kompartmentno-klasternye modeli proizvol'nykh i neproizvol'nykh dvizheniy. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika* [Complexity. Mind. Post-nonclassics], 4, 89—96.

Betelin, V.B., Es'kov, V.M., Galkin, V.A., Gavrilenko, T.V. (2017) Stokhasticheskaya neustoychivost' v dinamike povedeniya slozhnykh gomeostaticeskikh sistem. *Doklady akademii nauk* [Reports of the Academy of Sciences], 472, 6, 642—644.

Es'kov, V.M. (2014) Naskol'ko blizko I.R. Prigozhin, N. Naken i S.P. Kurdyumov podoshli k ponimaniyu neizbezhnosti TKhS. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika* [Complexity. Mind. Post-nonclassics], 3, 39—46.

Eskov, V.M. (2014) Evolution of the emergent properties of three types of societies: The basic law of human development. *Emergence: Complexity and Organization*, 16, 2, 107—115.

Es'kov, V.V., Dzhumagalieva, L.B., Gudkova, S.A., Filatova, O.E. (2014) Slozhnost' v interpretatsii I. Prigozhina i G. Khakena otlichaetsya ot slozhnosti W. Weaver i teorii khaosa-samoorganizatsii. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika* [Complexity. Mind. Post-nonclassics], 3, 46—55.

Eskov, V.M., Eskov, V.V., Braginskii, M.Ya., Pashnin, A.S. (2011) Determination of the degree of synergism of the human cardiorespiratory system under conditions of physical effort. *Measurement Techniques*, 54, 7, 832—837. Doi 10.1007/s11018-011-9812-y

Es'kov, V.M., Es'kov, V.V., Gavrilenko, T.V., Vokhmina, Yu.V. (2017) Formalizatsiya effekta «Povtorenie bez povtoreniya» N.A. Bernshteyna. *Biofizika* [Biophysics], 62, 1, 168—176.

Eskov, V.M., Eskov, V.V., Filatova O.E. et al. (2016a) Neurocomputational identification of order parameters in gerontology. *Advances in Gerontology*, 6, 1, 24—28. Doi 10.1134/S2079057016010033

Eskov, V.M., Eskov, V.V., Vochmina, J.V., Gavrilenko, T.V. (2016b) The evolution of the chaotic dynamics of collective modes as a method for the behavioral description of living systems. *Moscow University Physics Bulletin*, 71, 2, 143—154. Doi 10.3103/S0027134916020053

Es'kov, V.M., Filatov, M.A., Postina, T.Yu., Zinchenko, Yu.P. (2015) Effekt N.A. Bernshteyna v otsenke parametrov tremora pri razlichnykh akusticheskikh vozdeystviyakh. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 4, 66—73.

Eskov, V.M., Filatova, O.E., Provorova, O.V., Khimikova, O.I. (2015) Neural emulators in identification of order parameters in human ecology. *Human Ecology*, 5, 57—64.

Eskov, V.M., Gavrilenko, T.V., Kozlova, V.V., Filatov, M.A. (2012) Measurement of the dynamic parameters of microchaos in the behavior of living biosystems. *Measurement Techniques*, 55, 9, 1096—1100. Doi 10.1007/s11018-012-0082-0

Es'kov, V.M., Khadartsev, A.A., Es'kov, V.V., Filatov, M.A. (2014) Modelirovanie kognitivnoy i evristicheskoy deyatelnosti mozga s pomoshch'yu neyroemulyatorov. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika* [Complexity. Mind. Post-nonclassics], 1, 62—70.

Eskov, V.M., Khadartsev, A.A., Eskov, V.V., Vokhmina, J.V. (2016) Chaotic dynamics of cardio intervals in three age groups of indigenous and nonindigenous populations of Ugra. *Advances in Gerontology*, 6, 3, 191—197. Doi 10.1134/S2079057016030048

Es'kov, V.M., Kulaev, S.V., Popov, Yu.M., Filatova, O.E. (2006) Computer technologies in stability measurements on stationary states in dynamic biological systems. *Measurement Techniques*, 49, 1, 59—65. Doi 10.1007/s11018-006-0063-2

Es'kov, V.M., Zinchenko, Yu.P., Veraksa, A.N., Filatova, D.Yu. (2016a) Slozhnye sistemy v psikhofiziologii predstavlyayut effekt «povtorenie bez povtoreniya» N.A. Bernshteyna. *Rossiyskiy psikhologicheskii zhurnal* [Russian Psychological Journal], 13, 2, 205—224.

Es'kov, V.M., Zinchenko, Yu.P., Es'kov, V.V., Filatova, D.Yu. (2016b) Sub'ektivnaya i ob'ektivnaya otsenka stepeni napryazheniya myshts // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 2, 19—35.

Es'kov, V.M., Zinchenko, Yu.P., Filatova, O.E. (2016a) K probleme samoorganizatsii v biologii i psikhologii. *Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy* [Bulletin of New Medical Technologies], 23, 3, 174—181.

Es'kov, V.M., Zinchenko, Yu.P., Filatova, O.E. (2016b) Razvitiye psikhologii i psikhofiziologii v aspekte tret'ey paradigmy estestvoznaniya. *Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy* [Bulletin of New Medical Technologies], 23, 3, 187—194.

Es'kov, V.M., Zinchenko, Yu.P., Filatova, O.E. (2016c) Tre'tya paradigma v meditsine i psikhofiziologii. *Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy* [Bulletin of New Medical Technologies], 10, 2, 73—79. URL: <http://medtsu.tula.ru/VNMT/Bulletin/E2016-2/1-6.pdf> (data obrashcheniya: 20.06.2016).

Filatov, M.A., Veraksa, A.N., Filatova, D.Yu., Poskina, T.Yu. (2016) Ponyatie proizvol'nykh dvizheniy s pozitsiy efekta Es'kova—Zinchenko v psikhofiziologii

dvizheniy. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika* [Complexity. Mind. Post-nonclassics], 1, 24—32.

Filatov, M.A., Filatova, D.Yu., Poskina, T.Yu., Strel'tsova, T.V. (2014) Metody teorii khaosa-samoorganizatsii v psikhofiziologii. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika* [Complexity. Mind. Post-nonclassics], 1, 13—28.

Filatova, O.E., Es'kov, V.V., Vokhmina, Yu.V., Zimin, M.I. (2015) Printsip otositel'nosti pokoya i dvizheniya gomeostaticeskikh sistem ili yavlyaetsya li biomekhanika razdelom fizicheskoy mekhaniki i termodinamiki? *Slozhnost'. Razum. Postneklassika* [Complexity. Mind. Post-nonclassics], 3, 66—76.

Gell-Mann, M. (1997) Fundamental sources of unpredictability. *Complexity*, 3, 1, 9—13.

Penrouz, R. (2003) *Novyy um korolya. O komp'yuterakh, myshlenii i zakonakh fiziki* [The new mind of the king. About computers, thinking and the laws of physics]. Moscow: Editorial URSS.

Prigogine, I.R. (1997) *The end of certainty: Time, chaos, and the new laws of nature*. N.Y.: Free Press, 1997.

Rozenberg, G.S. (2014) Razmyshleniya o printsipakh simmetrii v ekologii. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika* [Complexity. Mind. Post-nonclassics], 3, 29—39.

Stepin, V.S. (2013) Tipy nauchnoy ratsional'nosti i sinergeticheskaya paradigma. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika* [Complexity. Mind. Post-nonclassics], 4, 45—59.

Stepin, V.S., Es'kov, V.M., Budanov, V.G. (2016) Novye predstavleniya o gomeostaze i evolyutsii. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika* [Complexity. Mind. Post-nonclassics], 3, 52—58.

Weaver W. (1948) Science and complexity. *American Scientist*, 36, 536—544.

Zilov, V.G., Es'kov, V.M., Khadartsev, A.A., Es'kov, V.V. (2017) Eksperimental'noe podtverzhdienie efekta «Povtorenie bez povtoreniya» N.A. Bernshteyna. *Byulleten' eksperimental'noy biologii i meditsiny* [Bulletin of Experimental Biology and Medicine], 1, 4—9.

Zinchenko, Yu.P., Es'kov, V.M., Es'kov, V.V. (2016a) Ponyatie evolyutsii Glensdorfa—Prigozhina i problema gomeostaticeskogo regulirovaniya v psikhofiziologii. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 1, 3—24.

Zinchenko, Yu.P., Filatova, O.E., Es'kov, V.V., Strel'tsova, T.V. (2016b) Ob'ektivnaya otsenka soznatel'nogo i bessoznatel'nogo v organizatsii dvizheniy. *Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy* [Bulletin of New Medical Technologies], 23, 3, 31—38.

Zinchenko, Yu.P., Khadartsev, A.A., Filatova, O.E. (2016) Vvedenie v biofiziku gomeostaticeskikh sistem (complexity). *Slozhnost'. Razum. Postneklassika* [Complexity. Mind. Post-nonclassics], 3, 6—15.

Original manuscript received March, 14, 2017

Revised manuscript accepted March, 28, 2017

УДК 159.9.01
doi 10.11621/vsp.2017.01.17

ПОСТИЖЕНИЕ, НЕПОСТИЖИМОЕ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ПОНИМАНИЯ

В. В. Знаков

В статье дан методологический анализ трех тенденций развития психологического познания в последние три десятилетия. Во-первых, анализируются психологические исследования обработки информации в человеческом мышлении, основанной иногда на интуитивном опыте, иногда на логически обоснованном знании. Показано, что согласно теориям двойственности процессов рассуждений (*dual-process theories of human thinking*), у человека есть две отличные, но взаимодействующие системы для обработки информации. Одна система ориентирована на эвристики, приводящие к интуитивным ответам, а другая основана на аналитической обработке. Их описания соответствуют представлениям психологов о когнитивно-опытной теории личности (*CEST*) С. Эпштейна и двух познавательных стилях — рациональном и интуитивном. Такие научные представления неразрывно связаны с существованием целостного континуума способов понимания мира: от парадигматического к нарративному и затем к тезаурусному. Во-вторых, доказывается, что современный человек живет в многомерном мире, состоящем из эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностей. События и ситуации в этих реальностях понимаются людьми по типам понимания-знания, понимания-интерпретации и понимания-постижения. В-третьих, обосновывается, что экзистенциальную реальность субъект не познает, а постигает. Соответственно экзистенциальный опыт субъекта закономерно включает не только бессознательные знания и переживания, но

Знаков Виктор Владимирович — доктор психологических наук, главный научный сотрудник ИП РАН, профессор кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail*: znakov50@yandex.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-06-00334).

и непостижимое и таинственное. Обосновано, что непостижимость реальности — это один из атрибутов бытия. Непостижимость не означает принципиальной невозможности понимания. Постижение представляет собой такой тип понимания, который направлен на явления и объекты мира, требующие для своего понимания незаурядных усилий. Постижение — это такое схватывание целого, части которого субъект по тем или иным причинам не может познать и детально описать. Проанализирована тайна как научный психологический, а не мистический и фантастический феномен. Определение тайны дано на основе психологии мышления, в которой различаются проблемная ситуация и задача.

Ключевые слова: понимание, постижение, знание, опыт, непостижимое, тайна.

Два психологических механизма мышления

Одной из важнейших тенденций развития методологии психологической науки в последние три десятилетия является анализ двойственности механизмов обработки информации в человеческом мышлении. Двойственность мышления, с одной стороны, отражает многомерность мира человека, принципиальные различия в типах проблем, которые субъект должен решать в эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностях (Знаков, 2012). С другой стороны, в названной тенденции развития методологии психологической науки как в имплицитном, так и эксплицитном виде выражено соотношение сознательных и бессознательных, логических и интуитивных компонентов человеческих рассуждений. Закономерность и оправданность существования такой тенденции следует из публикаций зарубежных и российских ученых.

С.А. Сломэн выделяет две системы мышления — ассоциативную и основанную на правилах. Первая система ассоциативна потому, что ее функционирование направлено на отражение подобных структур и отношений пространственно-временной смежности. Вторая система основана на правилах, она оперирует символическими структурами, содержание и свойства которых обеспечивают логически правильные рассуждения. Две системы анализируются автором как обладающие взаимодополняющими функциями, обеспечивающими мыслящему субъекту возможность одновременно осуществлять разные варианты решения задачи (Sloman, 1996).

Многие психологи различают два типа познавательных процессов: осуществляемых быстро при незначительном участии сознания и более рефлексивных, но протекающих медленнее. К.Е. Станович и

Р.Ф. Уэст назвали их процессами Системы 1 и Системы 2 (Stanovich, West, 2000). Процессы Системы 1 возникают спонтанно и не требуют большого количества ресурсов внимания. Распознавание того, является ли входящий в аудиторию человек вашим учителем по математике, задействует процессы Системы 1. Узнавание этого человека осуществляется мгновенно, без приложения усилий и не зависит от интеллекта, мотивации или сложности решаемой задачи. Вычисление без калькулятора квадратного корня из числа 19163 задействует процессы Системы 2 — ментальные операции, требующие усилий, мотивации, концентрации внимания и следования ранее выученным правилам. При вычислении квадратного корня Система 1 не играет никакой роли, потому что эта задача не предполагает интуитивного решения. Только человек, достаточно мотивированный и знающий алгоритм, может получить правильный ответ (Frederick, 2005).

Итак, согласно теориям двойственности процессов рассуждений (*dual-process theories of human thinking*), у человека есть две отличные, но взаимодействующие системы для обработки информации. Одна (Система 1) ориентирована на эвристики, приводящие к интуитивным ответам, в то время как другая (Система 2) основана на аналитической обработке. Обе системы могут время от времени функционировать параллельно. Однако когда доступны познавательные ресурсы и активированы аналитические цели, Система 2 обычно доминирует и закрывает познающему субъекту вход в Систему 1 (Gervais, Norenzayan, 2012). Удовлетворительное объяснение этого феномена можно найти в представлениях Ж. Пиаже о существовании аффективного бессознательного и когнитивного бессознательного (Пиаже, 1996). С точки зрения ученого, познающий субъект обычно не осознает структур или функций внутренних механизмов, направляющих его мышление, ему ясны лишь результаты. Именно эти внутренние механизмы Пиаже называет когнитивным бессознательным. Основополагающими понятиями для объяснения структуры и функций когнитивного бессознательного в концепции Пиаже являются «сенсомоторные схемы» и «операциональные схемы». Он пишет: «Следовательно, проблема может быть сформулирована следующим образом: почему некоторые сенсомоторные схемы становятся осознанными (т.е. принимают репрезентативную, в частности вербальную, форму), в то время как другие остаются бессознательными? Причина этого лежит, по-видимому, в том, что некоторые схемы действий противоречат идеям, которые субъект сознательно уже сформулировал. Эти идеи занимают более высокое место, чем схемы действия, и таким обра-

зом блокируют их интеграцию в сознательное мышление. Ситуацию можно сравнить с аффективным вытеснением: когда чувство или побуждение противоречит эмоции или тенденции более высокого порядка (например, идущей от Суперэго), они устраняются сознательным или бессознательным вытеснением. Таким образом, в познании можно наблюдать механизм, аналогичный бессознательному вытеснению» (Пиаже, 1996, с. 128). По его мнению, осознание — это следствие реконструкции на высшем — сознательном — уровне элементов, которые до этого уже были организованы иным образом на низшем — бессознательном — уровне.

Дж.С.Б.Т. Эванс предпринял попытку систематизировать отличительные признаки двух систем мышления, представленные в статьях разных психологов. Систему 1 характеризуют: автоматичность, эвристичность, эмпирический опыт, имплицитное неявное знание, ассоциативность, интуитивность, бессознательность, импульсивность, холистичность. Такой стиль мышления отличается интуитивностью принимаемых решений, высокой скоростью мыслительных процессов при минимальной их осознанности. Система 2, наоборот, во время мышления проявляется в контролируемости, систематичности, рациональности, эксплицитности знания, логичности, осознанности, рефлексивности, аналитичности. Реализующее Систему 2 мышление оказывается целенаправленным, логически обоснованным и осознанным (Evans, 2008).

В современной науке убедительные подтверждения двойственности психологических механизмов человеческого мышления можно найти в исследованиях аналитического и холистического типов мышления (Знаков, 2013; Choi et al., 2007; Gervais, Norenzayan, 2012; Mei-Hua, 2008; Pierce, 2007).

Фактор аналитической переработки информации взаимосвязан с фактором общего интеллекта, в то время как фактор холистической переработки — с эмоциональным интеллектом. В исследовании С.С. Беловой с соавторами не было выявлено связи аналитичности и холистичности с креативностью (Белова и др., 2012). Вместе с тем в целом ряде других работ утверждается, что креативные субъекты явно предпочитают холистический стиль мышления и способ решения задач (Zhang, 2002). Фрэйм двойственности когнитивной обработки предсказывает, что стратегия аналитического мышления может быть источником религиозного неверия. Искренне верующие люди проявляют больше положительных эмоций в ситуациях, актуализирующих естественный для человека страх смерти. При обсуждении проблем, связанных с религиозными убеждениями (в частности, эвтаназии, абортов и др.), они обнаруживают меньшую

когнитивную сложность, чем атеисты. Однако при решении иных проблем (пример — охрана окружающей среды) когнитивная сложность рассуждений холистов становится такой же, как у аналитиков (Friedman, 2008).

Современные научные представления об аналитичности/холистичности обобщены в теоретической модели, разработанной Р.Е. Нисбеттом с коллегами (Nisbett et al., 2001). Модель включает *четыре* основных признака аналитического и холистического типов мышления и понимания субъектом мира: фокус внимания, отношение к противоречиям, восприятие изменений и каузальная атрибуция.

При оценке социальных ситуаций холисты обычно обращают внимание прежде всего на *целостный контекст*: отношения между объектами и областью, которой они принадлежат. Напротив, аналитический стиль мышления способствует направленности внимания скорее на сами объекты, чем на область, которой они принадлежат. Холисты более независимы, чем аналитики, им труднее отделить объект от области, в которую он включен. Зато холисты лучше, чем аналитики, справляются с обнаружением отношений среди объектов на фоне поля.

В неоднозначных социальных ситуациях и спорах холисты обычно более *толерантны к противоречиям* и пытаются достичь компромисса. Они основываются на предположении, что противоположные суждения могут быть одновременно верными и что каждое в конечном счете может быть преобразовано в свою противоположность. Напротив, формальный логический подход аналитиков проявляется в их направленности на решение противоречий путем выбора одного из двух противоположных суждений.

Холисты полагают, что в природном и социальном мире все связано друг с другом. Они рассматривают объекты, явления как нестатичные и ожидают, что из-за сложных паттернов взаимодействий элементов существует состояние постоянного *изменения*. Аналитики, наоборот, воспринимают большинство объектов как независимые. Из этого следует, что, по их мнению, сущность объектов не изменяется в течение долгого времени, потому что она не подвержена влиянию других факторов.

Каузальная атрибуция: интерпретируя причины поведения других, люди обычно сводят объяснения либо к ситуативным факторам, либо к диспозициональным (чертам личности, предрасположенности реагировать сходным образом в различных ситуациях). Аналитики нацелены преимущественно на поиск диспозициональных причин, в то время как холисты включают в объяснение

также и ситуативные факторы. Прежде чем сделать заключение, холисты рассматривают большее количество информации, чем аналитики. В результате они реже совершают фундаментальные ошибки каузальной атрибуции (Choi et al., 2007; Mei-Hua, 2008; Pierce, 2007).

Гораздо раньше западных психологов к глубоким и содержательным выводам о двойственной природе человеческого мышления пришел отечественный психолог Я.А. Пономарев. Исследуя мышление и творчество, он различал логический и интуитивный опыт. Сознательный логический опыт всегда связан с целями мыслительной деятельности (предвосхищаемыми результатами действий, которые субъект может высказать словами). Интуитивный опыт, основанный на бессознательном знании, формируется вне и независимо от целей. Соответственно мыслящий субъект не осознает такое знание и потому бессмысленно спрашивать его о характеристиках и свойствах интуитивного опыта. По Я.А. Пономареву, превращение бессознательного знания в осознанное возможно только с помощью действий: чтобы реализовать в мышлении интуитивный опыт, субъект должен осуществить определенные умственные действия (Пономарев, 1983). Д.В. Ушаков, развивая эти идеи, уточняет: «Люди могут функционировать в различных режимах. В хорошо осознанном логическом режиме они не имеют доступа к своему интуитивному опыту. Если же в своих действиях они опираются на интуитивный опыт, то тогда они не могут осуществлять сознательный контроль и рефлекссию своих действий» (Ушаков, 2006, с. 37). Очевидно, что здесь уже отчетливо просматривается попытка осмысления психологических механизмов двойственности мышления, анализа сфер реализации Системы 1 и Системы 2.

От знания — к опыту

В наше время обращение многих психологов к категории опыта происходит не случайно. С одной стороны, интерес к этому феномену органично вытекает из описанных выше психологических исследований двойственности мышления, функционирование которого происходит при опоре как на достоверные знания, так и на интуитивный опыт. С другой стороны, такой поворот в научном мировоззрении ученых соответствует методологическим тенденциям развития современного социогуманитарного познания. Сегодня в психологии происходит становление нового этапа познания, на котором во многих исследованиях ключевую роль начинает

играть анализ не сознания, познания и знания, а интегративного феномена *опыта* — индивидуального и надличностного. В научном исследовании знание соотносится главным образом с предметно-содержательными характеристиками событий и ситуаций. Опыт шире, он является порождением не только познавательных структур, но и ценностно-смысловых образований личности, неразрывно связанных с эмоциональными трудно вербализуемыми переживаниями.

В методологии гуманитарных наук необходимость постановки во главу угла опыта, а не истины ясно и четко сформулирована Ф. Анкерсмитом (2007). Большинство сущностей и явлений, с которыми имеют дело психологи, таковы, что их описания не могут быть референтными, прямо отнесенными к психическим образованиям. Например, что считать референтом духовности или здоровья? Никто не сомневается, что в онтологическом смысле названные феномены существуют. Вместе с тем научные дискуссии о них ведутся на естественном языке, на котором можно сформулировать множество теорий. Научные теории — это не референты, а репрезентации, они не непосредственно соотносятся с исследуемыми феноменами, а как бы замещают их в сознании ученых. Однако репрезентации включают не только отражение реальности, но и правила ее познания и языкового описания.

В истории психологии сначала произошел *сдвиг от когнитивизма* с его идеей истинности знания к *конструктивистской психологии*, представители которой фактически отказались от истинности и провозгласили доминирующую роль языка — не только описывающего мир, но и определяющего познавательные схемы субъекта. Поскольку языковые конструкции всегда многозначны, то вряд ли уместно говорить об истинности выраженных языковым способом теорий (Gergen, 1985). Сейчас мы становимся свидетелями и участниками следующего шага в развитии методологии социогуманитарных наук, в том числе психологии: происходит *сдвиг от языка к опыту*. При этом основной проблемой становится не то, как нам удастся репрезентировать реальность, а то, каким образом мы приобретаем опыт реальности? (Анкерсмит, 2007). Если в научном знании ключевую роль играет истинность, то для опыта она фактически не важна, значимы его субъективная ценность и личностный смысл. Особую роль в человеческом бытии играет такой вид опыта, как *экзистенциальный*. Он направляет весь ход жизни человека и, в частности, осуществляет ценностно-смысловую регуляцию тезаурусного и нарративного понимания субъектом себя и мира.

Разумеется, все многообразие психологических исследований нельзя сводить только к изучению экзистенциальных сторон человеческого бытия. В современной психологии существует три традиции психологического исследования (когнитивная, герменевтическая, экзистенциальная), в каждой из них при описании исследователем проблем, целей, результатов ключевую роль играют соответственно понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение (Знаков, 2009). Однако основная цель этой статьи — научный анализ осмысления и понимания человеком событий и ситуаций, возникающих в экзистенциальной реальности человеческого бытия (Знаков, 2012).

Экзистенциальный опыт и понимание-постижение событий и ситуаций

В современной психологической литературе представлено шесть основных составляющих экзистенциального опыта, которые находятся в фокусе внимания ученых. Это его трехкомпонентная структура, метасистемная организация, переживание как субъективная ценность, свое и чужое в опыте человека, понимание-постижение и непостижимое, а также тайна как атрибут опыта.

С позиций психологии человеческого бытия принципиально важно различие *экзистенциального* и *обыденного*, повседневного видов опыта субъекта. Экзистенциальные события представляют собой такие осмысленные, понятые, оцененные субъектом факты и явления человеческого бытия, к которым он не может остаться равнодушным. Неудивительно, что экзистенциальными для субъекта становятся далеко не все повседневные события и ситуации. Экзистенциальные — это только события, оказавшие на человека сильное влияние, в процессе понимания и переживания которых изменился его внутренний мир. *Экзистенциальный опыт представляет собой совокупность бессознательных знаний и переживаний субъекта.*

Экзистенциальный опыт неизбежно включает в себя постижение. В современном дискурсе употребление прилагательного «постижимый» возможно только тогда, когда речь идет о глубоком понимании сути характеризуемого объекта, о проникновении в его основные, наиболее существенные свойства. Понимать можно и простое, и сложное, а постигать — только сложное. Например, в 2001 г. для миллионов людей со всего мира очевидным, когнитивно понятным, но экзистенциально непостижимым, почти апокалипти-

ческим событием стала неоднократно повторявшаяся по телевидению картина крушения манхэттенских небоскребов-близнецов.

В социогуманитарных науках постижение бытия человеком рассматривается как такая система, в которой отдельные типы сознания и знания анализируются как формы развивающейся духовной культуры. Согласно С.А. Хмелевской и Н.И. Яблоковой, «постижение бытия осуществляется в определенных устойчивых формах (философия, наука, религия и пр.), которые образуют постижение-систему» (Хмелевская, Яблокова, 2013, с. 74). В социокультурном контексте постижение — это «культурно-историческое получение знания, в котором различные типы сознания и знания (обыденное, мифологическое, религиозное, эстетическое, научное, философское) предстают как формы единой, органически развивающейся духовной культуры» (Там же).

В психологии постижение трактуется в более узком значении. Постигание представляет собой такой тип понимания, который, во-первых, направлен не на простое, а на *сложное*: явления и объекты мира, требующие для своего понимания незаурядных усилий. «Употребление прилагательного *постижимый* возможно только в том случае, когда речь идет о глубоком понимании сути характеризующего объекта, о проникновении в его основные, наиболее существенные свойства. Такое понимание может быть достигнуто в результате серьезных *творческих* усилий, глубокой *интуиции*, *озарения*, божественного *откровения*. Для него недостаточно готовых знаний или чужих объяснений» (Богуславская, 1997, с. 259—260). Во-вторых, постижение — это такое *схватывание* целого, части которого мы по тем или иным причинам не можем познать и детально описать. Например, директор атомной электростанции ни при каких обстоятельствах не сможет знать обо всех процессах, происходящих в данный момент в ядерном реакторе.

Следовательно, необходимость в постижении возникает тогда, когда невозможно познание, когда у нас нет возможности описать понимаемое с помощью логически обоснованных знаний.

Решения, принимаемые нами в трудных жизненных ситуациях, основаны как на разуме, рациональных рассуждениях, так и на интуитивном непонятном постижении. Экзистенциальный опыт объединяет в себя и то, что мы можем выразить, описать вербальными средствами, и то неосознаваемое, в существовании чего мы почему-то уверены, но о чем можем только строить интуитивные догадки и понимать на уровне понимания-постижения. Вместе с тем экзистенциальный опыт как компонент человеческого бытия включает и объективно непостижимые для субъекта области.

Непостижимое и тайна — проблемы психологии понимания

Непостижимое — одна из объективных характеристик бытия. Человеческое бытие всегда есть нечто большее и иное, чем все мыслимое и тем более описываемое в понятиях. Бытие, условно говоря, больше мышления потому, что существует немало событий и ситуаций, количество сведений о которых явно превышает возможности оперативной памяти и мышления познающего мир субъекта. Например, мэр мегаполиса не может иметь достоверной информации о техническом состоянии всех коммуникаций в городе. Таким образом, непостижимость самой реальности — это один из атрибутов бытия.

Необходимо уточнить: *непостижимость не означает принципиальной невозможности понимания*. Непостижимость человеком некоторых событий и ситуаций возникает вследствие трудностей концептуализации, другими словами, объединения частей в целостную схему, структуру осознаваемых и неосознаваемых, но все-таки интуитивно понятных категориальных знаний о понимаемом. Ведь понимание — это всегда соотнесение нового с известным, включение предмета понимания в структуру личностного знания понимающего субъекта.

Важной частью экзистенциального опыта является не только непостижимое, но и тайна. Психологи должны осознавать, что некоторые стороны экзистенциального опыта объективно таинственны. Они таинственны не вследствие слабости нашего познания, а потому, что их невозможно представить в понятийном знании. Разумное понимание тайны как атрибута экзистенциального опыта заключается в осознании *бессмысленности усилий*, направленных на ее раскрытие, разоблачение.

Что такое тайна как научный психологический, а не мистический и фантастический феномен? Содержательно тайна раскрывается в описаниях событий, хотя и иррациональных, но реальных. Я имею в виду то, что есть, бывает, но необъяснимо. Например, в рассказе классика русской литературы, писателя-реалиста И.С. Тургенева «Собака», когда герой выключал свет и ложился спать, у него под кроватью начинала ворочаться и издавать характерные звуки не существующая у него собака. При включении света собака пропала. Это можно было бы приписать слуховым галлюцинациям героя, но когда он пригласил к себе переночевать приятеля, тот услышал то же самое.

Вполне удовлетворительное определение тайны можно дать, опираясь на данные современной психологии мышления, в которой различаются проблемная ситуация и задача (загадка). А.В. Брушлинский писал: «Необходимо различать *проблемную ситуацию и задачу*. *Проблемная ситуация — это довольно смутное, еще не очень ясное и мало осознанное впечатление, как бы сигнализирующее “что-то не так”, “что-то не то”*. Например, летчик начинает замечать, что с мотором происходит нечто непонятное, однако он пока не уяснил, что именно происходит, в какой части мотора, по какой причине, и тем более летчик еще не знает, какие действия надо предпринять, чтобы избежать возможной опасности. В такого рода проблемных ситуациях и берет свое начало процесс мышления. Он начинается с анализа самой этой проблемной ситуации. *В результате ее анализа возникает, формулируется задача, проблема в собственном смысле слова*. Возникновение задачи — в отличие от проблемной ситуации — означает, что теперь удалось хотя бы предварительно и приблизительно расчленить данное (известное) и неизвестное (искомое). Это расчленение выступает в словесной формулировке задачи» (Брушлинский, 1998, с. 444—445). По А.Н. Леонтьеву, задача — это цель, данная в определенных условиях.

С психологической точки зрения тайна обладает, по меньшей мере, четырьмя признаками.

1. Тайна — это такая проблемная ситуация, которую субъект *не может преобразовать* в задачу. Столкнувшись с чем-то непонятным и неразрешимым, на каком-то этапе осмысления проблемы человек понимает, что у него нет необходимых знаний, умений, навыков и потому сознательно отказывается от ее решения.

2. Человек оценивает проблемную ситуацию как *жизненно значимую* для себя: проблема превращается в незабываемое экзистенциально ценностное событие.

3. Тайственными для нас становятся не все проблемные ситуации, а только *редкие*, вероятность наступления которых очень мала. Если у меня сломается телевизор и я не смогу его починить, то буду рассматривать эту ситуацию не как тайну, а как отсутствие у меня знаний, которые есть у радиомеханика. Вместе с тем, увидев в небе объект, похожий на НЛО, мы начинаем думать о возможном оптическом обмане, атмосферных явлениях или испытаниях оружия на соседнем военном полигоне. Однако различные гипотезы хотя и будут способствовать запуску мышления, но вряд ли приведут к удовлетворительному формулированию условий задачи, превращению тайны в пока неразгаданную загадку.

4. Тайственные явления оставляют *неудовлетворенной* познавательную мотивацию субъекта, вызывают в его сознании что-то, похожее на «эффект Зейгарник»: они будят воображение, дают волю фантазии, но не приводят к рациональному объяснению произошедшего.

Приведу типичный пример. В Самаре у меня есть знакомый профессор психологии. Он много лет профессионально занимается психологией характера, написал немало трудов по этой проблематике. Однажды ему показали астрологический прогноз его внучки, и он был поражен почти полным совпадением суждений астролога с его собственными представлениями о характере девочки. Будучи ученым, он начал рассуждать о возможностях доказательства неслучайности совпадения. Могут ли обладать одинаковым психологическим складом люди, родившиеся в один день? Однако, наверно, надо учитывать точное время рождения, место, может быть, национальность и т.п. Постепенно становится очевидным, что все условия формулировки этой задачи учесть практически невозможно. Вывод: не пытаться разгадать загадку точности астрологического прогноза, а принять отраженную в нем характеристику как единичный факт. Этот факт (психологическая характеристика родного человека) не может быть абстрактно-безразличным, он явно обладает личностной экзистенциальной ценностью для профессора.

Тайна есть неустранимый и *непроблемный* контекст действительности, ее не только нельзя осознать, но обычно и не нужно осознавать. Подлинно экзистенциальное понимание заключается в том, что к непостижимому и таинственному не следует подходить так же, как к анализу решения познавательной задачи, проблемы. Познавательную задачу мы решаем до тех пор, пока аналитическим способом не только находим, но и устраняем скрытое в ее условиях противоречие. В таинственном *не может быть противоречий*, потому что экзистенциальная тайна бытия по своей природе не аналитична, а холистична. Это значит, что хотя и на уровне бессознательного, но тайна включает представления субъекта о том, что противоречивые компоненты экзистенциальной ситуации все же неотделимы от нее как целого. Более того, можно найти угол зрения, при котором противоречия не только не устраняются, но и превращаются в свою противоположность.

В человеческом бытии есть немало тайн, в которые люди непосредственно вовлечены и которые следует рассматривать только в контексте экзистенциальных ситуаций. Для всех нас тайной является не только дата собственной смерти, но и то, что с нами будет после нее. Люди не могут предсказывать время смерти, они лишь

по-разному *оценивают*, относятся к этому событию. Для одних это безусловная трагедия, неприятные мысли о которой они стараются отодвигать на задний план сознания; для других — размышления об итогах, что удалось сделать, а что нет; у третьих преобладает тревога по поводу семьи. Применительно к таким содержащим тайну экзистенциальным ситуациям невозможно и бессмысленно формулировать конкретные причинные вопросы (почему? зачем? из-за чего?). Например, на протяжении нескольких столетий для человечества тайной остается улыбка Джоконды Леонардо да Винчи, но какие небанальные вопросы здесь уместны, о чем тут спрашивать?

В основании *экзистенциальной тайны* лежит не познавательное стремление к решению задачи. Наоборот, при ее появлении важен осознанный человеком отказ от разгадывания, принятие ее как субъективной *ценности*. Это такие тайны, которые не внутри нас, а те, в которые мы вовлечены как субъекты человеческого бытия. Экзистенциальная тайна — это атрибут и опыта субъекта, и ситуации, в которую он попадает. Приобщение к таким тайнам позволяет субъекту включиться в какой-то иной, условно говоря, более глубокий и одновременно более возвышенный уровень бытия. Экзистенциальные тайны более значительны, чем неразгаданные загадки внешних событий жизни.

Когнитивно тайна непознаваема. В экзистенциально-герменевтическом контексте в ней проявляется плюралистичность мира, множественность ответов на вопросы (в частности, что скрывает в себе улыбка Джоконды?). Многообразие ответов и вариантов интерпретации таинственного — это не что иное, как разные способы понимания.

Следовательно, *тайна — это проблема психологии понимания*.

Заключение

Итак, анализ методологических тенденций развития современной психологии показал следующее. Из двойственности психологических механизмов мышления следует, что изучение роли экзистенциального опыта (а не только логически обоснованных и осознанных субъектом знаний) — это, безусловно, перспективное направление психологических исследований. Изучение опыта расширяет горизонты исследовательского поля, позволяет психологам фокусировать внимание на анализе принципиально новых проблемных ситуаций — постижения, непостижимого, тайны и др.

Кроме того, такой анализ углубляет содержательные представления ученых о существенных различиях в осмыслении субъектом

характерных особенностей эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностей. В эмпирической реальности мы решаем предметные задачи, результатом решения которых является *новое знание* о мире. Вслед за А.В. Брушлинским можно утверждать, что при обращении психологов к анализу макрокатегорий, не имеющих референтов в эмпирической реальности («духовность», «гуманизм», «справедливость» и др.), решающее значение приобретает *способ* их интерпретации. Исследуя решение нравственных задач, он писал: «Решением считался не какой-либо определенный ответ (как это принято в предметных задачах), а любой обоснованный и подробно обсужденный испытуемым способ решения» (Брушлинский, 2006, с. 562). Фактически это означает, что при переходе от микросемантического метода решения задач к макроаналитическому изменяются наши представления о соотношении мышления и понимания. В психологии мышления акцент делается на результате, получении мыслящим субъектом новых знаний о мире. В отличие от мышления понимание прямо не направлено на поиск нового, его главная функция — порождение смысла знания. Понимание всегда поливариативно, его полнота определяется степенью разнообразия вариантов интерпретации понимаемого. С позиции психологии понимания интерпретация — это конкретный, один из возможных способов понимания. В частности, способы решения нравственных задач, по А.В. Брушлинскому, есть не что иное, как различные интерпретации содержания понимаемой нравственной ситуации.

Следовательно, концентрация внимания психологов даже только на одной из методологических тенденций, связанной с интуитивным мышлением и экзистенциальным опытом, способствует не только углублению научных знаний об известных феноменах, но и развитию новых взглядов на содержательное соотношение между разными областями психологической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007.
 Белова С.С., Валуева Е.А., Овсянникова В.В., Сысоева Т.А. Аналитические и творческие способности в социальной сфере // Психология образования в поликультурном пространстве. 2012. № 4. С. 91—97.
 Богуславская О.Н. Понятный, ясный, доступный, постижимый, внятный // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 258—262.

Брушлинский А.В. Интеллектуальные процессы: мышление // Психология: Учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений / Отв. ред. А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. М.: Академия, 1998. С. 430—475.

Брушлинский А.В. Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.

Знаков В.В. Три традиции психологических исследований — три типа понимания // Вопросы психологии. 2009. № 4. С. 14—23.

Знаков В.В. Многомерный мир человека: типы реальности, понимания и социального знания // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2012. № 3. С. 18—29.

Знаков В.В. Аналитичность и холистичность во взглядах А.В. Брушлинского и О.К. Тихомирова // Вопросы психологии. 2013. № 4. С. 135—146.

Пижае Ж. Аффективное бессознательное и когнитивное бессознательное // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 125—131.

Пономарев Я.А. Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.

Ушаков Д.В. Языки психологии творчества: Яков Александрович Пономарев и его научная школа // Психология творчества: школа Я.А. Пономарева / Под ред. Д.В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 19—142.

Хмелевская С.А., Яблокова Н.И. Система форм постижения бытия в контексте современной культуры // Вестник МГОУ. Сер. Философские науки. 2013. № 2. С. 74—78.

Choi I., Koo M., Choi J.A. Individual differences in analytic versus holistic thinking // Personality and Social Psychology Bulletin. 2007. Vol. 33. N 5. P. 691—705. Doi 10.1177/0146167206298568

Evans J.S.B.T. Dual-processing accounts of reasoning, judgment, and social cognition // Annual Review of Psychology. 2008. Vol. 59. P. 255—278. Doi 10.1146/annurev.psych.59.103006.093629

Frederick S. Cognitive reflection and decision making // Journal of Economic Perspectives. 2005. Vol. 19. N 4. P. 25—42. Doi 10.1257/089533005775196732

Friedman M. Religious fundamentalism and responses to mortality salience: A quantitative text analysis // The International Journal for the Psychology of Religion. 2008. Vol. 18. P. 216—237. Doi 10.1080/10508610802115800

Gergen K.J. The social constructionist movement in modern psychology // American psychologist. 1985. Vol. 40. N 3. P. 266—275. Doi 10.1037/0003-066X.40.3.266

Gervais W.M., Norenzayan A. Analytic thinking promotes religious disbelief // Science. 2012. Vol. 336. N 27. P. 493—496. Doi 10.1126/science.1215647

Mei-Hua L. Analytic-holistic thinking, information use, and sensemaking during unfolding events: A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Wright State University, 2008.

Nisbett R.E., Peng K., Choi I., Norenzayan A. Culture and systems of thought: Holistic versus analytic cognition // Psychological Review. 2001. Vol. 108. N 2. P. 291—310. Doi 10.1037/0033-295X.108.2.291

Pierce M.E. Individual and holistic information processing // Thesis submitted to the Faculty of the Virginia Polytechnic Institute and State University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Science. May 24, 2007. Blacksburg, VA. P. 1—24.

Sloman S.A. The empirical case for two systems of reasoning // Psychological Bulletin. 1996. Vol. 119. N 1. P. 3—22. Doi 10.1037/0033-2909.119.1.3

Stanovich K.E., West R.F. Individual differences in reasoning: Implications for the rationality debate? // Behavioral and Brain Sciences. 2000. Vol. 22. N 5. P. 645—726. Doi 10.1017/S0140525X00003435

Zhang L.F. Thinking styles: their relationships with modes of thinking and academic performance // Educational Psychology. 2002. Vol. 22. N 3. P. 331—348. Doi 10.1080/01443410220138557

Поступила в редакцию 14.03.17

Принята к публикации 28.03.17

GRASP, INCONCEIVABLE AND EXISTENTIAL EXPERIENCE AS METHODOLOGICAL PROBLEMS OF UNDERSTANDING PSYCHOLOGY

Viktor V. Znakov^{1,2}

¹ Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

² Lomonosov Moscow State University, Faculty of Psychology, Moscow, Russia

Abstract: The article describes the methodological analysis of three tendencies of the psychological cognition development for last three decades. Firstly, the author analyzes the psychological studies of the information processing during the human thought, sometimes based on intuitive experience or logical knowledge. It is shown that a person has two different but interacting systems for the information processing according to the dual-process theories of human thinking. One system is focused on the heuristics, producing intuitive responses and the other one is based on analytical processing. Their descriptions correspond to the psychologists' ideas of the Cognitive-Experiential Self-Theory (CEST) by S. Epstein and two cognition styles — rational and intuitive ones. Such scientific ideas are indissolubly linked with the existence of the integrated continuum of the methods for the world understanding: from paradigmatic to narrative and then to thesaurus. Secondly, it is proved that a modern person lives in the multidimensional world, consisting of the empirical, socio-cultural and existential realities. The events and situations in these realities are understood by people after the types “understanding-knowledge”, “understanding-interpretation” and “understanding-comprehension”. Thirdly, it is reasoned that a subject does not cognize the existential reality but comprehend. Therefore,

the existential experience of a subject naturally includes not only unconscious knowledge and experiences, but also incomprehensible and mysterious things. It is proved that the incomprehensibility of the reality is one of the attributes of the being. The incomprehensibility does not mean the essential impossibility of understanding. Comprehension represents such type of understanding which is focused on the phenomena and the objects of the world, requiring extraordinary efforts to be understood. Comprehension is such apprehending of the whole thing, the parts of which a subject cannot cognize and describe in details for any reasons. Mystery was analyzed as a scientific and psychological but not mystical and fantastic phenomenon. Mystery is defined on the basis of psychology of thought in which a problem situation and a problem differ.

Key words: understanding, comprehension, knowledge, experience, an incomprehensible thing, and a mystery.

References:

- Ankersmit, F. (2007) *Vozvyshennyi istoricheskiy opyt* [Sublime historical experience]. Moscow: Evropa.
- Belova, S.S., Valueva, E.A., Ovsyannikova, V.V., Sysoeva, T.A. (2012) Analiticheskie i tvorcheskije sposobnosti v sotsial'noy sfere. *Psikhologiya obrazovaniya v polikul'turnom prostranstve* [The psychology of education in a multicultural environment], 4, 91—97.
- Boguslavskaya, O.N. (1997) Ponyatnyy, yasnyy, dostupnyy, postizhimyy, vnyatnyy. In Yu.D. Apresyan (Ed.) *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka. Pervyy vypusk* [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language. First edition] (pp. 258—262). Moscow: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury».
- Brushlinskiy, A.V. (1998) Intellektual'nye protsessy: myshlenie. In A.V. Petrovskiy, M.G. Yaroshevskiy (Eds.) *Psikhologiya: Uchebnik* [Psychology: A Textbook] (pp. 430—475). Moscow: Akademiya.
- Brushlinskiy, A.V. (2006) *Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Selected psychological works]. Moscow: Izd-vo «Institut psikhologii RAN».
- Choi, I., Koo, M., Choi, J.A. (2007) Individual differences in analytic versus holistic thinking. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 33, 5, 691—705. Doi 10.1177/0146167206298568
- Evans, J.S.B.T. (2008) Dual-processing accounts of reasoning, judgment, and social cognition. *Annual Review of Psychology*, 59, 255—278. Doi 10.1146/annurev.psych.59.103006.093629
- Frederick, S. (2005) Cognitive reflection and decision making. *Journal of Economic Perspectives*, 19, 4, 25—42. Doi 10.1257/089533005775196732
- Friedman, M. (2008) Religious fundamentalism and responses to mortality salience: A quantitative text analysis. *The International Journal for the Psychology of Religion*, 18, 216—237. Doi 10.1080/10508610802115800
- Gergen, K.J. (1985) The social constructionist movement in modern psychology. *American Psychologist*, 40, 3, 266—275. Doi 10.1037/0003-066X.40.3.266

- Gervais, W.M., Norenzayan, A. (2012) Analytic thinking promotes religious disbelief. *Science*, 336, 27, 493—496. Doi 10.1126/science.1215647
- Khmelevskaya, S.A., Yablokova, N.I. (2013) Sistema form postizheniya bytiya v kontekste sovremennoy kul'tury. *Vestnik MGOU. Ser. Filosofskie nauki* [Bulletin of MGOU. Seria Philosophical sciences], 2, 74—78.
- Mei-Hua, L. (2008) *Analytic-holistic thinking, information use, and sense making during unfolding events*: A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Wright State University.
- Nisbett, R.E., Peng, K., Choi, I., Norenzayan, A. (2001) Culture and systems of thought: Holistic versus analytic cognition. *Psychological Review*, 108, 2, 291—310. Doi 10.1037/0033-295X.108.2.291
- Piazhe, Zh. (1996) *Affektivnoe bessoznatel'noe i kognitivnoe bessoznatel'noe. Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], 6, 125—131.
- Pierce, M.E. (2007) *Individual and holistic information processing*: Thesis submitted to the Faculty of the Virginia Polytechnic Institute and State University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Science. May 24, 2007. Blacksburg, VA. P. 1—24.
- Ponomarev, Ya.A. (1983) *Metodologicheskoe vvedenie v psikhologiyu* [Methodological introduction to psychology]. Moscow: Nauka.
- Slooman, S.A. (1996) The empirical case for two systems of reasoning. *Psychological Bulletin*, 119, 1, 3—22. Doi 10.1037/0033-2909.119.1.3
- Stanovich, K.E., West, R.F. (2000) Individual differences in reasoning: Implications for the rationality debate? *Behavioral and Brain Sciences*, 22, 5, 645—726. Doi 10.1017/S0140525X00003435
- Ushakov, D.V. (2006) Yazyki psikhologii tvorchestva: Yakov Aleksandrovich Ponomarev i ego nauchnaya shkola. In D.V. Ushakov (Ed.) *Psikhologiya tvorchestva: shkola Ya.A. Ponomareva* [Psychology of creativity: the school of Ya.A. Ponomarev] (pp. 19—142). Moscow: Izd-vo «Institut psikhologii RAN».
- Zhang, L.F. (2002) Thinking styles: their relationships with modes of thinking and academic performance. *Educational Psychology*, 22, 3, 331—348. Doi 10.1080/01443410220138557
- Znakov, V.V. (2009) Tri traditsii psikhologicheskikh issledovaniy — tri tipa ponimaniya. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], 4, 14—23.
- Znakov, V.V. (2012) Mnogomernyy mir cheloveka: tipy real'nosti, ponimaniya i sotsial'nogo znaniya. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 3, 18—29.
- Znakov, V.V. (2013) Analitichnost' i kholistichnost' vo vzglyadakh A.V. Brushlinskogo i O.K. Tikhomirova. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], 4, 135—146.

Original manuscript received March, 14, 2017

Revised manuscript accepted March, 28, 2017

УДК 159.964, 316.62
doi 10.11621/vsp.2017.01.36

ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПАТОПСИХОЛОГИИ

А. Ш. Тхостов

В статье рассматриваются возможности объединения двух психологических научных направлений: патопсихологии и социальной психологии. Реализация данного подхода позволит расширить возможности анализа иррациональных и деструктивных форм социального поведения и учета разнообразных форм патологической адаптации, хорошо описанных в патопсихологии. В качестве возможного варианта используются представления современного психоанализа о различных вариантах личностных структур, формирующихся в межличностных отношениях на протяжении индивидуального онтогенеза. В рамках предложенной гипотезы о возможности применения патопсихологических объяснительных конструктов к социально-психологическим феноменам психоаналитическая модель переносится на социальные и общественные отношения. Обсуждаются возможности использования патологических феноменов — бредовых образований, психологической защиты, зависимости — для интерпретации неадекватных отношений субъекта и общества. Основные структуры личностной организации соотносятся с различными вариантами социальных отношений.

Ключевые слова: социальная патопсихология, психологическая защита, иррациональное социальное поведение.

Социальная психология не отрицает того, что человек — не полностью рациональное существо и его поведение не всегда разумно объяснимо (Андреева, 2005; Gabriel, 1999; Kets de Vries, 1980). И проблема не в том, что человек, поступающий нерационально, не очень умен или не понял чего-то, а в том, что он искренне

Тхостов Александр Шамилевич — доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой нейро- и патопсихологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* tkhostov@gmail.com

убежден в рациональности своего поведения. Индивидуальное и коллективное бессознательное может не только определять мотивацию нерациональных поступков, но и приводить к устойчивому искажению социального восприятия, упорству в воспроизведении ошибок прогнозирования и управления.

Более сложные социально-патопсихологические феномены, на которых хотелось бы остановиться подробнее, связаны с определенными типами *отношений* между социумом и субъектом, приводящими к формированию патологических связей, к актуализации неадекватных и ригидных психологических защит, социальных фобий и к снижению уровня социального функционирования.

В качестве исходных посылок нашего рассуждения используем концепцию зонда как принципа формирования топологии субъекта (Тхостов, 2002) и представления современного психоанализа об основных личностных структурах, определяющих способы коммуникации с внешней средой, ведущие формы психологической защиты, ожидания, содержание фобий, личностные ресурсы и стратегии совладания (Патопсихология..., 2008).

Первая посылка основана на расширении феномена зонда от частной иллюзии восприятия до фундаментального принципа формирования границ субъектности. Это попытка ответить на вопрос: каким образом задается граница субъектности, т.е. как проводится граница между *Я* и *не-Я*? Хотя она кажется любому человеку очевидной, на самом деле это не совсем так. Когда я ощупываю зондом (карандашом, ручкой, палкой) какой-либо объект, мое ощущение локализуется не на границе моего тела с зондом, как должно быть, поскольку тело принадлежит мне, а зонд является объектом инородным, а на оконечности зонда и того, что я ощупываю. Подчиняясь мне, зонд сам феноменологически не существует, границы моего тела совпадают с границами того, *чем я управляю*. Это ключевой момент для понимания того, как проводится граница моего *Я*. *Моим* является все, что хоть в какой-то мере мне подчинено, тогда как в ином случае даже часть моего собственного тела, например онемевшая рука, может быть исключена из границ моего тела, если я перестаю *ею управлять*. Условием феноменологического существования зонда является его подчиненность моему движению или предсказанность его движения, в ином случае он сам становится объектом, на границе с которым начнет проходить граница *Я*. Как только он будет обнаруживать собственную активность — например, кто-то начнет им двигать, или он окажется гибким, т.е. способным к самостоятельным изменениям, или его конструкция очень

сложна и ее невозможно предсказать, — произойдет моментальное феноменологическое смещение ощущения с границы оконечности зонда и объекта на границу руки и зонда. И зонд из части *Я* превратится в *не-Я*. С другой стороны, какой бы сложной ни была конструкция зонда, он может быть в принципе *освоен*, если его изменения не являются хаотичными. Точнее, если хаос приобретает элементы порядка. Что это значит с точки зрения порождения или разрушения границ субъекта?

Если отвечать на поставленный выше вопрос в терминах социальной психологии, то можно сказать, что социальный субъект феноменологически не совпадает со своим физическим телом, а представляет собой коммуникативное или социальное тело, сформированное столкновением с коммуникативными и социальными запретами и ограничениями. Но, так же как и в случае с зондом, который можно рассматривать как универсальную модель порождения субъективного «тела», не совпадающего с его анатомическими границами, границы социального субъекта могут выходить за рамки отдельной личности, например в случае его идентификации с социальными группами или институтами. Причем эти границы могут быть как вынесенными вовне отдельного субъекта («Государство — это я» Людовика XIV), так и погруженными внутрь его физического тела (описанные М. Фуко (1999) феномены контроля физиологических функций через социальные правила наблюдения и наказания) или целиком захватывающими его (я как винтик огромного механизма). Но так же как в случае феноменологического переживания тела, социальное тело может быть неустойчивым, смутным, противоречивым, подверженным деструкции. Есть особые типы отношения человека с общественными институтами, или такие формы организации этих институций, которые способствуют нестабильности идентичности и как следствие — развитию компенсаторных патологических форм самоидентификации.

Вторая посылка, основанная на использовании психоаналитической концепции основных патологических личностных структур, позволяет систематизировать и частично интерпретировать подобные отношения. В данном рассуждении я буду использовать в самом широком контексте термин «социальные институции», под которым можно понимать как конкретные организации, так и структуры более высокого уровня: социальные группы, государство, институты власти и пр. Возможно, это и не вполне правильно, но ради простоты и внятности на этом уровне рассуждения некоторыми немаловажными частностями можно пренебречь.

Психотическая структура — психотическая институция

С точки зрения психоаналитических представлений об основных патологических личностных структурах наиболее грубое — *психотическое* — расстройство связано с тем, что для человека, находящегося в этом состоянии, границы, отделяющие его от мира, являются размытыми, изменяемыми, непредсказуемыми. Это случай неупорядоченного зонда, движение или форму которого невозможно однозначно предсказать, или поглощающего зонда, когда границы не задаются извне или не защищают субъекта изнутри. У человека не возникает устойчивое базовое ощущение границы *Я*, а следовательно, и чувство защищенности. Можно выделить три варианта нарушения идентичности при психозе: поглощение, отчуждение и диффузия. Проще всего их можно проиллюстрировать на модели патологического отношения матери к ребенку, лишаящего его возможности создания устойчивой идентичности и приводящего к формированию психотической структуры.

Первый тип психотического отношения — это так называемая *всеприсутствующая* мать, удовлетворяющая потребности ребенка до того момента, когда они будут ясно выражены. Она кормит ребенка до того момента, как он станет голоден, она поит его до того момента, когда у него возникает жажда, укладывает в постель до того как он захотел спать. Таким образом, она заранее и полностью блокирует все те зоны, в которых могла бы проявиться индивидуальность ребенка. Такая вроде бы идеальная мать создает ситуацию, при которой у ребенка не формируются границы собственной идентичности; он рассматривает мать, как принадлежащую ему, его телу, его личности, а себя — как принадлежащего ей. Как может сформироваться ощущение того, где ты заканчиваешься, где ты существуешь? Только если есть некоторый разрыв, где человеку дается возможность для проявления собственной активности и одновременно заданы и стабильны границы этого разрыва, на которых человек сталкивается с противоречием-возражением внешнего мира. В государствах и организациях тоталитарного типа, в которых не существует никакой зоны, никакой возможности для индивидуальной реакции, для индивидуальной деятельности, институция (или ее персонификация в виде лидера) будет обладать качествами такой всеприсутствующей матери, не дающей остальным членам этой группы никакой возможности для создания собственной идентичности. Здесь есть только одно отличие от индивидуальной всеприсутствующей матери: всеприсутствие реализуется не на

уровне реального ухода, а скорее на символическом уровне. Институтция не удовлетворяет отдельные потребности, а диктует, какие потребности вообще может иметь человек, каковы должны быть его ценности, какова сжимающаяся, как шагреновая кожа, доля его самостоятельных желаний. Отдельного человека по отношению к такой институтции не существует, он ее часть, и любая попытка отделения сопровождается страхом аннигиляции: если я часть институтции, то кто же я без нее? В этой системе возможна только одна модальность существования — слияние. Но и это слияние не гарантирует избавления от страха: человек постоянно испытывает колебания от мегаломании до самоуничтожения. Хорошо, конечно, испытывать чувство защищенности, но за это чувство нужно платить полным отказом от своей собственной идентичности. Институтция — это одновременно и всемогущая заботливая мать, и всепожирающий молох. Всемогущество всегда имеет две стороны: оно может и помогать, и не менее успешно губить. Характерным клиническим симптомом психотической институтции является ее сакрализация (или демонизация), проявляющаяся на бытовом уровне: «вечно живой и всегда молодой Ленин», «сидящий в своем кремлевском кабинете и никогда не спящий Сталин», «наблюдающий за всеми КГБ» и пр.

Именно в рамках психотической структуры в качестве национальной идеи может восприниматься победа футбольной сборной, конкурс «Евровидение», развлечения олигархов, с которыми обыватель каким-то странным образом идентифицируется, и прочие массовые «выигрыши». То есть «то, что до реки, — мое, а то, что на другом берегу, — тоже мое».

Второй тип психотического отношения — это *всеотсутствующая* мать. Если мать первого типа удовлетворяет все потребности ребенка до того, как он их выразит, то мать второго типа не удовлетворяет их вообще либо делает это так, что удовлетворение потребностей никак не связано с активностью ребенка. Например, кормит его, укладывает спать только по часам, подходит к нему раз в 15 минут или в час. Так как эта структура навязана извне, она никак не соотносится с потребностями ребенка, и он не может ее интериоризировать. Если первую мать можно сравнить с зондом, захватывающим тебя, заставляющим стать его частью, то вторая мать — это что-то вроде зонда, форма и размер которого непостижимы и который столь же непостижимым образом демонстрирует и свою активность, и ее отсутствие. Это один из самых распространенных случаев институциональной психопатологии, когда институтция отчуждается от субъекта. Она никак не реагирует на то, что

делает связанный с ней индивид, а если что-то и делает сама, то это никоим образом не связано с действиями человека, входящего в нее. Поэтому и принадлежность к подобной институтции эфемерна, отчуждение всегда двусторонне. Главное, что с такой институтцией невозможно идентифицироваться, она все время остается герметичным *объектом*, внутри которого, может быть, что-то и происходит, но нам не дано этого понять. На уровне обыденного сознания она выглядит либо как «конспирологическая жидо-масонская секта», либо как образ английского парламента в интерпретации Бернарда Шоу: паровоз, который пускает пар и искры, но втайне приводится в движение электричеством. Захар Прилепин описал образ отчужденного государства, исходя из невозможности ответить на два простых вопроса: «Кто такой в России неудачник?» и «Может ли в нашей стране честный человек заработать на квартиру?» (Прилепин, 2009). К этому можно добавить еще: «Откуда возникли современные состояния?» и «Кто эти люди, ими владеющие?» Определение упрощенное, но в принципе верное.

И, наконец, третий тип психотического отношения — это мать, которая постоянно меняет собственный способ отношений с ребенком: как только он приспособливается к одному, она меняет его на другой. Она то всеприсутствует, то всеотсутствует. То удовлетворяет любые капризы и случайные желания, то исчезает надолго и непонятно, когда появится. Она все путает: когда ребенок голоден, она укладывает его спать; когда он хочет спать, кормит его. В терминах социальной психологии это такие отношения, основания которых меняются без всякой возможности их постижения, то ли из-за капризов, то ли из-за собственного психоза лидеров организации. А может, просто от глупости или реального отсутствия стратегии. Но обыденное сознание не проникает в дебри причинно-следственных отношений, а ограничивается констатацией того, что капризы, психозы и глупость непостижимы, что с этой институтцией невозможно иметь дело и неясно, как с ней идентифицироваться. То ли мы играем в поддавки, то ли в шашки. То ли танцуем в балете, то ли поем в опере. Подобная ситуация может быть транзиторной, какой она была на сломе эпох в нашей стране, когда правила отношений, и раньше не очень-то внятные, быстро менялись. Но намного хуже, когда подобная неустойчивость становится стабильной. Правила все время нарушаются, забываются. На месте забытых появляются новые, чтобы столь же быстро исчезнуть. Это, наверное, самая патогенетическая из трех описанных ситуаций. К двум первым можно как-то приспособиться, но попытка приспособления к последней способна уничтожить остатки внутренней гармонии субъекта.

Все социальные фобии субъекта, включенного в психотические отношения, несмотря на их содержательное разнообразие, группируются вокруг страха расчленения или уничтожения.

Вне зависимости от варианта психотической структуры отношений между институцией и субъектом у последнего не очень много возможностей найти выход. Используются такие архаические варианты психологической защиты, как отказ, расщепление, проективная идентификация. Субъект выбирает формы адаптации, которые с клинической точки зрения можно рассматривать как патологические варианты поведения. Наиболее часто встречаются снижение активности, ограничение контактов, позволяющие минимизировать негативные следствия разрушающего влияния психотических отношений. В выраженных случаях это приобретает оттенок аутистического поведения; к более мягким формам можно отнести варианты эскейпизма и дауншифтинга. Лидеры психотических институций в этом случае жалуются на отсутствие мотивированности, общих ценностей, на пассивность, комфортность толпы, хотя на самом деле это лишь попытка сохранить остатки гармонии.

Другим вариантом психотической структуры социальных отношений являются хорошо описанные бредовые интерпретации, возникающие в параноидном псевдосообществе (Каплан, Сэдок, 1994). Наиболее часто они встречаются в замкнутых, эмоционально тесно связанных группах с нерасчлененной внутригрупповой идентичностью: религиозных сектах, монастырях, военных подразделений. Защитная функция бредовых конструкций состоит в возможности минимального дистанцирования субъекта от поглощающего его социума и придания неясной опасности элементов интеллигибельности.

Одна из важных особенностей психотических отношений — отсутствие в них подлинной коммуникации. Коммуникация предполагает отделенность субъектов, устойчивость системы значений, понятность смыслов. Слияние, отчуждение, диффузия психотической структуры порождают, как и при индивидуальном психозе, размывание значений, эзотеричность смыслов, шизофазические неологизмы: «ни войны, ни мира», «говорим Ленин, подразумеваем партия», «ограниченный контингент», «принуждение к миру», «принуждение к демократии». Речь выполняет любые функции: заражения, внушения, побуждения, но только не сообщения. Поэтому тоталитарные лидеры никогда и не заботились об истинности своих высказываний.

Более зрелая — *пограничная* — структура личности возникает, когда уже создана достаточно стабильная, но еще не устойчивая

структура собственного Я. Границы уже вроде бы заданы, но они еще не могут гарантировать выживания и безопасности. Человек может существовать только в симбиотическом или так называемом *опорном* отношении с другим объектом. Если для психотической структуры проблематично само существование субъекта, то для пограничной — его *самостоятельное* существование. Лишенный объекта, субъект декомпенсируется, испытывая сильный страх или очень сильные эмоциональные переживания. Клинически пограничную структуру легче всего проиллюстрировать на модели реактивных состояний, возникающих в ответ на утрату важного жизненного объекта: смерть мужа, жены, детей, близких родственников, потеря работы. Это вполне обыденные жизненные события, с которыми сталкивается любой человек. Они не радостны и требуют для того, чтобы их пережить, определенных сил и времени. Конечно, любой человек испытывает скорбь в результате утраты кого-то из близких. Это нормально, поскольку близкие являются для нас частично опорными, симбиотическими объектами. В обычных условиях реакция нормального горя продолжается до полугода или года. В случае пограничной личностной организации утраченный объект настолько важен, что реакция выходит за рамки нормальной. Это нескончаемая скорбь, когда люди превращают комнаты в мемориальные музеи, ничего в них не трогая и не убирая, символически пытаются сохранить нетленным объект поклонения. Любая музеификация, как лежащий в мавзолее Ленин, помимо совершенно уж архаической надежды на воскресение, отвечает потребности сохранения опорного объекта. Вся суть пограничного расстройства заключается в том, что утраченный объект уникален и не может быть заменен ни на какой другой. Как бы цинично это ни звучало, но для зрелого человека не может быть единственным объекта отношений. Таких объектов может быть не очень много, но тем не менее маловероятно и не очень нормально, чтобы он был единственным. Плакать по поводу смерти близкого родственника, мужа, жены — нормально, но ненормально плакать всю жизнь. По поводу кончины директора, президента, начальника, вождя тоже должна быть некая разумная грань проявления скорби. Даже любимый дом, любимая работа, родная страна, эпоха, в которой прошла наша молодость, все же не являются неотделимыми частями нашего Я, если не стали для нас опорными объектами.

Институции пограничного типа легко определить по симптому гипертрофированного внимания к особым отношениям любви, привязанности, существующим между их членами. Все социальные роли сводятся к семейному сценарию: дети, мудрые и справедливые

родители, братья и сестры. Организация, позиционирующая себя как семья, обращается, апеллирует, паразитирует на элементарной пограничной личностной структуре, существующей в каждом человеке. Так же как и в реальной семье, подобный тип отношений несвободен от различных вариантов эксплуатации. Не только дети должны демонстрировать послушание, взрослые тоже не вполне свободны в своем поведении. Семейные роли задают репертуар возможностей и ограничений, а будучи фиксированными, блокируют развитие. Идеальная семья неизменна, любое изменение противоречит этой идеальности.

Ключевое слово для любой институции пограничного типа — жертвенность. Симбиотические отношения предполагают обязательные ограничения, а возможность идентификации в этом случае реализуется только при условии соблюдения этих ограничений. Симбиотическая идентичность — это вариант расширенной идентичности, в которой либо субъект является частью другого, либо другой — частью его самого. Подлинная идентификация, как и при психотической структуре, здесь невозможна, но по другим основаниям.

Симбиотические отношения, соответствующие пограничной структуре, возможны не только с одушевленными объектами, но и с неодушевленными (опорными объектами, привычными условиями обитания, элементами среды), а также и с различными институциями. Пример этого — организации, устроенные по семейному принципу, в которых культивируется преданность, неотделенность, жертвенность. «Мы все как одна семья», «Родина-мать», «мы здесь работаем не из-за денег», «общие интересы превыше всего», «наша компания — единая семья».

Метафора зонда в данном случае реализуется на феноменологическом уровне в виде общей границы, ощущения принадлежности к *другому* или обладания *другим*, а на поведенческом — в виде жертвенности или манипуляции.

Формирование, актуализацию и воспроизведение симбиотических отношений можно также соотнести с некоторыми вариантами детско-родительских отношений. В отношениях пограничного типа эксплуатируется тема любви — всеобъемлющей, недоступной, неустойчивой.

Первый вариант симбиоза порождается безоглядной любовью матери, составляющей со своим ребенком неразрывную пару. В каком-то смысле это структурный вариант всеприсутствующей психотической матери, но всеприсутствие распространяется преимущественно на эмоциональную сферу. Недостатками такого рода отношений являются весьма своеобразные личностные особенно-

сти: неустойчивая и хрупкая самооценка, требование постоянной опеки, нечеткое выделение собственных потребностей и интересов, инфантильность. Вторым вариантом — это недоступная, эмоционально отчужденная мать, любви которой невозможно добиться или заслужить и значение которой начинает переоцениваться. Нехватка же любви может привести не только к собственному эмоциональному оскудению субъекта, но и к постоянному и ненасыщаемому стремлению к компенсации. При неустойчивом материнском эмоциональном отношении возникает ситуация «эмоциональных качелей» — сменяющегося приближения и удаления, неуверенности в стабильности привязанности и неуверенности в себе при гипертрофированном и постоянном требовании подтверждения симбиотической привязанности.

Во всех случаях пограничный тип отношений порождает эмоциональную неустойчивость, характеризующуюся крайними колебаниями «от ярости к радости», парадоксальным сочетанием жертвенности и скрытой эксплуатации, поиском опорных или манипулятивных объектов. Нормальное развитие затруднено: если высшей ценностью являются детско-родительские отношения, то ребенок никогда не должен взрослеть. Затруднена и полноценная коммуникация, значение размыто, смысл неважен, поскольку под формой различных сообщений пограничная структура воспроизводит постоянную проверку сохранности симбиотических связей. Это скрытое послание должно «вычитываться», факт говорит не о самом себе, а о стоящем за ним эмоциональном отношении, поступки не просто совершаются, а делаются для кого-то. Социальные фобии группируются вокруг базового страха утраты опорного объекта, сепарации с ним.

Симптомом пограничной институциональной или личностной структуры может быть вполне невинное ностальгическое воспроизводство или консервация утраченных отношений: «как было раньше». Это, например, очевидное ностальгическое отношение к песням, фильмам, кухне советского времени, причем в самом идеализированном виде. Эмигранты, в свое время бежавшие из СССР, диссиденты, скептически относившиеся к советской эпохе, открывают подчеркнуто «советские» рестораны, слушают песни советской эпохи. Конечно, это вполне невинная игра, воспоминание о своем прошлом, но одновременно и отражение невозможности полностью вписаться в изменяющийся мир, потребность в частичном временном регрессе. Лучше всего культура сохраняется в социальных изолятах, связанных изнутри симбиотическими связями. Комфортность отношений, основанных на симбиотических при-

вязанностях, частично объясняет субъективную привлекательность сект, закрытых институций, работы, отнимающей у человека все время, не оставляя его на личную жизнь, или даже таких объективно опасных видов деятельности, как терроризм. Террорист, конечно, каждую минуту подвергается опасности, но взамен он реализует потребность в аффилиации. Видимо, именно поэтому отмечается рост терроризма в обществах переходного типа, утрачивающих традиционные связи.

Невротическая структура — невротическая институция

Следующий по зрелости тип — это *невротическая* структура. Она соответствует приблизительно тому, что в нормальном индивидуальном развитии относится к эдиповой фазе. Сначала ребенок не выделяет себя из мира, не разделяя себя и мать. Постепенно формируется собственная идентичность, пока еще слабая и неустойчивая; на этой стадии развития ребенок может существовать только в симбиозе. Уже к эдиповой фазе он формируется в основном как самостоятельное существо и начинает претендовать на занятие определенного места в институциональных и межличностных отношениях.

В чем социально-психологический смысл эдиповой фазы? Это не просто стремление существовать (как это бывает при фазе психотической), не просто стать отдельным субъектом (чем должна заканчиваться стадия нормального симбиоза), а стремление стать главным. Ощутить свое право, возможность занять не просто какое-то, а самостоятельное, особое, специальное место. В таком социально-психологическом смысле это борьба за первенство, за доминирование — то, что обычно описывается как фаллическая стадия развития. Кто главный? На этой фазе остается очень большое количество людей, что легко увидеть в обыденной жизни, где заместителями фаллоса выступают его производные в виде большого кабинета, должности, звания, особого стола, квартиры, машины, мобильного телефона, начинающегося с особой цифры. Тут фантазия людей беспредельна.

Как стремление войти в симбиоз всегда подразумевает возможность отсутствия любви, так и гипертрофированные фаллические проявления всегда подразумевают некоторые сомнения в том, так ли на самом деле хорош фаллос. Иначе почему мне нужно все время подтверждать свое первенство? Мол, ничего ли не произошло? «Я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?» Иерархия невозможна, если я не стою в ней на самом верху, в ином случае любая иерархия

или несправедлива, или унижительна. При этом парадоксальным образом иерархия строго поддерживается, любые ее изменения вызывают тревогу.

Успешное прохождение эдиповой фазы — ключевое условие нормального развития, связанного с обретением устойчивой идентичности, гибкой и резистентной самооценки, с интериоризацией нормативов, возникновением морали, права, совести и пр. Навязчивое стремление к лидерству или его негатив — страх продемонстрировать свои амбиции — симптомы невротической организации личности.

Организации невротического типа — это авторитарные институции. В отличие от психотических, которые тоталитарны, эти институции оставляют место для существования субъекта, но это место четко обозначено. Если для тоталитарной организации субъекта как такового не существует, то для авторитарной он — необходимое условие, именно в доминировании над субъектом смысл ее существования. В таких структурах можно отметить гипертрофированное внимание к чиновничеству, к отчетливой иерархии, к этикету, бюрократии, протоколу и т.п. Невротические проблемы институции можно определить по таким симптомам, как избыточное внимание к аксессуарам власти, подчеркивание, выделение статусных знаков, преувеличенная строгость соблюдения иерархических отношений. За этой строгостью всегда скрывается слабость: демонстрация — камуфляж неуверенности. Социальные фобии основаны на базовом страхе кастрации как символического наказания за неосторожные амбиции, с одной стороны, и страхе перед выросшими детьми, способными к символическому отцеубийству, — с другой.

Коммуникация в невротической структуре также не вполне адекватна. Как в пограничной структуре за формальным значением сообщения всегда скрывается смысл проверки сохранности симбиотических отношений, так и невротический диалог есть подтверждение или проверка сохранности установившейся иерархии.

Метафора зонда в данном случае оборачивается сужением возможностей его феноменологического выделения: активность субъекта либо заранее ограничена, либо не встречает должного сопротивления.

Невротическая структура формируется в ситуации включения в бинарные отношения фигуры кого-то третьего. В классическом психоанализе — отца как конкурента, инкарнацию власти, могущества, силы; в неклассическом — символического отца, «имени отца», как означающего власть и закон (Cléro, 2003). В обоих случаях

идентификация с отцом понимается как усвоенный и интериоризированный запрет или закон. С этой точки зрения у русского общества всегда были проблемы с интериоризацией закона, который в соответствии с логикой пограничной структуры был слишком безличностным, надэмоциональным: судить следовало не по закону, а по справедливости, а еще лучше было бы жалеть. Как и жить предпочтительнее не индивидуально, а общиной; индивидуализм понимался как вариант гордыни.

Можно выделить два варианта развития невротической структуры: слишком сильные или слишком слабые запреты, оборачивающиеся невозможностью или ненужностью их преодоления. Психоаналитически это интерпретируется как слишком сильная или слишком слабая фигура отца. В первом случае это препятствие непреодолимой силы: слишком успешный, слишком опасный, слишком героический отец, на авторитет которого опасно покусаться. Во втором случае отец слишком слаб и вступать на путь конкуренции с ним бессмысленно, это не дает никаких преимуществ, но может лишить комфорта симбиотических отношений. В обоих случаях возникает дефицитарность устойчивой идентичности, которая может компенсироваться либо обесцениванием фигуры отца, либо, напротив, поиском его сильного компенсаторного заместителя.

Ключевая проблема невротической институции — передача властных функций. Если она осуществляется не через наследование, то она крайне проблематична. Хотя ведется много разговоров о подготовке смены, реально ее никогда не готовят. А если готовят, то таким образом, чтобы наследник оказался заведомо слабой фигурой. В таких организациях очень часто высоко оцениваются такие качества предполагаемого лидера, как скромность и уважительность, т.е. то, что на самом деле не имеет прямого отношения к тому месту, которое человек должен занять. Все выстраивается таким образом, чтобы не допустить появления не только превосходящего, но и равного соперника. Поэтому смена власти в этих институциях связана с переворотами, заговорами. Это становится единственным путем развития, поскольку нельзя найти никакого иного способа преемственности. Даже будучи мертвым, символический отец представляет собой опасность, поэтому даже память о нем уничтожается. Сносятся памятники, переименовываются улицы, переписываются учебники истории. Но в этом уничтожении памяти кроется смешанное чувство вины и страха, обретенная же таким путем идентичность всегда будет оставаться сомнительной, а претензии на лидерство нелегитимными.

* * *

Выделенные варианты патологических отношений субъекта и институции, безусловно, выглядят несколько упрощенными. Встретить в реальности чистый тип отношения невозможно, чаще всего мы имеем дело со смешанными вариантами или с актуализацией отдельных компонентов этих отношений в определенных условиях функционирования. Это скорее веберовские «идеальные типы» (Андреева, 2005), реперные точки, задающие координаты для понимания иррациональности социальных отношений. Их цель — не заменить существующие способы социально-психологических интерпретаций, но дополнить их, возможно, не совсем привычным «взглядом со стороны».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2005.
- Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж. Клиническая психиатрия. М.: Медицина, 1994.
- Патопсихология. Психоаналитический подход: Теория и клиника: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. Ж. Бержере; Пер. с фр. и науч. ред. А.Ш. Тхостова. М.: Аспект Пресс, 2008.
- Прилепин З. Действительно не понимаю // Прилепин З. Terra Tartarara: Это касается лично меня. М.: АСТ, Астрель, 2009.
- Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с франц. В. Наумова. М.: Ad marginem, 1999.
- Cléro J.-P. Le vocabulaire de Lacan. Paris: Ellipses, 2003.
- Gabriel Y. Organizations in depth: The psychoanalysis of organizations. London: Sage Publ., 1999.
- Kets de Vries M.F.R. Organizational paradoxes: Clinical approaches to management. London: Routledge, 1980.

Поступила в редакцию 19.04.2017
Принята к публикации 28.04.2017

POSSIBILITIES AND PROSPECTS OF SOCIAL PATHOPSYCHOLOGY

Alexander Sh. Tkhostov

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Psychology, Moscow, Russia

Abstract: This article considers the possibilities of bringing together of the two psychological scientific fields: pathopsychology and social psychology. The realization of that approach will enable to expand opportunities of analyzing the irrational and destructive forms of social behaviour and registering various forms of pathological adaptation described in pathopsychology quite clearly. As a possible variant, there are notions of modern psychoanalysis about different types of personality structure which form in the course of interpersonal relationships during individual ontogeny. Within the framework of the proposed hypothesis about the possibility of employing pathopsychological explanatory constructs in relation to social-psychological phenomena, psychoanalytical model is transferred onto social relations. It discusses the possibilities of making use of the pathological phenomena (delusional formations, psychological defenses, addictions) for the interpretation of inadequate relations between a subject and society. The principal structures of personality organization correspond to different variants of social relationships.

Key words: social pathopsychology, psychological defense, irrational social behavior.

References:

- Andreeva, G.M. (2005) *Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya* [Psychology of social cognition]. Moscow: Aspekt Press.
- Berzhere, Zh. (2008, ed.) *Patopsikhologiya. Psikhooanaliticheskiy podkhod: Teoriya i klinika: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov* [Pathopsychology. Psychoanalytic approach: Theory and clinic: A manual for university students]. Moscow: Aspekt Press.
- Cléro, J.-P. (2003) *Le vocabulaire de Lacan*. Paris: Ellipses.
- Fuko, M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my / Per. s frants. V. Naumova* [Supervise and punish. Birth of the prison / Trans. with frants. V. Naumov]. Moscow: Ad marginem.
- Gabriel, Y. (1999) *Organizations in depth: The psychoanalysis of organizations*. London: Sage Publ.
- Kaplan, G.I., Sedok, B.Dzh. (1994) *Klinicheskaya psikhiaetriya* [Clinical psychiatry]. Moscow: Meditsina.
- Kets de Vries, M.F.R. (1980) *Organizational paradoxes: Clinical approaches to management*. London: Routledge.
- Prilepin, Z. (2009) *Deystvitel'no ne ponimayu*. In Z. Prilepin *Terra Tartarara: Eto kasaetsya lichno menya* [Terra Tartarara: This applies to me personally]. Moscow: AST, Astrel'.
- Tkhostov, A.Sh. (2002) *Psikhologiya telesnosti* [The psychology of corporeality]. Moscow: Smysl.

Original manuscript received April, 19, 2017
Revised manuscript accepted April, 28, 2017

ОБЗОРНО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 159.923.2, 316.776

doi 10.11621/vsp.2017.01.52

НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ОПОСРЕДСТВОВАННОЙ ИНТЕРНЕТОМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. Е. Войскунский

В статье анализируются новые психологические исследования опосредствованной Интернетом деятельности человека по трем тематическим разделам: распределенность, «репутационная прокачка», анонимность. Тематика распределенности, или дистантного сотрудничества между мало-знакомыми/незнакомыми людьми, связана с попытками ввести эмпирический показатель «коллективного интеллекта» малых групп, сравнительно слабо связанный с индивидуальными IQ членов таких групп. Для блогера, пользователя социальной сети, компьютерного игрока «репутационная прокачка» означает повышение его/ее авторитетности или узнаваемости другими пользователями соответствующих сервисов Интернета. Подобная «прокачка» может стать результатом как реальных достижений, так и умело организованной самопрезентации. Анонимность в киберпространстве является не более чем относительной, это продемонстрировано на примерах борьбы с киберпреступностью. В последние годы выявилась тенденция фиксировать следы сетевой активности (предпочтений или антипатий) пользователей социальных сетей и сопоставлять эти следы, пользуясь методологией *Big Data*, как с социально-демографическими, так и с собственно психологическими характеристиками пользователей. Данное обстоятельство открывает путь к таргетированным рекламным воздействиям. Среди способов противостояния таким воздействиям может быть отмечен феномен развития и поддержки альтернативных идентичностей, отличающихся от реальных личностных характеристик

Войскунский Александр Евгеньевич — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* vae-msu@mail.ru

Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 17-06-00515).

ISSN 0137-0936 (Print) / ISSN 2309-9852 (Online)

<http://msupsyj.ru/>

© 2017 ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

пользователя социальной сети. Альтернативные идентичности способны ослабить успешность навязывания взглядов и идей посредством социальных сетей.

Ключевые слова: киберпсихология, психология киберпространства, интернет-опосредствование, распределенность, репутационная прокачка, анонимность, коллективный интеллект, таргетированная реклама.

Введение

Человеческая деятельность во все большей степени объединяет предметные действия с действиями в знаковом поле, причем в современном обществе последние реализуются по большей части посредством Интернета, понимаемого как разветвленная сеть электронных устройств вместе с программными пакетами, которые в совокупности обеспечивают доступ к информационно-коммуникативным ресурсам киберпространства. Последнее представляет собой конгломерат таких ресурсов, как взаимосвязанные (посредством гипертекстовых ссылок, или линков) сайты с мультимедийными материалами, электронные ящики и аккаунты в социальных сетях, блогосфере или онлайн-играх. Интернет опосредствует едва ли не все виды выполняемой людьми деятельности, в первую очередь познавательную, трудовую, коммуникативную и игровую. Исследовательская работа, связанная с выявлением вклада Интернета в основные сферы жизнедеятельности общества, вызывает значительный интерес у психологов (Войскунский, 2010; Емелин и др., 2012; Солдатова, Нестик, 2010; Шпитцер, 2014).

Постоянное расширение ассортимента орудий, способствующих доступу к киберпространству (среди них компьютеры, смартфоны, планшеты, гаджеты, плееры, виджеты и др.), позволяет утверждать, что принципиальное значение имеют не сами эти орудия, а Интернет в виде опосредствующих сервисов (Войскунский, 2010), обеспечивающих взаимодействие пользователей с конкретными ресурсами киберпространства. Интернет-опосредствование опирается на методы и средства реализации субъектом различных действий — коммуникативных, познавательных, игровых, трудовых и др. Причем такие методы и средства включают как присутствующие в киберпространстве электронные каталоги, поисковые системы, оцифрованные вербальные и визуальные материалы, различные способы общения (в диаде, групповое или массовое, отсроченное или в реальном времени), так и имеющиеся у субъекта знания и умения. Речь идет о знаниях и умениях, позволяющих квалифицированно пользоваться указанными электронными ре-

сурсами, адаптировать их к своим рабочим заданиям, интересам и привычкам, а при необходимости дополнять и развивать существующие в киберпространстве источники (например, делиться собственным опытом и рассказывать о себе, размещать фотографии или видеоролики, печатные издания, рукописи и художественные произведения, комментировать высказанные другими людьми мнения и т.п.).

Можно смело утверждать, что интернет-опосредствование является расширением введенного десятилетия назад (подробнее см.: Войскунский, 2008) представления об опосредствованной компьютером деятельности и должно рассматриваться в качестве одного из ведущих направлений психического развития (Войскунский, 2010). Употребляя терминологию культурно-деятельностной теории, можно сказать, что наряду с уже традиционными исследованиями психологических механизмов интериоризации должны также проводиться доскональные исследования приобретающих все большее значение процессов экстериоризации, т.е. вынесения вовне и эффективного использования освоенных знаковых систем и в особенности фактологических информационных массивов. Примером может служить передача хранящих информацию файлов в персональные или общедоступные электронные архивы («внешняя память»), в которых они, как считается, всегда будут доступны и будут участвовать, например, в мыслительной деятельности. Таким путем могут формироваться экстрацеребральные компоненты психических процессов, поэтому анализ проблематики экстериоризации представляется одним из наиболее важных и значительных исследовательских направлений в психологии опосредствованной Интернетом деятельности.

В данной статье представлена авторская тематическая классификация главных направлений исследовательской работы в области интернет-опосредствования. Такая работа ведется едва ли не в каждом разделе современной психологии — в возрастной, социальной, клинической, педагогической, организационной, дифференциальной, когнитивной психологии, а также в психологии общения и психолингвистике, психологии маркетинга, этнопсихологии, гендерной психологии и др. (Войскунский, 2013). Тем не менее весь широкий спектр исследований может быть представлен достаточно компактно, как будет показано ниже. Подобный анализ был предпринят нами ранее (Войскунский, 2016) в расширенном варианте: наряду с исследованиями опосредствованной Интернетом деятельности рассматривались также работы, в которых проведено изучение поведения человека, применяющего системы виртуальной

и дополненной реальности. В связи с тем что эти работы выходят за рамки исследований опосредствованной Интернетом деятельности и подробно рассматриваются в одном из новейших научных направлений — психологии виртуальной реальности (Зинченко, 2011), в данной статье они будут опущены. Не будет рассматриваться также тематика склонности к зависимости от Интернета («погружения» в киберпространство), поскольку эта объемистая тема заслуживает специального анализа, который не может быть проведен в рамках настоящей статьи. Наконец, будет опущена тематика мобильности человека, увлеченного исследованием киберпространства, поскольку в названной высокоперспективной проблеме пока недостает собственно психологических данных, в отличие от социологических и культурологических. В сравнении с прешествующей работой (Войскунский, 2016) рассматриваемые исследовательские направления будут проанализированы с привлечением новых данных.

Согласно разработанной нами тематической классификации (Там же), основная масса исследований опосредствованной Интернетом деятельности может быть сгруппирована согласно следующим тематическим разделам: *распределенность, репутационная прокачка, анонимность, мобильность, гибридное поведение, погружение*. В силу сказанного выше в настоящей статье будут детально рассмотрены лишь первые три тематических раздела. Наименования разделов — авторские, они будут пояснены на примерах конкретных исследований.

Распределенность

Под распределенностью понимается дистантное (с опорой на контакты посредством Интернета) сотрудничество между людьми в деловой или личной сфере: кооперация, противостояние, согласование рабочих операций и др.

Контакт через Интернет обеспечивает поддержание так называемых слабых связей для проведения досуга, общения, получения информации, гражданских действий (Грановеттер, 2009). Такие связи (например, интернет-сообщества по интересам), даже кратковременные и не ведущие к тесным личным отношениям, тем не менее высоко ценятся людьми, а переменный состав сообществ, их размытые границы и относительно малая интенсивность контактов отвечают лабильным интересам участников. У последних совпадают, хотя бы частично, цели, ценности, интересы, зачастую они совместно эксплуатируют некоторый ресурс или оборудо-

вание. Популярны в настоящее время социальные сети обычно поддерживают именно слабые связи, тематические группы в них представляют собой общности, часто объединяющие относительно небольшое ядро создающих основную массу контента активистов и огромное количество никак не проявляющих своего присутствия посетителей: читателей/зрителей/слушателей (*lurkers*); в эмпирических исследованиях (Базаров, Шевченко, 2012) показано, что многие *lurkers* высказывают высокую степень удовлетворенности участием в тематических мероприятиях. Подобные сети-сообщества глобальны, а в до-интернетные эпохи едва ли казалось возможным объединить так много участников (к примеру, *Facebook* включает более 2 миллиардов подписчиков).

Широкое распространение *wiki*-технологий (Патаракин, 2006), которые созданы как раз в помощь распределенным действиям, способствует волонтерской работе в рамках локальных и глобальных сетевых проектов. Среди наиболее удачных результатов — добровольное участие множества авторов в составлении энциклопедий *Wikipedia* на сотнях языков или волонтерский труд международного пула программистов в рамках проекта *Open Source* («открытые коды»), сообщца разработавших операционную систему *Linux*. Упомянем также российский проект «Карта помощи» для координации помощи со стороны волонтеров при тушении лесных пожаров, а также сетевой ресурс *Ushahidi* для отслеживания случаев этнического насилия в Африке. Интересен проект, в котором участвовали более миллиона владельцев компьютеров для оказания помощи биологам в нахождении модели фермента, разрушающего белок вируса иммунодефицита человека. Данный проект моделирования процессов свертывания и развертывания молекул белка для достижения понимания причин возникновения болезней, вызываемых дефектными белками, выполняется методом краудсорсинга (см. блог <http://witology.com>). Группе биохимиков (вдохновитель работы д-р Фирас Хатиб из университета штата Вашингтон) удалось при участии добровольных помощников-геймеров (на сайте <http://fold.it> была организована игровая ситуация) сконструировать модель фермента, эффективно разрушающего белок вируса иммунодефицита человека: в публикации результатов приняли участие в качестве соавторов несколько наиболее успешных групп волонтеров (<http://www.nature.com/nsmb/journal/v18/n10/abs/nsmb.2119.html>).

Анализ опыта распределенной работы сближает его с эмпирическими материалами, в которых ставится задача обосновать наличие так называемого коллективного интеллекта (Meslec et

al., 2016; Woolley et al., 2010). В указанных публикациях высказано мнение, согласно которому уровень коллективного интеллекта малой группы лишь во вторую очередь зависит от индивидуальных интеллектуальных способностей членов группы, а в первую очередь определяется отсутствием в группе авторитарного лидера, пусть даже неформального, а также гибкостью и «социальной чувствительностью» (*sensitivity*) членов группы (сенситивность, как считается, связана с представленностью в коллективе женщин). В одном из указанных исследований (Woolley et al., 2010) участвовали почти 700 испытуемых, у них измеряли IQ, после чего случайным образом объединяли в группы от 2 до 5 человек, и группам предлагалось выполнить батарею тестовых заданий. Она включала творческие, логические, психомоторные задания, разрешение конфликтных ситуаций, игру в шашки против компьютера или конструирование из имеющихся деталей постройки с заданными параметрами. Были выявлены значимые корреляции между успешностью выполнения группами разнородных заданий; проведенный факторный анализ результатов показал, что главным фактором (более 40% дисперсии) должен считаться коллективный интеллект (т.е. сенситивность плюс отсутствие доминирующего лидера). Подобные данные не противоречат практическому опыту (обычно не документированному в качестве академических публикаций), накопленному разнообразными организациями и компаниями. Например, имеются некоторые сообщения о проекте *Project Aristotle* в центральном офисе компании *Google*. Проект связан с повышением эффективности работы временных групп, создаваемых из сотрудников для решения возникающих проблем.

Успешность отдельных таких проектов и провалы других проектов способствуют возникновению устойчивого интереса к специфике группового творчества, мозгового штурма, в том числе дистантного (Yagolkovskiy, 2016), а вместе с тем ведут к перспективе представить коллективный интеллект как новый психологический конструкт. Однако для этого должна быть проведена огромная теоретико-экспериментальная работа; мы присутствуем при самом начале процесса изучения такого феномена и составляющих его параметров (Войскунский, Игнатъев, 2013). За последние несколько десятилетий существенно углубилось наше понимание интеллекта — не только общего или специального, но и эмоционального, практического или социального. Согласно взглядам Г. Гарднера, интеллект человека обладает множественной структурой: «... имеются убедительные доказательства существования нескольких относительно автономных интеллектуальных способностей, кото-

рые в дальнейшем для краткости будут называться «интеллектами человека»» (Гарднер, 2007, с. 56). При том что сервисы Интернета благоприятствуют синергии сетевого поведения, а в отдельных исследованиях делаются попытки ввести такой конструкт, как «групповой коллективный интеллект», соответствующие теоретические разработки пока не представлены.

«Репутационная прокачка»

Термин «репутационная прокачка» берет начало в компьютерных играх. «Прокачка» своего игрового персонажа осуществляется путем столкновений и побед над игровыми персонажами, управляемыми противниками, или над ботами и монстрами путем решения квестов, эффективного выбора маршрутов, а в командных играх — путем игровой дисциплины и согласования общих действий с членами команды геймеров. «Прокачка» — это переход на более высокий уровень одновременно с приобретением полезных в контексте игры бонусов и лучшего внутриигрового снаряжения; это и сопутствующее высокому уровню игры улучшение репутации в сообществе геймеров. Между тем «репутационная прокачка» значима и вне игры: собственной репутацией озабочены блогеры, участники социальных сетей, авторы размещаемых цифровых фотографий и видеороликов. Внешними показателями репутации могут служить количество подписчиков, френдов или фолловеров, количество откликов, лайков, перепостов и посещений электронной страницы, а для онлайн-покупателей и онлайн-продавцов — рейтинги и отзывы, отражающие результаты сделок, в которых они участвовали.

Приобретение, поддержание и «прокачка» репутации в малознакомом быстро меняющемся окружении в рамках киберпространства — задача сложная и во многом непривычная. Открывается перспектива воздействия на социально-перцептивные процессы партнеров по общению или групповой игре (Белинская, 2013; Войскунский, 2014) и в конечном счете — управления этими процессами. Воздействие в коммуникативной среде осуществляется посредством самопрезентации — конструирования собственного образа в виде самоописаний и других текстов, дополненных изображениями и часто аудиофайлами, сведениями о предпочитаемых музыкальных произведениях, кинофильмах или книгах. В социальных сетях и в допускающих коммуникацию игровых приложениях «репутационная прокачка» означает приписывание осведомленности и квалификации, разнообразных фактических

данных в сторону добавления себе экспертных знаний и умений (вполне возможно, на самом деле отсутствующих). Так, на сайтах знакомств в США усредненный вес тела, указываемый женщинами, на 3—9 кг ниже среднего веса американских женщин тех же возрастов; рост, указываемый мужчинами и женщинами, превышает средний показатель (Hitsch et al., 2010). Предположительно, это служит приукрашиванию собственного образа, т.е. способствует «репутационной прокачке». Намеренные либо неосознаваемые искажения самопрезентации означают попытку управлять механизмами социальной перцепции других блогеров, участников социальных сетей или геймеров.

Появление расходящихся с реальностью альтернативных, частично не совпадающих образов-самопрезентаций может быть объяснено отсутствием в киберпространстве привычных в традиционном общении каналов категоризации презентуемого образа (Войскунский, 2014). Альтернативные образы, как правило, соседствуют с реалистичными и бережно поддерживаются людьми; рядовые пользователи сетей нисколько не удивляются наличию у их «френдов» альтернативных (в том числе множественных) идентичностей (Войскунский и др., 2013).

Наиболее активно изобретаются и применяются разнообразные способы конструирования желаемого образа в социальных сетях. Очевидно, тем самым открываются каналы для манипуляций. Ведь даже нацеленность самопредъявления на внешнее или на внутреннее в самом/самой себе есть определенное отклонение от объективности. Так, замечено, что если в самоописаниях делается упор на привлекательность (женщин) или высокий социальный статус (мужчин), то личностным чертам уделяется сравнительно мало внимания (Белинская, 2013). Недосток собственно психологических самохарактеристик в самопрезентациях может быть обусловлен слабой разработанностью навыков предъявления себя и «прокачки» собственной репутации в малознакомой и изменчивой онлайн-среде. Следует допустить, что чисто имиджевых навыков недостаточно для эффективной самопрезентации при пренебрежении психологическими средствами «репутационной прокачки». Последние заслуживают тщательного изучения.

Анонимность

Часто считается, что анонимность лежит в основе преимущественно девиантных видов поведения в киберпространстве, которые фигурируют при отрицании полезности киберпространства и по-

рицании связанных с ним действий. Анонимность действительно провоцирует такие девиации коммуникативного поведения, как троллинг и кибербуллинг (Войскунский, 2016; Солдатова, Зотова, 2011), плагиат и читерство (получение помощи посредством обмана с помощью скрытых электронных средств), политический хактивизм в духе Дж. Ассанжа и промышленный шпионаж как элемент хакерского поведения (Дрейфус, 2003; Кузнецов, Симдянов, 2007). Однако в киберпространстве анонимность по большей части ложная. Так, в результате совместных действий сотрудников киберполиции, антихакерских служб, сетевых администраторов и провайдеров выявлено довольно много организаторов и участников киберпреступлений; их разыскивают и привлекают к судебной ответственности, и даже если последнее не удается, то их деятельность пресекается (Митник, Саймон, 2012; Столл, 1996). А организаторам письменных конкурсов, экзаменов (в частности, ЕГЭ) или интеллектуальных соревнований обычно удается воспрепятствовать подсказкам с помощью гаджетов (т.е. читерству).

В настоящее время анонимность становится еще более условной: электронные следы поведения в социальных сетях и посещения сайтов позволяют очень многое поведать о посетителе, даже если он/она сознательно модифицирует самопрезентацию. С 2008 г. британский (ныне живет и работает в США) психолог польского происхождения М. Косинский с коллегами занимаются проектом *myPersonality* (в качестве приложения для *Facebook*). В рамках данного проекта очень большому числу людей — в настоящее время более 10 млн. человек (Kosinski et al., 2015) — предлагалось ответить на вопросы тестов *Big Five*, интеллектуальные и некоторые другие психологические тесты; параллельно фиксировались их биографические данные, прежде всего пол, возраст и место жительства, а главное — их лайки, посты и репосты в *Facebook*. После этого велся поиск корреляций методами анализа *Big Data*. Оказалось, что на основе оставленных пользователем в *Facebook* следов (главным образом лайков) можно достаточно надежно установить не только состав его семьи в детстве, расу, возраст, пол, сексуальную ориентацию, склонность к применению ПАВ, религиозные и политические взгляды, но и личностные черты или уровень интеллекта (Kosinski et al., 2013).

В статье Х. Грассиггера и М. Крогеруса (Grassegger, Krogerus, 2016), опубликованной не в академическом журнале, сообщается, что данной методологией и полученными результатами воспользовались несколько маркетинговых организаций, которые разработали методы таргетированной рекламы, опирающейся на прогноз

социально-демографических, маркетинговых и, что особенно важно, психологических характеристик конкретного пользователя социальной сети, оставляющего следы своего сетевого поведения (хотя бы в виде лайков). Считается, что подобные методы были успешно апробированы в ходе наиболее заметных политических рекламных кампаний последнего времени, таких, как выборы президента в США и референдум о выходе Великобритании из ЕС. Авторы утверждают, что на основе разработанных М. Косинским и его коллегами методов удастся доказать следующее: анализа 68 лайков в *Facebook* достаточно, чтобы определить цвет кожи испытуемого (с вероятностью 95%), его/ее гомосексуальность (88% вероятности) и приверженность Демократической или Республиканской партии США (85% вероятности). Можно также узнать, развелись ли родители испытуемого до его совершеннолетия или нет. Что касается психологических параметров, то после изучения всего 10 поставленных человеком лайков удается лучше, нежели коллегам по работе, предугадать, как он/она ответит на вопросы психологических тестов; после анализа 70 оставленных в *Facebook* лайков — предугадать лучше, чем его/ее друг/подруга; после анализа 150 лайков — лучше, чем родители, а после анализа 300 лайков — лучше, чем его/ее супруг/супруга или партнер. Основанная на психологических корреляциях таргетированная реклама повышает число кликов на рекламных сообщениях в *Facebook* на 60%, а вероятность того, что после просмотра персонализированной рекламы люди перейдут к действиям (купят ту или иную вещь или проголосуют за нужного кандидата), возрастает на 1400% (Ibid.).

Как бы мы ни относились к представленным маркетинговым материалам, можно сделать вывод, что для лиц, желающих сохранить анонимность в киберпространстве, наступают или уже наступили тяжелые времена. Так, Н.В. Бордовская с коллегами утверждают, что «на основании изучения страниц студентов в социальных сетях можно сделать предположения о том, какими личностными особенностями обладает тот или иной студент» (Бордовская и др., 2016, с. 35). М. Косинский и его коллеги полагают, что основанные на анализе следов пребывания человека в киберпространстве оценки его/ее личностных особенностей являются точными и надежными (Kosinski et al., 2015; Youyou et al., 2015). Исследования в данной области, насколько можно судить, уже очень скоро будут весьма многочисленными.

Вероятно, такого рода исследования будут включать наряду с анализом степени эффективности и/или психологической обоснованности таргетированных рекламных воздействий или мани-

пуляций также и оценку перспективных способов противостояния таким воздействиям. На наш взгляд, диспозиции, убеждения, самоконтроль, волевые действия суть те качества, которые не позволят навязывать субъекту взгляды или идеи, окажут противодействие попыткам формирования у него/нее желаний делать покупки или голосовать под влиянием нацеленного вброса информации (даже опирающегося на его/ее собственные лайки в социальной сети). А в качестве уже заявившего о себе средства потенциального противостояния подобным таргетированным воздействиям следует обратить особое внимание на рассмотренный выше феномен поддержки пользователями социальных сетей альтернативных идентичностей (Войскунский и др., 2013). Наличие последних в какой-то мере нечестно (при этом по-человечески понятно и даже простительно). Учитывая то, что пользователи социальных сетей прибегают к альтернативным вариантам самопрезентации отнюдь не с целью затруднить выявление их реальных социально-демографических и психологических характеристик, можно предположить, что само по себе наличие альтернативных идентичностей способно ослабить успешность работы программ, классифицирующих следы применения интернет-ресурсов пользователями.

* * *

В качестве заключения заметим, что несмотря на широкую представленность психологических исследований, посвященных опосредствованной Интернетом человеческой деятельности, эти исследования достаточно компактно группируются с учетом разработанной классификационной схемы, которая частично описана и раскрыта в данной статье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Базаров Т.Ю., Шевченко Ю.С. Особенности изменения индивидуальных решений в ходе групповой дискуссии в виртуальных группах // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2012. № 1. С. 106—114.
- Белинская Е.П. Психология Интернет-коммуникации. М.: МПСУ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2013.
- Бордовская Н.В., Тулупьева Т.В., Тулупьев А.Л., Азаров А.А. Возможности электронной социальной сети в решении профессиональных задач вузовского преподавателя // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 21. № 4. С. 32—39.
- Войскунский А.Е. От психологии компьютеризации к психологии Интернета // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2008. № 2. С. 140—153.

- Войсунский А.Е. Психология и Интернет. М.: Акрополь, 2010.
- Войсунский А.Е. Перспективы становления психологии Интернета // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 110—118.
- Войсунский А.Е. Социальная перцепция в социальных сетях // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2014. № 2. С. 90—104.
- Войсунский А.Е. Поведение в киберпространстве: психологические принципы // Человек. 2016. № 1. С. 36—49.
- Войсунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. Альтернативная идентичность в социальных сетях // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. № 1. С. 66—83.
- Войсунский А.Е., Игнатьев М.Б. Перспективы развития сетевого интеллекта // Рождение коллективного разума: О новых законах сетевого социума и сетевой экономики и об их влиянии на поведение человека / Под ред. Б.Б. Славина. М.: ЛЕНАНД, 2013. С. 263—283.
- Гарднер Г. Структура разума. Теория множественного интеллекта. М.: И.Д. Вильямс, 2007.
- Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31—50.
- Дрейфус С. Компьютерный андеграунд: истории о хакерах, безумии и одержимости. Екатеринбург: У-Фактория, 2003.
- Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Психологические последствия развития информационных технологий // Национальный психологический журнал. 2012. №1(7). С. 81—87.
- Зинченко Ю.П. Психология виртуальной реальности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011.
- Кузнецов М.В., Симдянов И.В. Социальная инженерия и социальные хакары. СПб.: БХВ-Петербург, 2007.
- Митник К.Д., Саймон В.Л. Призрак в Сети. Мемуары величайшего хакера. М.: Эксмо, 2012.
- Патаракин Е.Д. Сетевые сообщества и обучение. М.: ПЕР СЭ, 2006.
- Солдатова Г.У., Зотова Е.Ю. Кибербуллинг в школьной среде: трудная онлайн ситуация и способы совладания // Образовательная политика. 2011. Т. 5 (55). С. 48—59.
- Солдатова Г.В., Нестик Т.А. Молодежь в сети: сила и слабость социального капитала // Образовательная политика. 2010. № 4 (42). С. 10—29.
- Столл К. Яйцо кукушки, или Преследуя шпиона в компьютерном лабиринте. М.: ИЦ «Гарант», 1996.
- Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг. М.: АСТ, 2013.
- Grassegger H., Krogerus M. Ich habe nur gezeigt, dass es die Bombe gibt // Das Magazin. N 48 — 3. Dezember 2016. URL: <https://www.dasmagazin.ch/2016/12/03/ich-habe-nur-gezeigt-dass-es-die-bombe-gibt> (см. перевод на русский язык: <http://theins.ru/politika/38490>). Doi 10.17323/1726-3247-2009-4-31-50

- Hitsch G.J., Hortaçsu A., Ariely D. Matching and sorting in online dating // American Economic Review. 2010. Vol. 100. N 1. P. 130—163. Doi 10.1257/aer.100.1.130
- Kosinski M., Matz S., Gosling S. et al. Facebook as a social science research tool: Opportunities, challenges, ethical considerations and practical guidelines // American Psychologist. 2015. Vol. 70. N 6. P. 543—556. Doi 10.1037/a0039210
- Kosinski M., Stilwell D., Graepel T. Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior // PNAS. 2013. Vol. 110. N 15. P. 5802—5805. Doi 10.1073/pnas.1218772110
- Meslec N., Aggarwal I., Curseu P.L. The insensitive ruins it all: Compositional and compilational influences of social sensitivity on collective intelligence in groups // Frontiers in Psychology. 2016. Vol. 7. Art. 676. Doi:10.3389/fpsyg.2016.00676
- Woolley A.W., Chabris C.F., Pentland A. et al. Evidence for a collective intelligence factor in the performance of human groups // Science. 2010. Vol. 330. P. 686—688. Doi 10.1126/science.1193147
- Yagolkovskiy S.R. Stimulation of individual creativity in electronic brainstorming: Cognitive and social aspects // Social Behavior and Personality. 2016. Vol. 44. N 5. P. 761—766. Doi 10.2224/sbp.2016.44.5.761
- Youyou W., Kosinski M., Stillwell D. Computer-based personality judgments are more accurate than those made by humans // PNAS. 2015. Vol. 112. N 4. P. 1036—1040. Doi 10.1073/pnas.1418680112

Поступила в редакцию 14.03.17
Принята к публикации 28.03.17

DIRECTIONS OF STUDIES OF INTERNET MEDIATION

Alexander E. Voiskounsky

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Psychology, Moscow, Russia

Abstract: Development and state of the art of psychological studies related to the Internet mediation are analyzed. Current tendencies and prospects of such studies are thoroughly discussed. Among these studies such parameters as distribution, reputational leveling and anonymity need to be specially mentioned. Dispersion or distant collaboration between almost or totally unfamiliar people is related to attempts to state an empirical quotient *C*, or collective intelligence for small groups. Such quotient is believed to be relatively disconnected to the individual IQs of the group participants. While such attempts lack theoretical base, they are characteristic for applied psychological studies. For bloggers, networkers or videogame players reputational leveling means extension of their reputations, namely the level gained in a videogame, or credibility in the communities of users of multiple Web services. Reputational leveling may be the result of real achievements or of well-organized self-presentations.

In the cyberspace there is only partial anonymity, as it is seen in the field of cybersecurity and struggle against cybercrime. A recent tendency is to mark network activity of networkers, namely their “likes” or “dislikes”. After these marks are collected, numerous Big Data methods help correlate particular samples of these marks with both socio-demographical and psychological characteristics of the users. Once this is done, targeted advertisements can be sent out. This methodology is said to be exploited recently during important election campaigns. Among the possible means of confronting such influences we should mention a phenomenon of alternative identities. Networkers were earlier found to develop and support alternative identities which partly differ from the networkers’ real-life personalities. Although alternative identities are often supported independently of the aims connected with obstruction to sending out the targeted advertisements, this phenomenon may decrease the effectiveness of any impact related to the social networks.

Key words: cyberpsychology, psychology of cyberspace, Internet mediation, distribution, reputational leveling, anonymity, collective intelligence, target advertisements.

References:

- Bazarov, T.Yu., Shevchenko, Yu.S. (2012) Osobennosti izmeneniya individual'nykh resheniy v khode gruppovoy diskussii v virtual'nykh gruppakh. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 1, 106—114.
- Belinskaya, E.P. (2013) *Psikhologiya Internet-kommunikatsii* [Psychology of Internet Communication]. M.: MPSU; Voronezh: NPO «MODEK».
- Bordovskaya, N.V., Tulup'eva, T.V., Tulup'ev, A.L., Azarov, A.A. (2016) Vozmozhnosti elektronnoy sotsial'noy seti v reshenii professional'nykh zadach vuzovskogo prepodavatelya. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 21, 4, 32—39.
- Dreyfus, S. (2003) *Komp'yuternyy andegraund: istorii o khakerakh, bezumii i oderzhimosti* [Computer underground: stories about hackers, insanity and obsession]. Ekaterinburg: U-Faktoriya.
- Emelin, V.A., Rasskazova, E.I., Tkhostov, A.Sh. (2012) Psikhologicheskie posledstviya razvitiya informatsionnykh tekhnologiy. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 1(7), 81—87.
- Gardner, G. (2007) *Struktura razuma. Teoriya mnozhestvennogo intellekta* [Structure of the mind. Theory of multiple intelligence]. Moscow: I.D. Vil'yams, 2007.
- Granovetter, M. (2009) Sila slabykh svyazey. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 10, 4, 31—50.
- Grassegger, H., Krogerus, M. (2016) Ich habe nur gezeigt, dass es die Bombe gibt. *Das Magazin*, 48. URL: <https://www.dasmagazin.ch/2016/12/03/ich-habe-nur-gezeigt-dass-es-die-bombe-gibt> (см. перевод на русский язык: <http://theins.ru/politika/38490>).

- Hitsch, G.J., Hortaçsu, A., Ariely, D. (2010) Matching and sorting in online dating. *American Economic Review*, 100, 1, 130—163. Doi 10.1257/aer.100.1.130
- Kosinski, M., Matz, S., Gosling, S. et al. (2015) Facebook as a social science research tool: Opportunities, challenges, ethical considerations and practical guidelines. *American Psychologist*, 70, 6, 543—556. Doi 10.1037/a0039210
- Kosinski, M., Stilwell, D., Graepel, T. (2013) Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior. *PNAS*, 110, 15, 5802—5805. Doi 10.1073/pnas.1218772110
- Kuznetsov, M.V., Simdyanov, I.V. (2007) *Sotsial'naya inzheneriya i sotsial'nye khakery* [Social engineering and social hackers]. St.-Petersburg: BKhV-Peterburg.
- Meslec, N., Aggarwal, I., Curseu, P.L. (2016) The insensitive ruins it all: Compositional and compilational influences of social sensitivity on collective intelligence in groups. *Frontiers in Psychology*, 7, 676. Doi 10.3389/fpsyg.2016.00676
- Mitnik, K.D., Saymon, V.L. (2012) *Prizrak v Seti. Memuary velichayshego khakera* [The ghost in the web. Memoirs of the greatest hacker]. Moscow: Eksmo.
- Patarakin, E.D. (2006) *Setevye soobshchestva i obuchenie* [Networking communities and training]. Moscow: PER SE.
- Shpittser, M. (2013) *Antimozg: tsifrovyye tekhnologii i mozg* [Anti-brain: digital technology and the brain]. Moscow: AST.
- Soldatova, G.V., Nestik, T.A. (2010) Molodezh' v seti: sila i slabost' sotsial'nogo kapitala. *Obrazovatel'naya politika* [Educational Policy], 4 (42), 10—29.
- Soldatova, G.U., Zotova, E.Yu. (2011) Kiberbulling v shkol'noy srede: trudnaya onlayn situatsiya i sposoby sovladaniya. *Obrazovatel'naya politika* [Educational Policy], 5 (55), 48—59.
- Stoll, K. (1996) *Yaytso kukushki, ili Presleduya shpiona v komp'yuternom labirinte* [Egg of a cuckoo, or Pursuing a spy in a computer labyrinth]. Moscow: ITs «Garant».
- Voyskunskiy, A.E. (2008) Ot psikhologii komp'yuterizatsii k psikhologii Interneta. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 2, 140—153.
- Voyskunskiy, A.E. (2010) *Psikhologiya i Internet* [Psychology and the Internet]. Moscow: Akropol'.
- Voyskunskiy, A.E. (2013) Perspektivy stanovleniya psikhologii Interneta. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 34, 3, 110—118.
- Voyskunskiy, A.E. (2014) Sotsial'naya pertseptsiya v sotsial'nykh setyakh. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 2, 90—104.
- Voyskunskiy, A.E. (2016) Povedenie v kiberprostranstve: psikhologicheskie printsipy. *Chelovek* [Human], 1, 36—49.
- Voyskunskiy, A.E., Evdokimenko, A.S., Fedunina, N.Yu. (2013) Al'ternativnaya identichnost' v sotsial'nykh setyakh. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 1, 66—83.
- Voyskunskiy, A.E., Ignat'ev, M.B. (2013) Perspektivy razvitiya setevogo intellekta. In B.B. Slavin (Ed.) *Rozhdenie kollektivnogo razuma: O novykh zakonakh setevogo sotsiuma i setevoy ekonomiki i ob ikh vliyaniy na povedenie cheloveka* [The birth of the

collective mind: On the new laws of the network society and the networked economy and their impact on human behavior] (pp. 263—283). Moscow: LENAND.

Woolley, A.W., Chabris, C.F., Pentland, A. et al. (2010) Evidence for a collective intelligence factor in the performance of human groups. *Science*, 330, 686—688. Doi 10.1126/science.1193147

Yagolkovskiy, S.R. (2016) Stimulation of individual creativity in electronic brainstorming: Cognitive and social aspects. *Social Behavior and Personality*, 44, 5, 761—766. Doi 10.2224/sbp.2016.44.5.761

Youyou, W., Kosinski, M., Stillwell, D. (2015) Computer-based personality judgments are more accurate than those made by humans. *PNAS*, 112, 4, 1036—1040. Doi 10.1073/pnas.1418680112

Zinchenko, Yu.P. (2011) *Psikhologiya virtual'noy real'nosti* [Psychology of virtual reality]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.

Original manuscript received March, 14, 2017

Revised manuscript accepted March, 28, 2017

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 159.947.5

doi 10.11621/vsp.2017.01.69

МОТИВАЦИОННЫЕ ПРОФИЛИ КАК ПРЕДИКТОРЫ САМОРЕГУЛЯЦИИ И АКАДЕМИЧЕСКОЙ УСПЕШНОСТИ СТУДЕНТОВ

Т. О. Гордеева, О. А. Сычев

В исследовании проверялась гипотеза о преимуществе профиля учебной мотивации, в котором доминирует внутренняя мотивация, перед другим профилем, в котором в равной степени представлены внутренняя мотивация, мотивация самоуважения и контролируемые формы внешней мотивации (при низком уровне амотивации). Анализ латентных классов подтвердил, что данные профили наиболее типичны для студентов вузов. Студенты с высокой и доминирующей внутренней мотивацией продемонстрировали наиболее высокие показатели любознательности, постоянства интересов, а также воспринимаемого академического контроля и собственно академических достижений, но не отличались от студентов с высокой контролируемой мотивацией по показателям настойчивости, которая была высокой у обоих типов. В целом результаты показывают, что высокая внешняя контролируемая мотивация является неблагоприятным фактором, снижающим мотивационный потенциал субъекта учебной деятельности. Полученные результаты обсуждаются с позиций теории самодетерминации и потребностной модели мотивации.

Ключевые слова: академическая мотивация, профили мотивации, внутренняя мотивация, контролируемая мотивация, теория самодетерминации.

Гордеева Тамара Олеговна — доктор психологических наук, доцент кафедры психологии образования и педагогики ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* tamgordeeva@gmail.com

Сычев Олег Анатольевич — кандидат психологических наук, научный сотрудник кафедры психологии и педагогики Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета имени В.М. Шукшина (г. Бийск, Россия). *E-mail:* osn1@mail.ru

Введение

Стойкий интерес отечественных и зарубежных исследователей к проблемам мотивации объясняется ее определяющей ролью в эффективности любой деятельности (учебной, спортивной, трудовой). Особенности мотивации учащегося являются предикторами его учебных достижений, а также показателями эффективно построенного учебного процесса. Исследования, проведенные в последние несколько десятилетий, позволили существенным образом продвинуться в понимании типов мотивации, запускающих учебную деятельность, а также их источников, предикторов и последствий в отношении настойчивости учащегося и его академических результатов (Гордеева, 2014; Handbook..., 2002).

Изначальное противопоставление внутренней учебной мотивации (основанной на интересе к самой учебной деятельности) и внешней учебной мотивации (основанной на стремлении к получению разного рода вознаграждений и поощрений или избеганию негативных последствий) было преодолено в теории самодетерминации. Как и многие отечественные психологи (А.Н. Леонтьев, Л.И. Божович, П.М. Якобсон, А.К. Маркова, А.И. Савенков и др.), авторы теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райан обращают внимание на неоднородность феномена внешней мотивации. Так, в работах Л.И. Божович были выделены два типа мотивов учебной деятельности: (1) порождаемые самой учебной деятельностью, связанные с содержанием и процессом учения познавательные мотивы и (2) широкие социальные мотивы, порождаемые системой отношений, существующих между учащимся и окружающим его социумом (Божович, 1968). В дальнейшем Л.И. Божович отмечала неоднородность социальных мотивов и необходимость выделения внутри них двух подгрупп — широких социальных и индивидуалистических мотивов.

В рамках теории самодетерминации на едином теоретическом основании выделяются следующие типы мотивов учебной деятельности (или типы регуляции), характеризующиеся разной степенью фрустрации базовой потребности человека в автономии: *экстернальная, интроецированная, идентифицированная и интегративная*. Под потребностью в автономии авторы теории понимают стремление учащегося быть активным самодетерминированным субъектом, источником собственной деятельности, самостоятельно иницилирующим свое поведение и управляющим им (Deci, Ryan, 2008; Handbook..., 2002; Ryan, Deci, 2017). Если в процессе деятельности у субъекта удовлетворяется потребность в автономии, то может произойти интернализация внешних требований, при которой менее автономные формы мотивации постепенно превращаются (интерна-

лизируются) и становятся более автономными и самодетерминированными мотивами. На самой низкой ступени интернализации находится экстернальная регуляция, при которой поведение учащегося регулируется обещанными наградами и угрозой наказания: человек учится, потому что ощущает контроль и подчиняется внешним требованиям; при этом происходит максимальная фрустрация его потребности в автономии. При интроецированной мотивации поведение ребенка начинает регулироваться частично присвоенными правилами и требованиями, которые побуждают его действовать так, а не иначе; наиболее характерные признаки наличия у индивида интроецированной регуляции — чувства стыда и вины. Идентифицированная регуляция означает дальнейшее движение по пути интернализации внешних требований и характеризуется пониманием важности выполняемой учебной деятельности для самого субъекта. При интегративной регуляции имеет место обобщение и интеграция всех текущих идентификаций, однако этот тип регуляции, как правило, не оценивается в опросниках учебной мотивации в силу сложности краткой вербализации данного феномена.

Кроме того, Э. Деси и Р. Райан предложили третий мотивационный конструкт, а именно понятие амотивации как наименее самодетерминированный тип мотивации. При переживании амотивации субъект не ощущает смысла (ни внутреннего, ни внешнего) выполняемой учебной деятельности, испытывая чувства некомпетентности, беспомощности и ожидания неподконтрольности результатов деятельности (Deci, Ryan, 2008; Handbook..., 2002).

Как показали исследования, выполненные в рамках теории самодетерминации на материале учебной деятельности, различные типы мотивации имеют разные следствия. Так, интроецированная и экстернальная мотивация в отличие от идентифицированной и внутренней мотивации (автономных форм регуляции) связаны с меньшими академическими достижениями, менее продуктивными реакциями на трудности, тенденцией преждевременно бросать школу, а также со сравнительно низким психологическим благополучием. На российских выборках эти данные были подтверждены в серии исследований, проведенных нами на школьниках и студентах вузов (Гордеева, Осин, 2012; Гордеева, Сычев, Осин, 2013, 2014). Однако все эти исследования носили корреляционный характер и оценивали вклад каждого типа мотивов по отдельности, не учитывая полимотивированный характер учебной деятельности, который может быть выявлен при анализе характерных профилей учебной мотивации.

Таким образом, несмотря на распространенные представления о мотивации как о побудителе, сила которого является главным

фактором эффективности деятельности, в современной психологии развиваются представления о том, что наиболее существенным показателем мотивации служит не ее сила, а ее качество, в частности соотношение в мотивационном профиле субъекта внутренней и разных типов внешней мотивации.

Мотивация относится к числу важнейших психологических факторов успешности учебной деятельности; психологические последствия мотивов разного типа могут быть весьма различными. Однако нерешенной остается проблема конкретной операционализации идентифицированных и интроецированных мотивов; в рамках последнего типа мотивации недавно было предложено различать позитивную и негативную интроецированную мотивацию (Sheldon et al., 2017). Кроме того, выделенные типы не исчерпывают всего многообразия учебных мотивов (Гордеева, Сычев, Осин, 2014). Наряду с описанными ранее в теории самодетерминации типами мотивации одним из наиболее характерных внешних учебных мотивов является стремление уважать себя за приложение усилий и достижение высоких академических результатов. В основе данного типа мотивации лежит базовая потребность личности в уважении, описанная А. Маслоу в его потребностной концепции мотивации. Значимость мотивов самоуважения в регуляции и успешности учебной деятельности была продемонстрирована нами ранее в исследованиях на материале выборок студентов и школьников (Гордеева, Гижицкий и др., 2016; Гордеева, Сычев, Осин, 2014).

Проблема, задачи и гипотеза исследования

Поскольку учебная деятельность, как и любая другая, является полимотивированной, существенный интерес представляет вопрос о том, каковы типичные сочетания (профили) внутренних и внешних мотивов в структуре учебной мотивации и соответствующие им мотивационные корреляты, средовые предикторы и последствия различных мотивационных профилей. По нашему предположению, существуют типичные профили академической мотивации, форма которых дополняет информацию о выраженности отдельных мотивов. Учет формы профиля может помочь в предсказании особенностей саморегуляции, планирования, реакций на неудачи, настойчивости в учебе, а также учебных достижений и субъективного благополучия учащихся.

К настоящему времени исследователями мотивации, опирающимися на теорию самодетерминации, проведена серия исследо-

ваний мотивационных типов на материале учебной (Ratelle et al., 2007; Vansteenkiste et al., 2009) и спортивной (Gillet et al., 2009; Wang, Biddle, 2001; Wang et al., 2002) деятельности.

В исследовании К. Рателле с коллегами (Ratelle et al., 2007), проведенном на канадских студентах и школьниках, были выделены три группы (кластера) учащихся, характеризующихся определенными эмпирически выделенными типами учебной мотивации: (1) учащиеся с высокой автономной (т.е. внутренней и идентифицированной), низкой контролируемой (т.е. интроецированной и экстернальной) и низкой амотивацией (автономный кластер); (2) учащиеся с высокой автономной, высокой контролируемой и низкой амотивацией (широко мотивированный кластер); (3) учащиеся с низкой автономной, низкой контролируемой и высокой амотивацией (амотивированный кластер). Было показано, что в отличие от первых двух третий кластер характеризуется значимо более низким уровнем академических достижений (успеваемости). Однако с позиций теории самодетерминации трудно объяснить то, что кластеры с высокой и низкой контролируемой мотивацией не различались по главной зависимой переменной — успеваемости. Другие переменные, оценивающие специфику мотивационного процесса у учащихся с разным уровнем контролируемой регуляции, в исследовании Рателле и др. не представлены. Это существенным образом затрудняет понимание причин равной эффективности представителей автономного и контролируемого кластеров. С нашей точки зрения, наиболее вероятное объяснение этого феномена заключается в одинаково высокой выраженности у них внутренней мотивации. Все остальные типы мотивации в этих кластерах существенным образом различались. В лонгитюдном исследовании Ж. Тейлор с коллегами (Taylor et al., 2014) было показано, что предиктором академических достижений является только внутренняя мотивация учебной деятельности. При этом существуют данные о связи с академическими достижениями как внутренней, так и идентифицированной регуляции (Walls, Little, 2005).

Тем не менее вопрос о составе и последствиях автономной и контролируемой мотивации продолжает дебатироваться исследователями мотивации (Koestner et al., 1996). В настоящее время ряд исследователей, работающих в рамках теории самодетерминации, предпочитают выделять лишь два характерных типа мотивации — автономную и контролируемую (Deci, Ryan, 2008; Vansteenkiste et al., 2009). Это приводит к недифференцированному анализу внутренней и идентифицированной мотиваций, входящих в конструкт автономной мотивации, что, с нашей точки зрения, препятствует

пониманию роли разных типов мотивации в успешности деятельности и психологическом благополучии индивида.

Задача представляемого здесь исследования заключалась в том, чтобы выяснить роль внутренней мотивации в эффективной саморегуляции деятельности и ее дальнейшей успешности (на материале учебной деятельности студентов), выделив характерные кластеры учебной мотивации и соответствующие им паттерны саморегуляции и представлений о средствах достижения высоких академических результатов.

Основная *гипотеза* исследования, подвергавшаяся проверке, состояла в том, что студенты, демонстрирующие мотивационный профиль с доминирующей внутренней мотивацией, обнаруживают значимо более продуктивные паттерны академической саморегуляции, настойчивости и успешности, чем студенты с равно доминирующими внутренней и внешней контролируемой мотивациями (недифференцированный высокомотивированный профиль).

Выборка. В исследовании приняли участие 583 студента трех вузов: МГУ им. М.В. Ломоносова (N=259), АГПУ им. В.М. Шукшина (г. Бийск, N=215), МГИМО (N=109). Выборка включала 363 девушки, 218 юношей, два человека пол не указали (средний возраст M=18.88; SD=1.27).

Методики

1. Для *диагностики внутренней и внешней мотивации учебной деятельности* студентов использовался опросник «Шкалы академической мотивации — ШАМ» (Гордеева, Сычев, Осин, 2014), разработанный на основе опросника академической мотивации Р. Валлеранда с коллегами (AMS-C). Опросник состоит из 28 утверждений, составляющих 7 шкал (по 4 утверждения в каждой): три шкалы внутренней мотивации (познавательной, достиженческой и саморазвития), три шкалы внешней мотивации (самоуважения, интроецированной и экстернальной), а также шкала амотивации как отсутствия интереса и ощущения осмысленности текущей учебной деятельности. Испытуемым предлагается по 5-балльной шкале оценить различные варианты ответа на вопрос: «Почему Вы в настоящее время ходите на занятия в университет?» Пример утверждения: «Учеба в университете дает мне возможность продолжать больше узнавать о многих вещах, которые меня интересуют» (познавательная мотивация). Значения коэффициентов надежности (альфа Кронбаха) свидетельствуют о достаточно высокой внутренней согласованности всех 7 шкал (соответственно 0.88; 0.81; 0.83; 0.81; 0.72; 0.84; 0.80). Три шкалы внутренней мотивации (мотивы познания, достижения и саморазвития) были собраны в единую переменную, что было обосновано как теоретически,

так и статистически (Там же). Напротив, три шкалы внешней мотивации рассматривались отдельно, так как ожидалось различия в их отношениях с внутренней мотивацией и их связях с другими мотивационными переменными и успеваемостью.

2. Поскольку основной вклад со стороны учебных мотивов ожидался со стороны внутренней мотивации, в диагностическую батарею была введена еще одна, близкая ей переменная — любознательность, оценивающая общую склонность индивида получать удовольствие от решения новых и сложных задач. Для *диагностики любознательности* использовался опросник, разработанный Е.Н. Осиним на основе шкалы Т. Кашдана (Kashdan et al., 2004) и включающий 15 утверждений (например: «Мне нравится браться за решение совершенно новых для меня задач»). Надежность шкалы — 0.81.

3. Для *оценки мотивационно-регуляторных переменных* использовались следующие опросники, измеряющие настойчивость и самоконтроль.

3.1. Для *самооценки упорства и настойчивости* применялся опросник настойчивости и постоянства интересов «Grit», разработанный нами на основе шкалы настойчивости А. Даквортс (Duckworth et al., 2007). В составе опросника выделяются две субшкалы — постоянство интересов (6 утверждений) и настойчивость (4 утверждения). Примеры утверждений: «Часто я ставлю перед собой цель, но потом переключаюсь на другую» (субшкала постоянства интересов, обратный пункт), «Я заканчиваю все, что начинаю» (субшкала настойчивости). Надежность субшкал — 0.73 и 0.71 соответственно.

3.2. *Диагностика самоконтроля* осуществлялась с помощью краткой шкалы самоконтроля Дж. Тангни, Р. Баумайстера и А.Л. Бун (Гордеева, Осин и др., 2016). Методика состоит из 13 утверждений, согласие с которыми надо оценить по 5-балльной шкале. Пример утверждения: «Мне хорошо удается сопротивляться соблазнам». Коэффициент надежности шкалы — 0.78.

4. Для *диагностики когнитивно-мотивационных переменных*, позволяющих оценивать особенности оптимистического мышления студентов в отношении средств достижения учебных целей, меры владения ими, использовалась следующая группа опросников.

4.1. Для *оценки субъективной контролируемости учебной деятельности* — шкала академического контроля Р. Перри (Perry et al., 2001), включающая 8 утверждений, согласие с которыми надо оценить по 5-балльной шкале. Пример утверждения: «Я чувствую, что я контролирую свои успехи и достижения в учебе». Коэффициент надежности шкалы — 0.66.

4.2. Для *оценки веры в свой академический потенциал и возможность достижения высоких результатов* в учебной деятельности использовалась шкала академической самооэффективности, составленная нами в соответствии с рекомендациями Ф. Паджереса (F. Pajeres) применительно к ситуации обучения в университете. В наших предыдущих исследованиях эта шкала дала хорошие показатели надежности (Гордеева, Осин, 2012). Она

включает в себя 4 утверждения, диагностирующие веру в свой академический потенциал, свои способности успешно справляться с трудностями, возникающими в процессе учебной деятельности. Пример утверждения: «Я верю, что результаты моей учебы полностью зависят от меня». Коэффициент надежности шкалы — 0.61.

4.3. Для оценки показателей оптимистического мышления, в частности оптимистического атрибутивного стиля в отношении успехов и неудач, имеющих место в достиженческой деятельности, использовалась краткая версия опросника «Стиль объяснения успехов и неудач (СТОУН)» (Гордеева, Осин, Шевяхова, 2009). Методика включает 12 гипотетических ситуаций, связанных с достижениями в учебной деятельности (из них 7 ситуаций неудач и 5 успехов), для каждой из которых необходимо вписать предполагаемую причину и оценить ее по трем параметрам: стабильности, глобальности и контролируемости, используя 6-балльную шкалу. Пример ситуации успеха: «Вы успешно сдали важный экзамен»; пример ситуации неудачи: «Вы выступаете с важным докладом, и аудитория реагирует на Ваше выступление негативно». Надежность показателей оптимистического атрибутивного стиля (ОАС) в ситуациях успеха — 0.72, ОАС в ситуациях неудач — 0.78.

5. С целью проверки дополнительной гипотезы об источниках разных мотивационных кластеров с высокой и низкой внутренней мотивацией, а также с высокой и низкой контролируемой мотивацией проводилась диагностика удовлетворенности базовых психологических потребностей. Для диагностики базовых потребностей в учебной деятельности использовалась разработанная нами методика, состоящая из 20 утверждений, включающая три шкалы: потребности в автономии (пример утверждения: «Я чувствую, что в университете я должен заниматься тем, что от меня требуют другие люди», обратный пункт), потребности в компетентности («В университете я довольно часто ощущаю, что я недостаточно компетентен», обратный пункт) и потребности в связанности («Людям в университете я небезразличен»). В ее основу был положен опросник базовых потребностей на рабочем месте, разработанный Э. Деси и Р. Райаном с коллегами и соответствующий положениям теории самодетерминации о базовых психологических потребностях. Высокая надежность по внутренней согласованности этих шкал подтверждается значениями коэффициентов альфа Кронбаха: 0.73; 0.78 и 0.81 соответственно.

6. Академические достижения определялись на основе оценок за последнюю сессию и баллов ЕГЭ по русскому языку и математике — двум обязательным предметам у студентов всех вузов.

Обработка. В ходе статистического анализа данных использовались метод анализа латентных классов в программе Mplus 7.4, а также методы корреляционного анализа и непараметрические критерии различий в Statistica 10.

Результаты

В табл. 1 представлены интеркорреляции и описательная статистика по шкалам учебной мотивации. Упорядоченность шкал учебной мотивации вдоль континуума автономии полностью подтверждается соответствием приведенной корреляционной матрицы симплекс-паттерну, в котором коэффициенты неуклонно убывают по мере удаления от главной диагонали (Ryan, Connell, 1989). При этом мотивация самоуважения (СМ) занимает промежуточное положение между внутренней мотивацией (ВМ) и интроецированной (ИМ), что не противоречит предположению о том, что она представляет собой вариант идентифицированной мотивации. Описательная статистика свидетельствует о том, что в целом в нашей выборке доминируют такие типы учебной мотивации, как внутренняя мотивация и мотивация самоуважения, в то время как интроецированная и экстернальная мотивации имеют меньшую выраженность.

Таблица 1

Интеркорреляции и описательная статистика по шкалам учебной мотивации

Шкалы академической мотивации	ВМ	МС	ИМ	ЭМ	АМ
Внутренняя мотивация (ВМ)					
Мотивация самоуважения (МС)	0.47***				
Интроецированная мотивация (ИМ)	0.04	0.43***			
Экстернальная мотивация (ЭМ)	-0.23***	0.22***	0.62***		
Амотивация (АМ)	-0.48***	-0.31***	0.03	0.22***	
Среднее	3.81	3.67	3.13	2.73	1.63
Стд. отклонение	0.81	1.02	1.01	0.97	0.83

Примечание. Уровень значимости корреляций: *** — $p < 0.001$.

С целью выделения типичных профилей учебной мотивации использовался метод анализа латентных классов (Collins, Lanza, 2010). В ходе анализа рассматривались альтернативные решения, включающие от 2 до 6 профилей, которые сравнивались по критериям байесовского информационного критерия (BIC), минимального объема выделенных групп и интерпретируемости решения. Оптимальным по этим критериям оказалось решение с 4 латентными мотивационными кластерами. Величина BIC в этом решении не была

минимальной, однако снижение этого показателя в решениях с 5 и 6 типами было невелико, объем выделенных групп был не ниже 10% процентов выборки, при этом каждый кластер поддавался хорошей интерпретации и демонстрировал существенные содержательные отличия от других.

Полученные в результате анализа профили мотивационных кластеров представлены на рис. 1. Как и предполагалось, наиболее типичными оказались два профиля: в кластер 1 с доминированием внутренней мотивации и мотивации самоуважения (автономных типов мотивации) вошло 47% респондентов; в кластер 3 с доминированием продуктивной (мотивации самоуважения) и непродуктивной контролируемой внешней мотивации (интроецированная мотивация и экстернальная мотивация) при относительно высоком уровне внутренней мотивации вошел 31% респондентов.

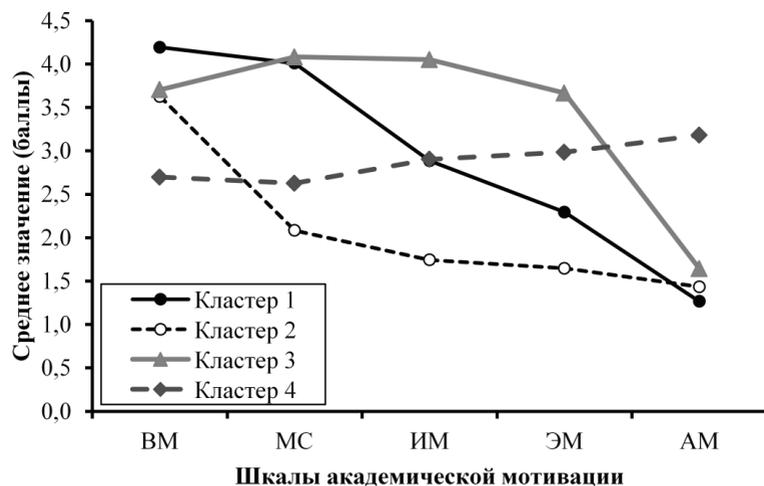

Рис. 1. Профили учебной мотивации студентов для выделенных мотивационных кластеров. Расшифровку названий шкал см. в табл. 1

Кластеры 2 и 4 оказались довольно редкими и нехарактерными для студентов профилями. В них вошло соответственно 10 и 12% респондентов. Кластер 2 характеризуется доминированием внутренней мотивации при низком уровне всех остальных учебных мотивов. Кластер 4 (наименее автономный) определяется доминированием амотивации и контролируемой внешней мотивации при низкой выраженности внутренней мотивации и мотивации самоуважения.

Таблица 2

Сравнение мотивационных кластеров по входящим в них показателям внутренней мотивации, внешней мотивации и амотивации

Шкалы академической мотивации	Кластер 1		Кластер 2		Кластер 3		Кластер 4		H (k; N)	P
	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD		
Внутренняя мотивация	4.21 ^a	0.58	3.60 ^b	0.82	3.68 ^b	0.69	2.69 ^c	0.68	184.34 (3; 582)	0.000
Мотивация самоуважения	4.01 ^a	0.68	1.97 ^b	0.67	4.09 ^a	0.66	2.61 ^b	0.94	231.23 (3; 579)	0.000
Интроецированная мотивация	2.86 ^a	0.71	1.72 ^b	0.66	4.10 ^c	0.65	2.88 ^a	0.82	298.69 (3; 582)	0.000
Экстернальная мотивация	2.27 ^a	0.60	1.62 ^b	0.68	3.72 ^c	0.65	2.95 ^d	0.78	326.08 (3; 578)	0.000
Амотивация	1.25 ^a	0.42	1.42 ^{ab}	0.55	1.67 ^b	0.68	3.21 ^c	0.73	218.22 (3; 581)	0.000

Примечание. Латинские индексы отражают однородные группы: идентичные буквы означают отсутствие значимых различий (принадлежность к одной совокупности). Индекс *ab* означает, что выборка не показывает значимых отличий ни от совокупности *a*, ни от совокупности *b*. Отсутствие индексов в строке означает отсутствие значимых попарных различий.

В табл. 2 представлены результаты сравнения кластеров по показателям внутренней мотивации, внешней мотивации и амотивации. Для сравнения групп с различными профилями мотивации использовался критерий Краскела—Уоллиса, проверяющий нулевую гипотезу о равенстве медиан с последующим сравнением средних рангов по группам. Данный метод представляет собой непараметрический аналог однофакторного дисперсионного анализа.

Из данных, представленных в табл. 3 и на рис. 2, следует, что представители двух кластеров с высокой и доминирующей внутренней мотивацией (кластеры 1 и 2) отличаются от представителей двух других кластеров (или по крайней мере одного из них), у которых доминирует контролируемая мотивация и амотивация, по любознательности, постоянству интересов, а также по мотивационно-регуляторным характеристикам (настойчивость, самоконтроль) и когнитивно-мотивационным переменным (воспринимаемый академический контроль, академическая самоэффективность, оптимистический атрибутивный стиль по ситуациям неудач). Т.е. наличие у субъекта учебной деятельности высокой и доминирующей внутренней мотивации, означающей наличие

интереса к процессу познания и решению трудных учебных задач, связана с выраженностью у него любознательности, стабильности интересов, настойчивости, умения контролировать свои импульсы, возникающие в процессе достижения цели, а также с верой в свою способность справляться с трудными задачами и в то, что успехи носят стабильный и универсальный характер.

Таблица 3

Сравнение мотивационных кластеров по мотивационно-регуляторным показателям, настойчивости, когнитивно-мотивационным показателям и показателям успешности

Показатели	Кластер 1		Кластер 2		Кластер 3		Кластер 4		N (k; N)	P
	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD		
Любознательность	5.12 ^a	0.78	5.05 ^a	0.81	4.37 ^b	0.47	4.19 ^b	0.82	28.01 (3; 132)	0.000
Постоянство интересов	3.03 ^a	0.66	3.05 ^a	0.94	2.72 ^b	0.74	2.67 ^{ab}	0.76	14.18 (3; 323)	0.003
Настойчивость	3.84 ^a	0.65	3.42 ^{ab}	0.99	3.74 ^a	0.68	3.14 ^b	0.67	23.88 (3; 323)	0.000
Самоконтроль	3.16	0.55	3.00	0.72	3.01	0.49	2.96	0.56	8.81 (3; 414)	0.032
Академический контроль	4.11 ^a	0.52	3.91 ^{ab}	0.66	3.87 ^b	0.53	3.48 ^c	0.69	42.94 (3; 455)	0.000
Академическая самоэффективность	4.04 ^a	0.63	3.81 ^{ab}	0.78	3.96 ^a	0.60	3.36 ^b	0.71	20.09 (3; 323)	0.000
ОАС Успехи	71.20	9.33	71.56	12.31	70.74	8.30	70.33	11.44	0.78 (3; 129)	0.855
ОАС Неудачи	66.7 ^a	8.46	66.5 ^{ab}	7.08	64.1 ^{ab}	7.96	60.11 ^b	7.36	9.22 (3; 129)	0.027
Потребность в автономии	4.84 ^a	0.90	4.98 ^a	0.88	4.37 ^b	0.77	3.57 ^c	0.88	79.02 (3; 455)	0.000
Потребность в компетентности	4.94 ^a	0.85	4.78 ^{ab}	0.98	4.47 ^b	0.74	3.80 ^c	0.92	69.41 (3; 455)	0.000
Потребность в связанности	5.15 ^a	0.83	5.23 ^a	0.85	4.95 ^b	0.78	4.09 ^c	0.88	51.96 (3; 455)	0.000
Средний ЕГЭ	71.6 ^a	14.62	72.9 ^a	12.34	65.7 ^b	15.81	68.8 ^{ab}	13.71	17.59 (3; 496)	0.001
Успеваемость	4.24 ^a	0.61	4.13 ^a	0.67	3.99 ^b	0.69	4.10 ^{ab}	0.71	8.93 (3; 330)	0.030

Примечание. ОАС — оптимистический атрибутивный стиль.

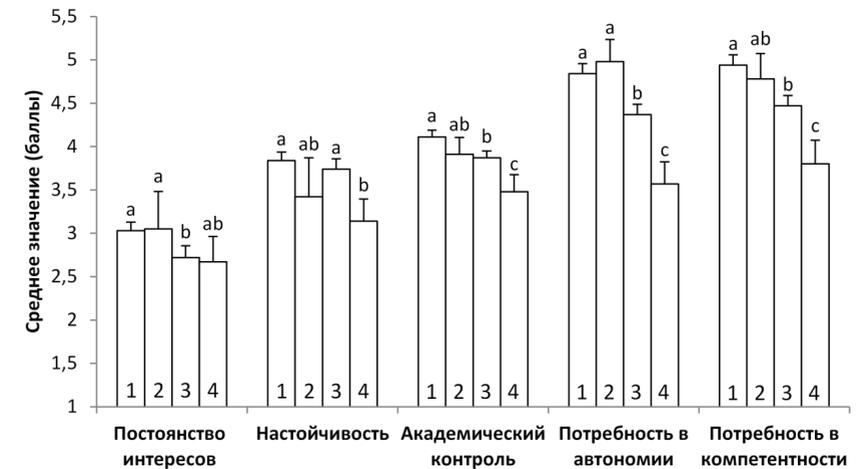

Рис. 2. Постоянство интересов, настойчивость, академический контроль и удовлетворенность базовых потребностей в автономии и компетентности у выделенных мотивационных кластеров. Номера кластеров обозначены цифрами 1, 2, 3, 4 внутри столбиков. Вертикальные отрезки указывают на величину 95%-ного доверительного интервала для среднего; буквенные обозначения различий, как в табл. 2

Было также установлено, что кластеры с доминирующей внутренней мотивацией отличаются от кластеров с доминирующей контролируемой мотивацией и амотивацией по степени удовлетворенности у них базовых психологических потребностей (все три потребности — в автономии, компетентности и связанности — больше удовлетворены у представителей кластеров 1 и 2), что хорошо объясняет их генез. То, что разные мотивационные типы показали существенные различия в удовлетворенности базовых психологических потребностей в автономии, компетентности и связанности (при большей удовлетворенности у студентов с высокой внутренней мотивацией), хорошо соответствует положениям теории самодетерминации о средовых источниках внутренней мотивации. При этом первые два типа (с высокой и доминирующей внутренней мотивацией) не показывают отличий друг от друга, в то время как последние два отличаются друг от друга и от первых двух.

Гендерные различия. Анализ распределения юношей и девушек по разным типам учебной мотивации с использованием z-критерия для сравнения долей в независимых выборках (Гласс, Стэнли, 1976)

показал, что кластер 2 (с ведущей внутренней и низкой контролируемой мотивацией) чаще встречается среди юношей: он характерен для 14% юношей и только для 7% девушек ($p < 0.01$). Это свидетельствует о том, что юношам более свойственно побуждение учебной деятельности доминирующей внутренней мотивацией, тогда как учебную деятельность девушек обычно побуждает более широкий круг мотивов. Гендерных различий по остальным типам мотивации не найдено.

Обсуждение результатов

В отличие от исследований К. Рателле с коллегами (Ratelle et al., 2007), проведенных на канадских школьниках и студентах, в нашем исследовании были выделены не 3, а 4 характерных типа учебной мотивации студентов. Также в отличие от данных канадских исследователей представленность студентов в каждом кластере была неравномерной. Наиболее распространенными были два профиля мотивации: (1) с высокой внутренней, низкой внешней контролируемой мотивацией и низкой амотивацией и (2) со средней внутренней мотивацией, высокой внешней контролируемой и средней амотивацией (по выраженности мотивации самоуважения, высокой в обоих случаях, эти кластеры не различались). Данные кластеры (1 и 3) различались как по выраженности любознательности, мотивационно-регуляторных характеристик (постоянство интересов), так и по когнитивно-мотивационным переменным, в частности, по воспринимаемому академическому контролю — переменной, отражающей меру позитивного мышления или оптимизма в отношении средств достижения академических результатов (вера в возможность достижения высоких результатов в учебной деятельности). Значимые различия наблюдались не по всем мотивационно-регуляторным и когнитивно-мотивационным переменным, но в целом видно преимущество кластера 1 перед кластером 3, и данные кластеры значимо различались по уровню успеваемости (оба показателя — ЕГЭ и текущая успеваемость).

Студенты с доминирующей и высокой внутренней мотивацией (кластер 1) и с высокой контролируемой мотивацией на фоне умеренно высокой внутренней мотивации и мотивации самоуважения (кластер 3) не различаются по уровню настойчивости (который у них значимо выше, чем у представителей кластера 4). Это свидетельствует о том, что настойчивость может быть дополнительно поддержана и внешними контролируруемыми типами мотивации. Данные о двойной природе настойчивости, задаваемой как внутренней,

так и различными формами внешней мотивации, подтверждают результаты наших предыдущих исследований о мотивационных источниках настойчивости (Гордеева, Сычев, 2012).

При этом выраженность у кластеров 1 и 3 удовлетворенности базовых психологических потребностей в автономии, компетентности и связанности также существенным образом различалась: у студентов из кластера 1 все потребности были в большей степени удовлетворены, чем у студентов из кластера 3. Это хорошо соответствует предсказаниям теории самодетерминации, в соответствии с которыми фрустрация базовых психологических потребностей приводит к снижению внутренней мотивации, а фрустрация потребности в автономии выступает в качестве фактора, вызывающего рост непродуктивных форм внешней мотивации, в частности контролируемых ее форм — интроецированной и эстернальной.

Два типа кластеров с доминирующей внутренней мотивацией (кластеры 1 и 2) и с доминирующей контролируемой мотивацией и амотивацией (кластеры 3 и 4) значимо отличались по переменной любознательности, что хорошо соотносится с обнаруженными различиями по кластерам.

Таким образом, основным отличием и преимуществом кластера 1 была высокая и доминирующая над всеми остальными типами мотивации внутренняя мотивация, что соответствует нашим предположениям об основном вкладе этого типа мотивации в обеспечение эффективной саморегуляции и результативности деятельности. Сравнение кластеров 1 и 3 по мотивационно-регуляторным переменным показывает важную роль выраженности внутренней мотивации и ее доминирования над контролируемой мотивацией. Сравнение кластеров 1 и 2 по соответствующим им мотивационно-регуляторным характеристикам еще раз подтверждает важность доминирования внутренней мотивации над контролируемой. Наши результаты также соответствуют данным лонгитюдного (проспективного) исследования Ж. Тэйлор с коллегами (Taylor et al., 2014) на канадских и шведских учащихся (старшеклассниках и студентах), показавшего уникальный вклад внутренней мотивации в успешность учебной деятельности. Однако нам впервые удалось это показать через анализ типичных профилей мотивации.

В соответствии с идеями теории самодетерминации амотивированный тип (кластер 4) показал наименьший уровень удовлетворенности базовых психологических потребностей. У представителей этого типа наименьший уровень любознательности, настойчивости, а также мотивационных факторов когнитивного порядка — академического контроля, самоэффективности, оптимистического атри-

бутивного стиля в отношении неудач. У них также максимально фрустрированы базовые психологические потребности, что хорошо объясняет причины возникновения данного мотивационного профиля. При этом уровень успеваемости, демонстрируемый представителями этого типа достаточно высок, что свидетельствует о том, что эти студенты разочарованы учебой в данном вузе и в целом не заинтересованы продолжать обучение, хотя и имеют для этого достаточный запас знаний и интеллектуальный потенциал.

В отличие от школьников (Сычев и др., 2016) у студентов значительно реже встречается амотивационный профиль. По-видимому, это связано с тем, что на этапе обучения в вузе студент сам выбирает себе специальность, соответствующую его устремлениям и ценностям, специализацию (кафедру), спецкурсы, тему курсовой, научного руководителя, может в значительно большей степени, чем в школе, каждый день решать, посещать или не посещать занятия. Все это способствует поддержке потребности в автономии в учебной деятельности и снижает риск развития амотивации и контролируемых форм мотивации.

Полученные результаты также подтверждают результаты наших предыдущих исследований на школьниках (Гордеева, Гижицкий и др., 2016) и студентах (Гордеева, Сычев, Осин, 2014), показывающих, что мотивация самоуважения является одним из наиболее существенных типов мотивации, придающих смысл учебной деятельности и стимулирующих учебную активность и настойчивость.

Заключение: преимущества, ограничения, перспективы исследования

К преимуществам проведенного исследования стоит отнести достаточно большую и репрезентативную выборку и главное — наличие в исследовательской батарее целого ряда мотивационно-регуляторных и когнитивно-мотивационных переменных, позволяющих сравнить мотивационные профили и тем самым глубже понять природу и последствия разных типов мотивации, представленных у современных студентов вузов.

Вместе с тем определенным ограничением исследования является его кросссекционный характер (корреляционное исследование), что не позволило сделать выводы о влиянии профилей учебной мотивации на настойчивость и успешность учебной деятельности; безусловно, было бы желательно его преодолеть в будущих исследованиях лонгитюдного характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте (Психологическое исследование). М.: Просвещение, 1968.
- Гласс Д., Стэнли Д.* Статистические методы в педагогике и психологии. М.: Прогресс, 1976.
- Гордеева Т.О.* Базовые типы мотивации деятельности: потребностная модель // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2014. № 3. С. 63—78.
- Гордеева Т.О., Гижицкий В.В., Сычев О.А., Гавриченко Т.К.* Мотивация самоуважения и уважения другими как факторы академических достижений и настойчивости в учебной деятельности // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 57—68.
- Гордеева Т.О., Осин Е.Н.* Особенности мотивации достижения и учебной мотивации студентов, демонстрирующих разные типы академических достижений (ЕГЭ, победы в олимпиадах, академическая успеваемость) // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2012. Т. 5. № 24. С. 4. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n24/708-gordeeva24.html>
- Гордеева Т.О., Осин Е.О., Шевяхова В.Ю.* Диагностика оптимизма как стиля объяснения успехов и неудач: опросник СТОУН. М.: Смысл, 2009.
- Гордеева Т.О., Осин Е.Н., Сучков Д.Д. и др.* Самоконтроль как ресурс личности: диагностика и связи с успешностью, настойчивостью и благополучием // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 2. С. 46—58.
- Гордеева Т.О., Сычев О.А.* Внутренние источники настойчивости и ее роль в успешности учебной деятельности // Психология обучения. 2012. № 1. С. 33—48.
- Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н.* Внутренняя и внешняя учебная мотивация студентов: ее источники и влияние на психологическое благополучие // Вопросы психологии. 2013. № 1. С. 35—45.
- Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н.* Опросник «Шкалы академической мотивации» // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 4. С. 96—107.
- Сычев О.А., Гордеева Т.О., Гижицкий В.В.* Профили мотивации как предикторы настойчивости в учебной деятельности // Психологическая антропология: диалог парадигм: сборник материалов VI Сибирского психологического форума (12—14 ноября 2015 г., г. Томск) / Под ред. проф. С.А. Богомаза. Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2016. С. 228—232.
- Collins L.M., Lanza S.T.* Latent class and latent transition analysis: With applications in the social, behavioral, and health sciences. N.Y.: John Wiley & Sons, 2010.
- Deci E.L., Ryan R.M.* Self-determination theory: a macrotheory of human motivation, development and health // Canadian Psychology. 2008. Vol. 49. P. 182—185. Doi 10.1037/a0012801

Duckworth A.L., Peterson C., Matthews M.D., Kelly D.R. Grit: Perseverance and passion for long-term goals // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2007. Vol. 92. N 6. P. 1087—1101. Doi 10.1037/0022-3514.92.6.1087

Gillet N., Vallerand R.J., Rosnet E. Motivational clusters and performance in a real-life setting // *Motivation and Emotion*. 2009. Vol. 33. N 1. P. 49—62. Doi 10.1007/s11031-008-9115-z

Handbook of self-determination research / Ed. by E.L. Deci, R.M. Ryan. Rochester, NY: University of Rochester Press, 2002.

Kashdan T.B., Rose P., Fincham F.D. Curiosity and exploration: Facilitating positive subjective experiences and personal growth opportunities // *Journal of Personality Assessment*. 2004. Vol. 82. P. 291—305. Doi 10.1207/s15327752jpa8203_05

Koestner R., Losier G.E., Vallerand R.J., Carducci D. Identified and introjected forms of political internalization: Extending self-determination theory // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. Vol. 70. P. 1025—1036. Doi 10.1037/0022-3514.70.5.1025

Perry R.P., Hladkyj S., Pekrun R.H., Pelletier S.T. Academic control and action control in the achievement of college students: A longitudinal field study // *Journal of Educational Psychology*. 2001. Vol. 93. N 4. P. 776—789. Doi 10.1037/0022-0663.93.4.776

Ratelle C.F., Guay F., Vallerand R.J. et al. Autonomous, controlled, and amotivated types of academic motivation: A person-oriented analysis // *Journal of Educational Psychology*. 2007. Vol. 99. N 4. P. 734—746. Doi 10.1037/0022-0663.99.4.734

Ryan R.M., Connell J.P. Perceived locus of causality and internalization: Examining reasons for acting in two domains // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. Vol. 57. P. 749—761. Doi 10.1037/0022-3514.57.5.749

Ryan R.M., Deci E.L. *Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness*. N.Y.; London: Guilford Press, 2017.

Sheldon K.M., Osin E.N., Gordeeva T.O. et al. Evaluating the dimensionality of self-determination theory's relative autonomy continuum // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2017. Vol. 43. N 9. P. 1—24. Doi 10.1177/0146167217711915

Taylor G., Jungert T., Mageau G.A. et al. A self-determination theory approach to predicting school achievement over time: The unique role of intrinsic motivation // *Contemporary Educational Psychology*. 2014. Vol. 39. N 4. P. 342—358. Doi 10.1016/j.cedpsych.2014.08.002

Vansteenkiste M., Sierens E., Soenens B. et al. Motivational profiles from a self-determination perspective: The quality of motivation matters // *Journal of Educational Psychology*. 2009. Vol. 101. N 3. P. 671—688. Doi 10.1037/a0015083

Walls T.A., Little T.D. Relations among personal agency, motivation, and school adjustment in early adolescence // *Journal of Educational Psychology*. 2005. Vol. 97. N 1. P. 23—31. Doi 10.1037/0022-0663.97.1.23

Wang C.K.J., Biddle S.J.H. Young people's motivational profiles in physical activity: A cluster analysis // *Journal of Sport and Exercise Psychology*. 2001. Vol. 23. N 1. P. 1—22. Doi 10.1123/jsep.23.1.1

Wang C.K.J., Chatzisarantis N.L.D., Spray C.M., Biddle S.J.H. Achievement goal profiles in school physical education: Differences in self-determination, sport ability beliefs, and physical activity // *British Journal of Educational Psychology*. 2002. Vol. 72. N 3. P. 433—445. Doi 10.1348/000709902320634401

Поступила в редакцию 20.03.17

Принята к публикации 28.03.17

MOTIVATIONAL PROFILES AS PREDICTORS OF STUDENTS' SELF-REGULATION AND ACADEMIC ACHIEVEMENT

Tamara O. Gordeeva¹, Oleg A. Sychev²

¹ Lomonosov Moscow State University, Faculty of Psychology, Moscow, Russia

² Altai State Humanitarian and Pedagogical University named after V.M. Shukshin, Biysk, Russia

Abstract: In this study we tested the hypothesis about advantage of academic motivation profile with dominating intrinsic motivation over another profile with equally high intrinsic, self-esteem and controlled types of motivation (and low level of amotivation). Latent class analysis confirmed the suggestion that these two profiles are most typical in university students. Students with high and dominating intrinsic motivation showed highest curiosity, consistency of interests, perceived academic control and academic achievements but didn't differ from students with high controlled motivation by the perseverance of effort that was high in both types. Generally the results show that high extrinsic controlled motivation is a disadvantageous factor that decreases student motivational potential. The results are discussed from the point of view of self-determination theory and need model of motivation.

Key words: academic motivation, motivational profiles, intrinsic motivation, controlled motivation, self-determination theory.

References:

Bozhovich, L.I. (1968) *Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste. (Psikhologicheskoe issledovanie)* [Personality and its formation in childhood. (Psychological research)]. Moscow: Prosveshchenie.

Collins, L.M., Lanza, S.T. (2010) *Latent class and latent transition analysis: With applications in the social, behavioral, and health sciences*. N.Y.: John Wiley & Sons.

Deci, E.L., Ryan, R.M. (2002, eds.) *Handbook of self-determination research*. Rochester, NY: University of Rochester Press.

Deci, E.L., Ryan, R.M. (2008) Self-determination theory: a macrotheory of human motivation, development and health. *Canadian Psychology*, 49, 182—185. Doi 10.1037/a0012801

Duckworth, A.L., Peterson, C., Matthews, M.D., Kelly, D.R. (2007) Grit: Perseverance and passion for long-term goals. *Journal of Personality and Social Psychology*, 92, 6, 1087—1101. Doi 10.1037/0022-3514.92.6.1087

Gillet, N., Vallerand, R.J., Rosnet, E. (2009) Motivational clusters and performance in a real-life setting. *Motivation and Emotion*, 33, 1, 49—62. Doi 10.1007/s11031-008-9115-z

Glass, D., Stenli, D. (1976) *Statisticheskie metody v pedagogike i psikhologii* [Statistical methods in pedagogy and psychology]. Moscow: Progress.

Gordeeva, T.O. (2014) Bazovye tipy motivatsii deyatel'nosti: potrebnostnaya model'. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 3, 63—78.

Gordeeva, T.O., Gizhitskiy, V.V., Sychev, O.A., Gavrichenkova, T.K. (2016) Motivatsiya samouvazheniya i uvazheniya drugimi kak faktory akademicheskikh dostizheniy i nastoychivosti v uchebnoy deyatel'nosti. *Psikhologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 37, 2, 57—68.

Gordeeva, T.O., Osin, E.N. Osobennosti motivatsii dostizheniya i uchebnoy motivatsii studentov, demonstriruyushchikh raznye tipy akademicheskikh dostizheniy (EGE, pobedy v olimpiadakh, akademicheskaya uspevaemost'). *Psikhologicheskie issledovaniya: elektron. nauch. zhurn.* [Psychological Research: an electronic scientific journal], 5, 24, 4. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n24/708-gordeeva24.html>

Gordeeva, T.O., Osin, E.O., Shevyakhova, V.Yu. (2009) *Diagnostika optimizma kak stilya ob'yasneniya uspekhev i neudach: oprosnik STOUN* [Diagnosis of optimism as a style of explaining successes and failures: questionnaire STESF]. Moscow: Smysl.

Gordeeva, T.O., Osin, E.N., Suchkov, D.D. et al. (2016) Samokontrol' kak resurs lichnosti: diagnostika i svyazi s uspehnost'yu, nastoychivost'yu i blagopoluchiem. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical Psychology], 12, 2, 46—58.

Gordeeva, T.O., Sychev, O.A. (2012) Vnutrennie istochniki nastoychivosti i ee rol' v uspehnosti uchebnoy deyatel'nosti. *Psikhologiya obucheniya* [Educational Psychology], 1, 33—48.

Gordeeva, T.O., Sychev, O.A., Osin, E.N. (2013) Vnutrennyaya i vneshnyaya uchebnaya motivatsiya studentov: ee istochniki i vliyanie na psikhologicheskoe blagopoluchie. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], 1, 35—45.

Gordeeva, T.O., Sychev, O.A., Osin, E.N. (2014) Oprosnik «Shkaly akademicheskoy motivatsii». *Psikhologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 35, 4, 96—107.

Kashdan, T.B., Rose, P., Fincham, F.D. (2004) Curiosity and exploration: Facilitating positive subjective experiences and personal growth opportunities. *Journal of Personality Assessment*, 82, 291—305. Doi 10.1207/s15327752jpa8203_05

Koestner, R., Losier, G.F., Vallerand, R.J., Carducci, D. (1996) Identified and introjected forms of political internalization: Extending self-determination theory.

Journal of Personality and Social Psychology, 70, 1025—1036. Doi 10.1037/0022-3514.70.5.1025

Perry, R.P., Hladkyj, S., Pekrun, R.H., Pelletier, S.T. (2001) Academic control and action control in the achievement of college students: A longitudinal field study. *Journal of Educational Psychology*, 93, 4, 776—789. Doi 10.1037/0022-0663.93.4.776

Ratelle, C.F., Guay, F., Vallerand, R.J. et al. (2007) Autonomous, controlled, and amotivated types of academic motivation: A person-oriented analysis. *Journal of Educational Psychology*, 99, 4, 734—746. Doi 10.1037/0022-0663.99.4.734

Ryan, R.M., Connell, J.P. (1989) Perceived locus of causality and internalization: Examining reasons for acting in two domains. *Journal of Personality and Social Psychology*, 57, 749—761. Doi 10.1037/0022-3514.57.5.749

Ryan, R.M., Deci, E.L. (2017) *Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness*. N.Y.; London: Guilford Press.

Sheldon, K.M., Osin, E.N., Gordeeva, T.O. et al. (2017) Evaluating the dimensionality of self-determination theory's relative autonomy continuum. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 43, 9, 1—24. Doi 10.1177/0146167217711915

Sychev, O.A., Gordeeva, T.O., Gizhitskiy, V.V. (2016) Profili motivatsii kak prediktory nastoychivosti v uchebnoy deyatel'nosti. In S.A. Bogomaz (Ed.) *Psikhologicheskaya antropologiya: dialog paradigm: sbornik materialov VI Sibirskogo psikhologicheskogo foruma (12—14 noyabrya 2015 g., g. Tomsk)* [Psychological anthropology: a dialogue of paradigms: a collection of materials of the VI Siberian Psychological Forum (November 12—14, 2015, Tomsk)] (pp. 228—232). Tomsk: Izdatel'skiy Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.

Taylor, G., Jungert, T., Mageau, G.A. et al. (2014) A self-determination theory approach to predicting school achievement over time: The unique role of intrinsic motivation. *Contemporary Educational Psychology*, 39, 4, 342—358. Doi 10.1016/j.cedpsych.2014.08.002

Vansteenkiste, M., Sierens, E., Soenens, B. et al. (2009) Motivational profiles from a self-determination perspective: The quality of motivation matters. *Journal of Educational Psychology*, 101, 3, 671—688. Doi 10.1037/a0015083

Walls, T.A., Little, T.D. (2005) Relations among personal agency, motivation, and school adjustment in early adolescence. *Journal of Educational Psychology*, 97, 1, 23—31. Doi 10.1037/0022-0663.97.1.23

Wang, C.K.J., Biddle, S.J.H. (2001) Young people's motivational profiles in physical activity: A cluster analysis. *Journal of Sport and Exercise Psychology*, 23, 1, 1—22. Doi 10.1123/jsep.23.1.1

Wang, C.K.J., Chatzisarantis, N.L.D., Spray, C.M., Biddle, S.J.H. (2002) Achievement goal profiles in school physical education: Differences in self-determination, sport ability beliefs, and physical activity. *British Journal of Educational Psychology*, 72, 3, 433—445. Doi 10.1348/000709902320634401

УДК 159.9.072.432, 159.9.075
doi 10.11621/vsp.2017.01.92

СУБЪЕКТИВНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ

Р. К. Несмеянова

Изучалось наличие влияния переменной «соответствие индивидуальных и организационных ценностей» на взаимосвязь между воспринимаемым типом корпоративной культуры и организационной идентификацией сотрудников, а также роль этой переменной в данной взаимосвязи — в качестве модератора или в качестве медиатора. Респонденты — 92 сотрудника коммерческих предприятий (56 женщин, 36 мужчин; средний возраст 28.6 года). Методики: опросник «Шкалы организационных парадигм» Л. Константина; «Опросник организационной культуры OCS» С. Глейзер и др. в адаптации Е.В. Кузавлёва; опросник «Идентификация с организацией/подразделением» Б. Эшфорта и Ф. Маела в модификации Ю. Липпонена; методика «Соответствие индивидуальных и организационных ценностей» Ч. О'Райли и др. в адаптации Е.В. Кузавлёва. Использовался метод корреляционного анализа. Были рассчитаны частные коэффициенты корреляции. Полученные результаты свидетельствуют о том, что переменная «соответствие индивидуальных и организационных ценностей» выступает в качестве модератора между переменными «открытый воспринимаемый тип корпоративной культуры» и «идентификация с организацией», т.е. является промежуточной переменной, оказывающей влияние на прочность и/или направление их связи. Чем в большей мере, по мнению работника, его ценности совпадают с ценностями организационной культуры открытого типа, тем сильнее он идентифицируется с ней. Выдвинуто предположение, что выявленная взаимосвязь двусторонняя, так как, возможно, переменные «открытый воспринимаемый тип корпоративной культуры» и «идентификация с организацией» детерминируют друг друга.

Несмеянова Роксана Константиновна — аспирант кафедры социальной психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: roxielight@mail.ru

Работа выполнена под руководством кандидата психологических наук, доцента С.А. Липатова.

Ключевые слова: корпоративная культура, организационная идентификация, соответствие индивидуальных и организационных ценностей, медиатор, модератор.

Введение

Многие отечественные и зарубежные исследователи выявляют факторы, воздействующие на деятельность организаций и обеспечивающие их успешное функционирование. Особый интерес в последнее время представляет изучение *организационной (корпоративной) культуры (ОК)*, а также того влияния, которое она оказывает на эффективность работы. Ведущиеся сейчас научные разработки были вызваны и простимулированы проведенными в 1980-х гг. исследованиями, выявившими тот факт, «что процветающие компании отличаются высоким уровнем культуры, которая формируется в результате продуманных усилий, направленных на развитие духа организации» (Липатов, 1997, с. 55). Таким образом, изучение ОК — сравнительно новое, но достаточно перспективное направление развития теоретической базы в области организационной психологии.

Важный компонент и условие успешной адаптации и идентификации человека на месте работы — соответствие его основных жизненных принципов, моральных устоев и ценностей целям и деятельности корпорации в целом. Стоит отметить, что немаловажную роль в формировании идентификации сотрудника с организацией играет ОК. Именно поэтому в последние десятилетия большое внимание уделяется изучению связи между субъективными представлениями сотрудников об ОК и их идентификацией с предприятием, а также выявлению и проверке других переменных, которые гипотетически могут влиять на эту связь (Ловаков, Липатов, 2010; Schrodt, 2002). Поскольку на сегодняшний день еще не существует комплексного представления о специфике взаимосвязи вышеназванных конструктов, а полученные результаты по данной проблеме не всегда однозначны, исследования в указанной области актуальны как с теоретической, так и с практической позиции.

Корпоративная (организационная) культура

Одно из определений ОК в рамках социальной психологии предложил С.А. Липатов, указав, что можно ее понимать как «систему коллективных представлений о нормах, ценностях, способах поведения, принимаемых и разделяемых членами организации» (Липатов, 1999, с. 111). Субъектом ОК является организация, представляющая

собой группы людей, объединенных для достижения определенных целей. По мнению Т.Ю. Базарова и Б.Л. Еремина (Управление..., 2009), ОК раскрывается в управленческих стратегиях, заданных нормами поведения, общепринятых ценностях. К. Камерон и Р. Куинн (2001) пишут, что каждая успешная организация вне зависимости от ее размеров обладает сложившейся, хорошо видимой культурой, четко распознаваемой ее сотрудниками. По их мнению, в некоторых случаях ОК закладывается основателем фирмы, а иногда формируется постепенно, по мере того как организация в процессе своей деятельности преодолевает воздвигающиеся извне препятствия.

В настоящее время существует несколько наиболее признанных типологий ОК. Например, описание исторических типов ОК (Базаров, 1996), типология К. Камерона и Р. Куинна (2001), а также «парадигмальный» подход Ларри Константина (Липатов, 2005), который и использовался в данной работе. По мнению Л. Константина, организационная парадигма представляет собой образ (модель) и в целом определяет характер ОК. В основе организационных типов, предложенных им, лежат различные иерархии ценностей, присущие рассматриваемой ОК, а также способы решения в ее рамках ключевых проблем.

Таким образом, ОК выступает не только как феномен, интегрирующий ресурсы человека и организации, где сотрудники объединяются для решения общих задач и достижения поставленных целей, но также как координатор совместных представлений о внешней среде и деятельности в ней. ОК является одним из способов структуризации и категоризации мнений членов корпорации о внешней и внутренней среде для построения слаженной системы восприятия окружающего мира. Кроме того, одной из основных функций ОК считается идентификация сотрудников с организацией.

Организационная идентификация

С точки зрения Б. Эшфорта и Ф. Маела (2012), *организационная идентификация* (ОИ) представляет собой специфическую форму социальной идентификации. Данный феномен рассматривается ими в контексте принадлежности к организации, которая отражается в Я-концепции как членство в конкретной социальной группе. Самоопределение себя в терминах организации дает частичный ответ на вопрос «Кто Я?» и оказывает существенное влияние на поведение. По мнению финского исследователя Юкки Липпонена (Lipponen, 2001), ОИ — это восприятие чувства единства и принадлежности к корпорации, членом которой человек является. В целом выделены три основные характеристики ОИ (Johnson et al., 1999): 1) она имеет

непосредственное отношение ко всем социально-психологическим процессам в организациях; 2) влияет на принятие различных организационных решений; 3) поддерживается коммуникациями и зависит от сложившейся структуры организации. Использование понятия ОИ позволяет более полно учитывать социальный контекст внутри корпорации и вне ее, а не только рассматривать психологическую связь организации и человека.

Как утверждают Т.Ю. Базаров и М.Ю. Кузьмина (2005), ОИ определяется такими характеристиками ОК, как ценности, имидж, миссия и цель. Это значит, что сила ОИ зависит от степени принятия ОК и ее соответствия индивидуальным особенностям работника. Однако следует отметить, что возможны случаи, когда ОК не становится единым общим образованием для всей организации. В ее структуре появляются отдельные субкультуры на уровне подразделений. Как показывают некоторые эмпирические исследования, уровень идентификации работников с подразделением зачастую выше, чем с организацией (Knippenberg, Schie, 2000; Riketta, van Dick, 2005). Однако также есть данные (Vora, Kostova, 2007; Williams, Connaughton, 2012), что в отдельных случаях сотрудники, по тем или иным причинам недовольные своим подразделением, в целом одобряют общую деятельность предприятия и вследствие этого идентифицируют себя лишь с корпорацией в целом.

Опираясь на вышеизложенное, можно заключить, что ОИ представляет собой ключевой конструкт, связывающий человека как индивида и организацию как социальную группу.

Взаимосвязь корпоративной культуры и организационной идентификации

Конечная цель процесса ОИ — благоприятная адаптация, полноценное вхождение сотрудника в иерархическую структуру корпорации, в существующие в ней социальные группы, а также налаживание необходимых коммуникаций. ОИ способствует соблюдению устава корпорации и поддержанию принятых в ней норм, законов и правил, а также положительного эмоционального настроения, влияющего на общую эффективность труда.

Результаты ряда исследований (Dutton et al., 1994; Finegan, 2000; Lahiry, 1994; Lang, 1992; McKinnon et al., 2003; O'Reilly et al., 1991; Липатов, Жилкина, 2005; Ловаков, Липатов, 2010) показывают, что связи между ОК и ОИ достаточно сложны, порой неоднозначны и различаются по своей силе и направлению. Взаимосвязь между данными конструктами, как правило, подвержена влиянию различных дополнительных переменных.

В основе многих процессов, протекающих в организации, лежат ценности. Так, например, некоторые ученые (Chatman, 1989; Katz, Kahn, 1978) под фундаментальными аспектами организации подразумевают корпоративные цели, ценности и представления сотрудников.

Безусловно, совпадение индивидуальных и организационных ценностей — один из ключевых ориентиров в выборе места работы. Так, Б. Шнайдер (Schneider, 1987) высказал мнение, что люди с большей вероятностью будут стремиться в те организации, ценности которых воспринимаются ими как сходные с их личными. Следует учитывать, что степень соответствия целей и ценностей человека и организации влияет и на формирование ОИ. Ученые утверждают (Занковский, 2009; Эшфорт, Маел, 2012), что интериоризация основных ценностей, составляющих основу той или иной ОК, непосредственно затрагивает психологические процессы, которые связаны с ОИ работника.

Таким образом, об успешности процесса ОИ можно судить по степени принятия или непринятия сотрудником корпоративных ценностей.

Эмпирическое исследование взаимосвязи корпоративной культуры и организационной идентификации

Цель данной работы состояла в выявлении особенностей взаимосвязи между субъективно воспринимаемой ОК и ОИ сотрудников.

Для этого были поставлены следующие задачи исследования:

1) Провести корреляционный анализ для выявления взаимосвязей между переменными «соответствие индивидуальных и организационных ценностей», «воспринимаемый тип ОК», отдельными компонентами ОК («работа в коллективе», «атмосфера в организации», «обмен информацией», «вовлеченность в принятие решений», «начальство», «собрания») и «ОИ»;

2) установить, в каких случаях промежуточная переменная «соответствие индивидуальных и организационных ценностей» является модератором, а в каких — медиатором.

Гипотеза 1: взаимосвязь между ОИ и воспринимаемым типом ОК опосредуется сходством индивидуальных и организационных ценностей. *Гипотеза 2:* взаимосвязь между ОИ и отдельными компонентами ОК опосредуется сходством индивидуальных и организационных ценностей. *Гипотеза-следствие:* ОИ сотрудника положительно связана с соответствием друг другу его индивидуальных и организационных ценностей.

Выборка. Всего в исследовании приняли участие 92 сотрудника коммерческих предприятий (36 мужчин и 56 женщин) с образованием не ниже среднего специального. Средний возраст — 28.6 года (SD=11.3). Средний стаж — 4.5 года (SD=7.2).

Методики

В исследовании использовались 4 опросника.

1. Опросник «Шкалы организационных парадигм» Л. Константина (Липатов, 2005) — для определения представлений сотрудников о наличествующем в их организации типе ОК. В данной методике применяется принцип вынужденного выбора. Опросник включает в себя 25 пунктов. В каждом из них содержится утверждение, которое необходимо продолжить одним из четырех предлагаемых вариантов, соответствующих разным базовым типам культуры (закрытая, случайная, открытая и синхронная). Например: «1. **Наша организация направляется...** А — сильным руководством; В — свободной инициативой; С — всесторонними обсуждениями; D — согласием с общей идеей». Операционализацию переменных см. в табл. 1.

Таблица 1

Операционализация переменных в методике «Шкалы организационных парадигм» Л. Константина

Воспринимаемый тип ОК	Характеристики ОК
Закрытый	Стабильная иерархически выстроенная власть со строгим распределением ролей и выполняемых функций. Соблюдение регламента, конформность работников. Обратная связь чаще носит негативный характер
Случайный	Не предполагает четкого распределения ролей и стабильности правил, норм и традиций. Ориентирована на нововведения и нестандартный подход. Индивидуальные интересы ценятся выше групповых
Открытый	Адаптивна, строится на принципах договоренности и сотрудничества. Распределение ролей базируется на взаимном согласии. Взаимозависимость и взаимозаменяемость сотрудников
Синхронный	Основана на единстве целей и ценностей. Гармония и имплицитная договоренность как основа для согласованной деятельности

2. «Опросник организационной культуры OCS» С. Глейзер, С. Заману и К. Хакер (Glaser et al., 1987) в адаптации Е.В. Кузавлёва (2008) — для оценки ОК с точки зрения ее эффективности. Опросник состоит из 36 пунктов, в основе которых лежат 6 шкал, позволяющих оценить такие компоненты ОК, как «работа в коллективе», «атмосфера в организации», «обмен информацией», «вовлеченность в принятие решений», «начальство», «собрания». Каждый пункт методики оценивается по 5-балльной шкале. Примеры вопросов: 1) «Люди, с которыми я работаю, прямы и честны в отношениях между собой»; 2) «Я получаю всю информацию, необходимую для качественного выполнения моей работы» (операционализацию переменных см. в табл. 2).

Таблица 2

Операционализация переменных в «Опроснике организационной культуры OCS» С. Глейзер, С. Заману и К. Хакер

Шкалы (компоненты) ОК	Характеристика шкалы
Работа в коллективе	Мера конструктивности взаимоотношений внутри организации, степень межличностного доверия и открытости в обсуждении проблем
Атмосфера в организации	Эмоциональное восприятие условий работы, мотивация сотрудников и сложившаяся рабочая атмосфера
Обмен информацией	Степень свободы коммуникаций и ощущение контакта с другими работниками
Вовлеченность в принятие решений	Ощущение сотрудником степени как своего участия в принятии организационных решений, так и учета его мнений
Начальство	Восприятие работниками руководителей, контакты с ними, наличие пояснений требований к работе и обратной связи
Собрания	Качество проводимых собраний, а также степень их продуктивности

3. Опросник «Идентификация с организацией/подразделением» Б. Эшфорта и Ф. Маела в модификации Ю. Липпонена (Lipponen, 2001) — для оценки выраженности идентификации сотрудника с подразделением и с организацией в целом. Опросник состоит из двух блоков (отношение к подразделению и отношение к организации), содержащих по 5 аналогичных высказываний в каждом. Пункты оцениваются по 5-балльной шкале. Анализируются два кумулятивных показателя для определения соотношения уровней (выше/ниже в числовом выражении) идентификации с подраз-

делением и с организацией в целом. Примеры вопросов: 1) «Когда кто-либо хвалит отдел, в котором я работаю, я воспринимаю это как личный комплимент»; 2) «Мне очень интересно, что думают другие о моей организации».

4. Методика «Соответствие индивидуальных и организационных ценностей» Ч. О'Райли и соавт. (O'Reilly et al., 1991) в адаптации Е.В. Кузавлёва (2008) — для определения Опросник состоит из 26 пунктов (ценностных характеристик), которые оцениваются по 5-балльной шкале с двух фокусов — их важность для сотрудника лично и для его организации в целом. Рассчитываются два кумулятивных показателя, затем по формуле вычисляется итоговый показатель соответствия индивидуальных и организационных ценностей. Примеры вопросов: 1) «Сотрудничество с коллегами по работе»; 2) «Тщательность и точность».

Обработка. Математическая обработка полученных данных проводилась с применением статистического пакета SPSS PASW Statistics 18 и осуществлялась в два этапа: 1) анализ парных корреляций (коэффициент корреляции Пирсона); 2) расчет частных коэффициентов корреляции.

Результаты

Для предварительного анализа использовался критерий Колмогорова—Смирнова, с помощью которого было установлено, что все исследуемые переменные подчиняются нормальному распределению ($p > 0.05$) и можно использовать коэффициент корреляции Пирсона.

1. Анализ взаимосвязей исследуемых переменных

Анализ парных корреляций показал следующее.

1.1. Переменная «открытый» воспринимаемый тип ОК» в опроснике «Шкалы организационных парадигм» Л. Константина значимо коррелирует:

— со всеми компонентами ОК в «Опроснике организационной культуры OCS» С. Глейзер и др.: с «работой в коллективе» ($r=0.594$; $p=0.000$), с «атмосферой в организации» ($r=0.531$; $p=0.000$), с «обменом информацией» ($r=0.361$, $p=0.014$), с «вовлеченностью в принятие решений» ($r=0.448$; $p=0.002$), с «начальством» ($r=0.357$, $p=0.015$), с «собранием» ($r=0.363$, $p=0.013$). Другими словами, если служащий воспринимает культуру своей организации как основанную на принципах сотрудничества, согласия, взаимозависимости и

взаимозаменяемости, предполагающих договорное распределение ролей и ротацию персонала, то он, скорее всего, считает взаимоотношения внутри корпорации конструктивными, а условия труда — комфортными. Работник также полагает, что в организации налажены свободные коммуникации, коллектив прислушивается к его мнению, начальство контактное и дает обратную связь, а проводимые собрания продуктивны;

— с переменными «идентификация с организацией» ($r=0.421$, $p=0.004$) в опроснике «Идентификация с организацией/подразделением» Б. Эшфорта и Ф. Маела и «соответствие индивидуальных и организационных ценностей» ($r=0.398$, $p=0.006$) в опроснике «Соответствие индивидуальных и организационных ценностей» Ч. О'Райли и др. Можно сказать, что совпадение личных ценностей с организационными чаще фиксируется при восприятии культуры своей корпорации как адаптивной системы с развитой коммуникацией, где работа основана на договоренности и доверии. Все это, вероятно, больше располагает сотрудника к отождествлению себя со своей корпорацией.

1.2. Переменная «идентификация с организацией» по опроснику Б. Эшфорта и Ф. Маела значимо коррелирует:

— с переменной «случайный воспринимаемый тип ОК» ($r=0.438$, $p=0.002$) в опроснике «Шкалы организационных парадигм» Л. Константина. Если сотрудник воспринимает ОК как практикующую нестандартный подход, прогрессивные изменения, индивидуальное творчество работников, без стабильных традиций и правил, то это связано с его положительной ОИ;

— со всеми компонентами ОК в «Опроснике организационной культуры OCS» С. Глейзер и др.: с «работой в коллективе» ($r=0.490$; $p=0.001$), с «атмосферой в организации» ($r=0.520$; $p=0.000$), с «обменом информацией» ($r=0.425$, $p=0.003$), с «вовлеченностью в принятие решений» ($r=0.741$; $p=0.000$), с «начальством» ($r=0.407$, $p=0.005$), с «собранием» ($r=0.444$, $p=0.002$). Это означает, что сотрудник со сформированной положительной ОИ, скорее всего, считает, что для его корпорации характерна высокая степень межличностного доверия, атмосфера в ней способствует повышению мотивации деятельности, существует развитая система коммуникаций, способствующая свободному обмену информацией. Он также полагает, что его мнение считается значимым, есть возможность свободного общения с руководством, а проводимые собрания плодотворны;

— с переменной «идентификация с подразделением» ($r=0.565$; $p=0.000$). Это говорит о наличии связи между процессами идентификации как с непосредственным коллективом, так и с корпорацией в целом.

1.3. Переменная «соответствие индивидуальных и организационных ценностей» в опроснике Ч. О'Райли и соавт. значимо коррелирует:

— со всеми компонентами ОК в «Опроснике организационной культуры OCS» С. Глейзер и др.: «работой в коллективе» ($r=0.320$; $p=0.030$), с «атмосферой в организации» ($r=0.389$; $p=0.008$), с «обменом информацией» ($r=0.567$, $p=0.000$), с «вовлеченностью в принятие решений» ($r=0.293$; $p=0.048$), с «начальством» ($r=0.367$, $p=0.012$), с «собранием» ($r=0.445$, $p=0.002$). Из этого можно заключить: если ОК устраивает сотрудника по всем ее 6 компонентам, то, вероятно, существует схожесть его личных ценностей с ценностями организации;

— с «идентификацией с подразделением» ($r=0.325$; $p=0.028$) и с «идентификацией с организацией» ($r=0.455$; $p=0.001$) по опроснику Б. Эшфорта и Ф. Маела. Другими словами, если ценности корпорации, в которой работает человек, совпадают с его личными ценностями, то он, вероятно, будет себя идентифицировать как с локальным подразделением, так и со всей организацией в целом.

1.4. Переменная «случайный воспринимаемый тип ОК» в опроснике «Шкалы организационных парадигм» Л. Константина значимо коррелирует с переменной «вовлеченность в принятие решений» ($r=0.401$, $p=0.006$) в «Опроснике организационной культуры OCS» С. Глейзер и др. Так, если сотрудник считает свою организацию ориентированной на творческий подход и стремление к нововведениям, то он, скорее всего, чувствует себя причастным к деятельности организации и считает, что его мнение учитывается в процессе работы.

1.5. Переменная «идентификация с подразделением» значимо коррелирует с переменными «вовлеченность в принятие решений» ($r=0.355$; $p=0.015$) и «собрания» ($r=0.395$; $p=0.007$). Выявленная связь говорит о том, что если в организации проводятся собрания, способствующие общей деятельности организации, и сотрудник чувствует, что его мнение учитывается коллективом при принятии решений, то у него формируется идентификация с подразделением, в котором он работает.

2. Определение роли переменной «соответствие индивидуальных и организационных ценностей» во взаимосвязи ОИ и воспринимаемого типа ОК

Установлено, что взаимосвязь между воспринимаемой ОК и ОИ может опосредоваться различными промежуточными переменными. Однако важно учитывать, что эти переменные могут быть либо *медиаторами* — посредниками, без которых данная взаимосвязь исчезает, либо *модераторами* — посредниками, влияющими на прочность и/или направление связи между независимыми и зависимыми переменными (Baron, Kenny, 1986).

Для установления роли переменной «соответствие индивидуальных и организационных ценностей» в исследуемой взаимосвязи были рассчитаны частные коэффициенты корреляции. Их анализ позволяет определить степень взаимосвязи двух компонентов без учета влияния промежуточной переменной.

Таблица 3

Частные коэффициенты корреляции (промежуточная переменная «соответствие индивидуальных и организационных ценностей»)

Исследуемые взаимосвязи	Коэффициент корреляции и уровень значимости
«Идентификация с организацией» (ОИ) и «открытый воспринимаемый тип ОК»	0.303* (p=0.043)
«ОИ» и «работа в коллективе»	0.371* (p=0.012)
«ОИ» и «атмосфера в организации»	0.405** (p=0.006)
«ОИ» и «обмен информацией»	0.171 (p=0.261)
«ОИ» и «вовлеченность в принятие решений»	0.753** (p=0.000)
«ОИ» и «начальство»	0.354* (p=0.017)
«ОИ» и «собрания»	0.379** (p=0.010)

Примечание. * — коэффициент корреляции значим на уровне 0.05 (2-сторонняя); ** — коэффициент корреляции значим на уровне 0.01 (2-сторонняя).

Как видно из табл. 3, только связь между ОИ и таким компонентом ОК, как «обмен информацией», оказалась незначимой. Это

говорит о том, что переменная «соответствие индивидуальных и организационных ценностей» является *медиатором* в данной взаимосвязи. Остальные связи, установленные при анализе парных корреляций, сохранились с небольшими изменениями значений коэффициентов. Из этого следует, что во всех рассмотренных выше случаях кроме варианта, в котором участвовал компонент ОК «обмен информацией», промежуточная переменная выступила в качестве модератора.

Несмотря на то что при исключении переменной «соответствие индивидуальных и организационных ценностей» установленная взаимосвязь между «открытым воспринимаемым типом ОК» и «ОИ» сохранилась ($r=0.303$; $p=0.043$), данная промежуточная переменная повлияла на эту взаимосвязь в качестве модератора. Таким образом, взаимосвязь между ОИ и воспринимаемым типом ОК опосредуется сходством индивидуальных и организационных ценностей в случае открытого типа ОК, что частично подтверждает выдвинутую гипотезу 1. Это означает, что чем в большей степени сотрудник осознает, что его личные ценности совпадают с корпоративными, свойственными ОК открытого типа, тем в большей степени он идентифицирует себя с ней. Можно высказать предположение, что выявленная взаимосвязь — двусторонняя, т.е. осознание сотрудником наличия схожести его ценностей с организационными способствует процессу ОИ. И наоборот, процессы ОИ позволяют работнику осознать соответствие корпоративных и индивидуальных ценностей. Возможно, эти две переменные детерминируют друг друга, что требует дальнейших исследований.

Взаимосвязь между компонентами ОК и ОИ опосредуется переменной «уровень соответствия индивидуальных и организационных ценностей», что было установлено при проведении корреляционного анализа и проверке на наличие частных корреляций. Таким образом, выдвинутая гипотеза 2 нашла свое подтверждение.

Полученные результаты позволяют сделать следующий **вывод**: несмотря на то что существует связь между тем, как сотрудник идентифицирует себя с организацией, и тем, как он воспринимает ее культуру, степень сходства его личных ценностей с организационными может повлиять на характер этой связи — усилить или ослабить ее.

В ходе исследования также выяснилось, что идентификация сотрудника с корпорацией положительно связана с соответствием индивидуальных и организационных ценностей, что является подтверждением гипотезы-следствия.

* * *

Для того чтобы каждый из работающих чувствовал причастность к общему корпоративному духу, культуре организации, а также ощущал психологический комфорт, осуществляя свою трудовую деятельность, он должен осознавать себя необходимым звеном в общей структуре единого механизма организации и идентифицировать себя с коллективом, членом которого он является. Чем лучше человек вливается в коллектив, чем полнее он ощущает свою причастность к нему и к общей деятельности, тем более осмысленно и успешно проходят для него процессы вхождения в окружающую социальную среду.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Базаров Т.Ю. Управление персоналом развивающейся организации: Учеб. пособие. М.: ИПК госслужбы, 1996.
- Базаров Т.Ю., Кузьмина М.Ю. Процессы социальной идентичности в организациях // Российский психологический журнал. 2005. Т. 3. № 1. С. 30—44.
- Занковский А.Н. Организационная психология: Учеб. пособие для вузов. М.: Форум, 2009.
- Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры / Пер. с англ. под ред. И. В. Андреевой. СПб: Питер, 2001.
- Кузавлёв Е.В. Организационная культура как фактор приверженности персонала: магистерская диссертация. М.: факультет психологии ГУ-ВШЭ, 2008.
- Липатов С.А. Организационная культура: концептуальные модели и методы диагностики // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1997. № 4. С. 55—65.
- Липатов С.А. Организационная культура: социальное познание в организационном контексте // Мир психологии. 1999. № 3. С. 106—112.
- Липатов С.А. Опросник «Шкалы организационных парадигм» Л.Л. Константина // Журнал практического психолога. 2005. № 2. С. 186—198.
- Липатов С.А., Жилкина О.В. Процессы социальной идентификации в организациях // Журнал практического психолога. 2005. № 2. С. 25—40.
- Ловаков А.В., Липатов С.А. Организационная идентификация и представления работников об организационной культуре // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2010. № 23. С. 50—54.
- Управление персоналом: Учебник для вузов / Под ред. Т.Ю. Базарова, Б.Л. Еремина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити-Дана, 2009.
- Эшфорт Б. Маел Ф. Теория социальной идентичности в контексте организации / Пер. А.А. Дятловой, науч. ред. А.В. Ловаков // Организационная психология. 2012. Т. 2. № 1. С. 4—27.

- Baron R.M., Kenny D.A. The moderator-mediator variable distinction in social psychological research: conceptual, strategic, and statistical considerations // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. Vol. 51. N 6. P. 1173—1182. Doi 10.1037/0022-3514.51.6.1173
- Chatman J.A. Improving interactional organizational research: A model of person-organizational fit // The Academy of Management Review. 1989. Vol. 14. N 3. P. 333—349.
- Dutton J.E., Dukerich J.M., Harquail C.V. Organizational images and member identification // Administrative Science Quarterly. 1994. Vol. 39. N 2. P. 239—263. Doi 10.2307/2393235
- Finegan J.E. The impact of person and organizational values on organizational commitment // Journal of Occupational and Organizational Psychology. 2000. Vol. 73. N 2. P. 149—169. Doi 10.1348/096317900166958
- Glaser S., Zamanou S., Hacker K. Measuring and interpreting organizational culture // Management Communication Quarterly. 1987. Vol. 1. N 2. P. 173—198. Doi 10.1177/0893318987001002003
- Johnson W., Johnson A., Heimerl F.A. Primary- and second-order component analysis of the organizational identification questionnaire // Educational and Psychological Measurement. 1999. Vol. 59. N 1. P. 159—170. Doi 10.1177/0013164499591011
- Katz D., Kahn R. The social psychology of organizations. N. Y.: Wiley, 1978.
- Knippenberg van D., Schie van E.C.M. Foci and correlates of organizational identification // Journal of Occupational and Organizational Psychology. 2000. Vol. 73. N 2. P. 137—147. Doi 10.1348/096317900166949
- Lahiry S. Building commitment through organizational culture // Training and Development. 1994 (Apr.). P. 50—52.
- Lang D.L. Organizational culture and commitment // Human Resource Development Quarterly. 1992. Vol. 3. N 2. P. 191—196. Doi 10.1002/hrdq.3920030211
- Lipponen J. Organizational identifications: Antecedents and consequences of identifications in a shipyard context. Helsinki: Department of Social Psychology, University of Helsinki, 2001.
- McKinnon J.L., Harrison G.L., Chow C.W., Wu A. Organizational culture: association with commitment, job satisfaction, propensity to remain, and information sharing in Taiwan // International Journal of Business Studies. 2003. Vol. 11. N 1. P. 25—44.
- O'Reilly C.A., Chatman J., Caldwell D.F. People and organizational culture: A profile comparison approach to assessing person-organization fit // The Academy of Management Journal. 1991. Vol. 34. N 3. P. 487—516. Doi 10.2307/256404
- Riketta M., Dick van R. Foci of attachment in organizations: A metaanalytic comparison of the strength and correlates of workgroup versus organizational identification and commitment // Journal of Vocational Behavior. 2005. Vol. 67. N 3. P. 490—510. Doi 10.1016/j.jvb.2004.06.001
- Schneider B. The people make the place // Personnel Psychology. 1987. Vol. 40. N 3. P. 437—453. Doi 10.1111/j.1744-6570.1987.tb00609.x
- Schrodt P. The relationship between organizational identification and organizational culture: Employee perceptions of culture and identification in a retail

sales organization // *Communication Studies*. 2002. Vol. 53. N 2. P. 189—202. Doi 10.1080/10510970209388584

Vora D., Kostova T. A model of dual organizational identification in the context of the multinational enterprise // *Journal of Organizational Behavior*. 2007. Vol. 28. Is. 3. P. 327—350. Doi 10.1002/job.422

Williams E.A., Connaughton S.L. Expressions of identifications: The nature of talk and identity tensions among organizational members in a struggling organization // *Communication Studies*. 2012. Vol. 63. N. 4. P. 457—481. Doi 10.1080/10510974.2011.630439

Поступила в редакцию 12.03.17
Принята к публикации 03.04.17

PERCEIVED CORPORATE CULTURE AND ORGANIZATIONAL IDENTIFICATION: THE FEATURES OF INTERRELATION

Roksana K. Nesmeianova

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Psychology, Moscow, Russia

Abstract: This article reports the results of empirical research, dedicated to the features of the relationship between perceived corporate culture and employee's organizational identification. The influence and the nature (a moderator or a mediator) of the variable "person-organization fit" were studied. Participants were 92 employees of for-profit companies. The data was mathematically processed using a correlation analysis and a partial correlation analysis. The data indicate that the person-organization fit (as a moderator) influenced the relationship between perceived corporate culture of open paradigm and organizational identification. Thus, the person-organization fit is an intermediate variable that affects the direction and/or strength of the relation. This suggests that the more employees believe that his values fit the organizational ones, which characterize the open paradigm, the more he will identify with it. It may be assumed that the revealed relationship is bilateral, because, probably, these two variables determine each other. A further perspective of this research area is to clarify the obtained findings and to check other variables, which can influence given interrelation.

Key words: corporate culture, organizational identification, person-organization fit, mediator, moderator.

References:

Baron, R.M., Kenny, D.A. (1986) The moderator-mediator variable distinction in social psychological research: conceptual, strategic, and statistical considerations.

Journal of Personality and Social Psychology, 51, 6, 1173—1182. Doi 10.1037/0022-3514.51.6.1173

Bazarov, T.Yu. (1996) *Upravlenie personalom razvivayushcheysya organizatsii: Ucheb. posobie* [Personnel management in a developing organization: Textbook]. Moscow: IPK gossluzhby.

Bazarov, T.Yu., Eremina, B.L. (2009, eds.) *Upravlenie personalom: Uchebnik dlya vuzov* [Personnel management: Textbook for universities]. 2-e izd. Moscow: Yuniti-Dana.

Bazarov, T.Yu., Kuz'mina, M.Yu. (2005) Protsessy sotsial'noy identichnosti v organizatsiyakh. *Rossiyskiy psikhologicheskii zhurnal* [Russian Psychological Journal], 3, 1, 30—44.

Chatman, J.A. (1989) Improving interactional organizational research: A model of person-organizational fit. *The Academy of Management Review*, 14, 3, 333—349.

Dutton, J.E., Dukerich, J.M., Harquail, C.V. (1994) Organizational images and member identification. *Administrative Science Quarterly*, 39, 2, 239—263. Doi 10.2307/2393235

Eshfort, B. Mael, F. (2012) Teoriya sotsial'noy identichnosti v kontekste organizatsii. *Organizatsionnaya psikhologiya* [Organizational Psychology], 2, 1, 4—27.

Finegan, J.E. (2000) The impact of person and organizational values on organizational commitment. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 73, 2, 149—169. Doi 10.1348/096317900166958

Glaser, S., Zamanou, S., Hacker, K. (1987) Measuring and interpreting organizational culture. *Management Communication Quarterly*, 1, 2, 173—198. Doi 10.1177/0893318987001002003

Johnson, W., Johnson, A., Heimerl, F.A. (1999) Primary- and second-order component analysis of the organizational identification questionnaire. *Educational and Psychological Measurement*, 59, 1, 159—170. Doi 10.1177/0013164499591011

Kameron, K., Kuinn, R. (2001) *Diagnostika i izmenenie organizatsionnoy kul'tury* [Diagnosis and change in organizational culture]. St. Petersburg: Piter.

Katz, D., Kahn, R. (1978) *The social psychology of organizations*. New York: Wiley.

Knippenberg van, D., Schie van, E.C.M. (2000) Foci and correlates of organizational identification. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 73, 2, 137—147. Doi 10.1348/096317900166949

Kuzavlyov, E.V. (2008) *Organizatsionnaya kul'tura kak faktor priverzhennosti personala: masterskaya dissertatsiya* [Organizational culture as a factor of staff adherence: Master's thesis]. Moscow: fakul'tet psikhologii GU-VShE.

Lahiry, S. (1994) Building commitment through organizational culture. *Training and Development*, Apr., 50—52.

Lang, D.L. (1992) Organizational culture and commitment. *Human Resource Development Quarterly*, 3, 2, 191—196. Doi 10.1002/hrdq.3920030211

Lipatov, S.A. (1997) Organizatsionnaya kul'tura: kontseptual'nye modeli i metody diagnostiki. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 4, 55—65.

Lipatov, S.A. (1999) Organizatsionnaya kul'tura: sotsial'noe poznanie v organizatsionnom kontekste. *Mir psikhologii* [The World of Psychology], 3, 106—112.

Lipatov, S.A. (2005) Oprosnik «Shkaly organizatsionnykh paradig» L.L. Konstantina. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa* [Journal of Practical Psychologist], 2, 186—198.

Lipatov, S.A., Zhilkina, O.V. (2005) Protsessy sotsial'noy identifikatsii v organizatsiyakh. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa* [Journal of Practical Psychologist], 2, 25—40.

Lipponen, J. (2001) *Organizational identifications: Antecedents and consequences of identifications in a shipyard context*. Helsinki: Department of Social Psychology, University of Helsinki.

Lovakov, A.V., Lipatov, S.A. (2010) Organizatsionnaya identifikatsiya i predstavleniya rabotnikov ob organizatsionnoy kul'ture. *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyy universitet upravleniya)* [University Bulletin (State University of Management)], 23, 50—54.

McKinnon, J.L., Harrison, G.L., Chow, C.W., Wu, A. (2003) Organizational culture: association with commitment, job satisfaction, propensity to remain, and information sharing in Taiwan. *International Journal of Business Studies*, 11, 1, 25—44.

O'Reilly, C.A., Chatman, J., Caldwell, D.F. (1991) People and organizational culture: A profile comparison approach to assessing person-organization fit. *The Academy of Management Journal*, 34, 3, 487—516. Doi 10.2307/256404

Rickett, M., Dick van, R. (2005) Foci of attachment in organizations: A metaanalytic comparison of the strength and correlates of workgroup versus organizational identification and commitment. *Journal of Vocational Behavior*, 67, 3, 490—510. Doi 10.1016/j.jvb.2004.06.001

Schneider, B. (1987) The people make the place. *Personnel Psychology*, 40, 3, 437—453. Doi 10.1111/j.1744-6570.1987.tb00609.x

Schrodt, P. (2002) The relationship between organizational identification and organizational culture: Employee perceptions of culture and identification in a retail sales organization. *Communication Studies*, 53, 2, 189—202. Doi 10.1080/10510970209388584

Vora, D., Kostova, T. (2007) A model of dual organizational identification in the context of the multinational enterprise. *Journal of Organizational Behavior*, 28, 3, 327—350. Doi 10.1002/job.422

Williams, E.A., Connaughton, S.L. (2012) Expressions of identifications: The nature of talk and identity tensions among organizational members in a struggling organization. *Communication Studies*, 63, 4, 457—481. Doi 10.1080/10510974.2011.630439

Zankovskiy, A.N. (2009) *Organizatsionnaya psikhologiya: Ucheb. posobie dlya vuzov* [Organizational psychology: Textbook for high schools]. Moscow: Forum.

Original manuscript received March, 12, 2017
Revised manuscript accepted April, 03, 2017

ПСИХОЛОГИЯ — ПРАКТИКЕ

УДК 159.923.2

doi 10.11621/vsp.2017.01.110

СИСТЕМНАЯ РЕФЛЕКСИЯ И ЕЕ ПСИХОТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ

Т. М. Бужас, В. А. Михеев

Статья посвящена исследованию роли системной рефлексии в организации, инициировании и направлении процесса профессионального становления. Рефлексия рассматривается как важнейшая регулятивная составляющая личности, которая открывает человеку возможность для саморегуляции и самоуправления, что позволяет ему быть активным субъектом профессионального становления. Выделено три вида рефлексивных процессов, поддерживающих субъектную направленность процесса профессионализации и позволяющих специалисту «проблематизировать себя». «Проблематизация себя» на основании личных предпочтений и смыслов, извлеченных из непосредственно пережитого опыта предвещающей психотехнической работы, ориентирует будущего специалиста в отношении шагов профессионализации. Обсуждается психотехнический инструментарий, который открывает возможность рефлексии для отработки значимых аспектов профессионализма. Приводятся самоотчеты студентов, анализировавших свое профессиональное мастерство с помощью предложенных психотехнических средств.

Ключевые слова: профессиональное становление, субъектная направленность, системная рефлексия, помогающие психотехники.

Бужас Татьяна Марковна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Психология профессий и конфликта» ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова». *E-mail:* delone2012@yandex.ru

Михеев Вячеслав Александрович — научный сотрудник лаборатории «Психология профессий и конфликта» ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова». *E-mail:* vam49@yandex.ru

ISSN 0137–0936 (Print) / ISSN 2309–9852 (Online)

<http://msupsy.ru/>

© 2017 ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Субъектная направленность процесса профессионализации

Проблема профессионального становления, как в плане ее теоретического осмысления, так и в качестве актуального запроса практики, занимает одно из ключевых мест в комплексе наук о деятельности на характере человеческого бытия — в психологии труда, организационной психологии, психологии управления и принятия управленческих решений и пр. Уровень профессионального мастерства является решающим фактором для эффективности деятельности, личностного становления, здоровья сотрудников и атмосферы в организации в целом (Климов, 2004; Маркова, 1996; Трудности..., 2012; Чиксентмихайи, 2014). Однако несмотря на продолжительную историю обсуждения проблемы профессионального становления, затрагивающей целый спектр теоретических подходов и богатый методический инструментарий, сам вопрос: «Как стать профессионалом?» остается актуальным.

Московская школа управления «СКОЛКОВО» и Агентство стратегических инициатив провели масштабное исследование «Форсайт Компетенции 2030», направленное на выявление востребованных профессий в 19 отраслях экономики. Результаты исследования собраны в «Атласе новых профессий» (2014) — альманахе перспективных отраслей и профессий на ближайшие 15—20 лет по прогнозам более 2500 российских и международных экспертов. Из него видно, какие стремительные и кардинальные преобразования в сфере труда и трудовых отношений ожидаются в самое ближайшее время, как уже сейчас увеличивается скорость изменений и как будет возрастать сложность профессиональных задач, встающих перед специалистами в самых различных областях трудовой деятельности. Если раньше профессии долгое время сохраняли свой традиционный облик и содержательное наполнение, то сейчас наступило время стремительных перемен.

В многоаспектном мире разнотипных профессий профессионалом может (и должен!) считаться человек, быстро адаптирующийся к постоянно изменяющимся условиям в области трудовых отношений и способный своевременно подключать свой личностный потенциал к оперативному и креативному решению трудовых задач. Уровень личностного развития профессионала определяет возможность принятия оптимальных решений и детерминирует развитие профессионального сознания, являющегося важнейшим регулятором осуществляемой трудовой деятельности и дальнейшего карьерного роста (построения профессиональной перспективы).

В связи с этим актуальными вопросами профессионального образования становятся следующие: какими же знаниями, умениями и навыками нужно обладать, чтобы быть востребованным специалистом в новом мире? Можно ли заранее спроектировать и построить образовательный процесс так, чтобы «на выходе» получались требуемые специалисты и чтобы заложенных в учебном процессе знаний и навыков хватило на долгие годы вперед? Существующая в нашей стране система профессионального образования проблематизирует первый вопрос, но на второй ответить утвердительно не может.

Современное образование строится по большей части на модели линейной трансляции знаний, отводящей обучаемому пассивную роль «приемника нужных и правильных знаний», определяемых вышестоящими госструктурами. Но, как считают, например, авторы системно-синергетического подхода, действительное «обучение — это не передача знаний... но создание условий, при которых становятся возможными процессы порождения знаний самим обучающимся, его активное и продуктивное сотворчество» (Князева, 2014, с. 17—18). Соответственно процесс образования должен строиться так, чтобы вовлечь учащегося в личностное отношение к тому, что он изучает; иначе говоря, сделать его автором-соучастником своего общего и профессионального образования. Тогда вместо того чтобы отдавать себя в полное распоряжение другому (учителю, наставнику), он будет ставить в качестве ведущих целей своей жизни *самосовершенствование, самостроительство, самостоятельное ценностно-смысловое самоопределение*.

Личностное отношение к образовательному процессу требует определенных преобразований этого процесса — трансформации человека из потребителя психологических, педагогических и прочих услуг, находящегося в позиции объекта обучающего воздействия, в активного субъекта профессионального становления и в конечном итоге в самостоятельного субъекта собственной жизни. В модели такого образования должен быть сделан акцент на приоритет ответственного, субъектного отношения самого обучающегося к содержанию своего образования, а также созданы условия для этого (Буякас, Михеев, 2016).

Сегодня субъектное отношение к процессу профессионального становления уже начинает «прорастать» в среде начинающих профессионалов. На эту тенденцию обращено внимание в проекте образования для «нового, сетевого, постинформационного общества», который разработан инициативной командой Сколковского института науки и технологий (Будущее..., 2014). В проекте подчер-

кивается, что «увеличивается доля сознательных студентов, которые ищут “свой путь”, понимают смысл саморазвития, готовы ставить свои собственные цели», однако существующая образовательная система «пока не готова к работе с такими людьми» (Там же, с. 8).

Мы полагаем, что процесс становления будущего специалиста должен открывать ему возможность для саморегуляции и самоуправления, позволяя тем самым быть активным субъектом профессионального становления и развивать свой профессиональный потенциал. Только такая *субъектная направленность* процесса профессионализации создаст необходимые условия образования творчески мыслящих профессионалов, готовых братья за нестандартные задачи, отвечающие требованиям современности, и способных принимать на себя всю полноту ответственности за их решение.

Рефлексивность сознания

Что же обеспечивает человеку возможность саморегуляции и самоуправления, столь необходимых для развития его профессионального потенциала? Вряд ли можно указать на какой-то единственный фактор, отвечающий за создание соответствующих условий. Но определяющим, на наш взгляд, является высший системный фактор — *рефлексивная способность сознания*. Рефлексивность сознания позволяет человеку подняться над самим собой, своим текущим состоянием, привычными формами и способами жизнедеятельности, увидеть их как бы извне, переосмыслить и перестроить, чтобы освободиться от власти устаревших программ и перевести себя на уровень, адекватный требованиям текущего момента. По словам В.А. Лефевра, «это способность встать в позицию “наблюдателя”, “исследователя” или “контролера” по отношению к своему телу, своим действиям, своим мыслям» (Лефевр, 2003, с. 16).

Рефлексия рассматривается как «важнейшая регулятивная составляющая личности, позволяющая ей сознательно выстраивать свою жизнедеятельность» (Карпов, 2004, с. 77). В связи с этим заметим, что сознательное выстраивание своей жизнедеятельности и есть основание субъектного отношения к своему профессиональному пути. Подчеркивая значимость рефлексивных процессов для саморегуляции, А.В. Карпов разработал психодиагностическую методику определения индивидуальной меры рефлексивности. Эмпирические исследования с использованием этой методики свидетельствуют, что «параметр рефлексивности в целом является не просто очень важным в плане обеспечения деятельности и по-

ведения, а часто — основным и наиболее специфическим. Именно он придает сложность, многогранность, противоречивость и в конечном итоге — уникальность тому, что обычно обозначается понятием “осознанная, произвольная регуляция деятельности”» (Там же, с. 120). Через рефлексивные процессы «субъект регулирует, а частично и порождает (раскрывает в себе) иные — базовые, объективные закономерности и особенности самого себя» (Там же, с. 124). В целом А.В. Карпов приходит к выводу, что «рефлексии присуща трансформационная функция, повышающая меру субъектности регуляции деятельности, поведения, общения, которая может оборачиваться и генеративной функцией, функцией личностного самостроительства» (Там же, с. 129).

А.В. Россохин (2010) критикует подход А.В. Карпова за ограничение роли рефлексии только регулятивно-адаптивными аспектами и рассматривает рефлексию как «внутреннюю работу, активный процесс порождения новых смыслов, развития субъектности и личности в целом» (Леонтьев, Аверина, 2011, с. 22).

Д.А. Леонтьев и А.Ж. Аверина (Там же, с. 373) обращают внимание на развернувшиеся в последнее десятилетие исследования конструкта *mindfulness* — «осознанное присутствие». Авторы пишут, что это состояние позволяет деятелю «рефлексивно анализировать» то, что происходит в настоящий момент; оно необходимо для «здоровой саморегуляции» своего поведения и его согласованности с личностными ценностями, потребностями и интересами. Для диагностики этого состояния К. Браун и Р. Райан специально разработали методику MAAS (*Mindful Attention Awareness Scale*), с помощью которой была обнаружена явная связь между «осознанным присутствием» и качеством жизнедеятельности.

Приведенные исследования (А.В. Карпова, А.В. Россохина, Д.А. Леонтьева и А.Ж. Авериной) убеждают нас в том, что выбор рефлексивности сознания в качестве ведущего субъектного фактора профессионального становления имеет как теоретические, так и эмпирические основания.

Имеет смысл различать три вида рефлексивных процессов: рефлексивные процессы «высокоуровневого эго-сознания» (Бескова, 2010); поддерживающие их фоновые субрефлексивные процессы, протекающие на уровне телесной организации; рефлексивные процессы «глубинного сознания», вплетаемые в сам ход осуществляемой деятельности. Профессиональное становление, на наш взгляд, обеспечивается всеми тремя видами рефлексивных процессов, поэтому мы говорим о системной рефлексии. Рассмотрим их с содержательной стороны.

Рефлексивные процессы «высокоуровневого эго-сознания» позволяют посмотреть на себя, отнестись к себе как бы со стороны; они ответственны за построение, уточнение и развитие «образа я», в частности «образа себя-как-профессионала» (Михеев, 1997). Эти процессы задают направление профессионального становления, мотивируя адепта на достижение профессионального мастерства, а также стимулируют поиск в себе тех профессиональных качеств и способностей, которые могут быть востребованы в конкретных видах трудовой деятельности. Путем последовательного самоуглубления с опорой на помогающие психотехники адепт раскрывает свой потенциал профессионализации.

Возможность отстраниться, как бы «вынырнуть» из отождествленности с потоком жизнедеятельности позволяет относиться к самому себе как к авторскому проекту, служит предпосылкой субъектной направленности процесса профессионализации. Адепту открывается возможность для «заботы о себе» и работы над собой (Иванченко, 2009; Фуко, 2007). Заботясь о себе, он целенаправленно изменяет то, что считает нужным изменить.

В своих исследованиях герменевтики субъекта М. Фуко показал, что в эпоху Античности принцип «заботы о себе» был не просто философией, но императивом, общим предписанием, формой и непрестанной практикой жизни свободно мыслящего человека. Соответственно он был отчеканен в таких «формулах» Античности, как «культура себя», «практики себя», «технологии себя», «искусство жизни», «искусство себя» (Фуко, 2007).

В большинстве своем люди не готовы к такому отношению к себе. Будущие специалисты приходят учиться с установкой на получение готовых знаний, предписаний и способов деятельности. Нам еще только предстоит ввести в современный обиход (скорее, восстановить культурный приоритет Античности) «практики себя», делающие нас субъектами собственной жизни. В наших привычных повседневных делах «заботе о себе» уделяется явно недостаточное внимание. Чтобы повернуть вектор интереса и направить его на собственные, подчас еще скрытые возможности, на свой потенциал профессиональной самодетерминации, нужно сделать такое отношение к себе личной ценностью, одобряемой и укрепляемой социальным окружением (т.е. «практики себя» должны пропагандироваться и стать одним из значимых моментов социальной жизни).

Таким образом, мы считаем, что для оптимизации процесса профессионального становления должны быть организованы условия, которые открывали бы адепту возможность «проблематизировать себя» (М. Фуко), т.е. детерминировать самого себя

на базе собственного опыта и смысла, извлеченного из этого непосредственно пережитого опыта. Иными словами, необходимо, чтобы то, что обычно осмысливалось исключительно в инструментальных понятиях, теперь стало переосмысливаться в качестве системообразующего принципа субъектности/авторства. Эту возможность открывает нам системная рефлексия саморегуляции жизнедеятельности.

Чтобы поставить человека перед самим собой (прежде всего перед собой, еще неизвестным и неожиданным), требуются особые методики и приемы. По нашему мнению, такие возможности открывают разрабатываемые нами психотехники: «Окликание» (Буякас, 2012а, б), «Ведомое рисование» (Буякас, Танькова, 2014), «Работа с глиной» (Elbrecht, 2013), «Работа с мечом» (Schoeller, 1983), «Отсроченный выбор» (Михеев, 2016), «Самофутурирование» (Михеев, 1997), «Автопортрет» (Михеев, 2017).

Приведем пример самоотчета, соответствующего этому уровню рефлексии:

«Я всегда была “женщиной с мечом”. Однако после определенной неудачи в личных отношениях я строго-настрога запретила себе быть жесткой, проявлять твердость, определенность. И только в “работе с мечом” я хорошо осознала, как теперь я веду себя с партнером, у которого есть определенная позиция и твердо принятое решение — я оказываюсь перед ним безоружна; больше того: я сжимаю не только свое жизненное пространство, но и телесное. И больше так терять себя я не намерена».

Субрефлексивные процессы, постоянно протекающие *на уровне телесной организации* в фоновом (неосознаваемом) режиме, обеспечивают самоидентификацию и чувство самости человека — «чувство непрерывной самотождественности», по определению Э. Эриксона (1996). Не будь этого, человек раз за разом терял бы себя и всякий раз считал бы себя другим. В психиатрии известны случаи «множественной личности», когда вслед за «кризисом идентичности» у человека возникает совсем другой образ себя, никак не связанный с предшествующим представлением о себе. Чтобы чувство самотождественности не прерывалось, человек должен быть «воплощенным» — не отрванным от своих телесных переживаний. Именно эти базовые процессы позволяют разворачиваться рефлексивным процессам «высокоуровневого эго-сознания».

Рефлексивным процессам «глубинного сознания» соответствует живой процесс профессиональной деятельности, когда понимание человеком самого себя не предшествует опыту, а «каждый раз в самом

же опыте и рождается» (М. Мамардашвили), т.е. возникает внутри самой работы, на каждом ее шаге. Иначе говоря, профессионал ориентируется не на *пред-ставления* о себе и своих возможностях, а *предо-ставляет* живому процессу профессиональной деятельности решать задачу, которая возникает здесь и сейчас. Находясь в состоянии «осознанного присутствия» (*mindfulness*), человек рефлексивно анализирует то, что происходит в настоящий момент. Рефлексивные процессы, необходимые для корректировки деятельности и требующие временной приостановки ее операционально-исполнительной фазы, настолько глубоко проникают в общий ход деятельности, что не вызывают ее разрывов: деятельность осуществляется как непрерывный поток целеполаганий и действий (операций) по их реализации.

Как может быть организована такая деятельность?

Опыт нашей работы показывает, что принципиальными условиями организации живого процесса профессиональной деятельности являются внимание и рефлексия сообщений, исходящих из глубинной целостности себя. Целостное сообщение — это ответ всего тела, так называемый *felt sense* (FS), «телесно чувствуемый смысл», по Ю. Джендлину (2012). Живой процесс профессиональной деятельности соотносится с сообщениями живого чувствующего тела.

Рефлексивные акты этого уровня вплетаются в ткань самого процесса деятельности и базируются на сообщениях «воплощенной в теле самости» (А. Ленгле) или «телесной самости» (А. Дамасио) как на изначальном источнике саморегуляции и самоуправления. Благодаря работам А. Дамасио пришло понимание, что сознание находится в прямой зависимости от ощущения своей телесности в ее соотнесении с внешними объектами.

Осознание самого себя в этом случае не связано с концептами «я» или «эго», не базируется на каких-либо застывших, понятийно выраженных формах, а представляет собой чувствование самого себя здесь и сейчас путем выслушивания целостных телесных ощущений. Это чувство собственного Я отражает не то, каков я и какими качествами обладаю; это отнюдь не дискурсивные формы мышления о себе; это — телесное ощущение присутствующего во мне некоего целостного живого потока переживаний. А.П. Белецкий и В.Б. Шумский (2014) считают, что на таком целостном чувстве собственного Я основывается субъектность человека.

Такой принцип организации рефлексивного процесса описан в методе «Фокусирование» Ю. Джендлина. Концентрируя свое внимание на целостном телесном ощущении (FS), связанном с по-

ставленной темой, задачей, человек совершает ответное действие в виде движения, слова, образа, эмоции. Появляется то, что можно назвать внутренним диалогом с самим собой. Телесное ощущение совершенного действия сопоставляется с изначально переживаемым телесным ощущением. Чувство соответствия/несоответствия телесных сообщений позволяет обнаружить разлад с самим собой, возникающий при неточном действии. Если ответное действие выполнено точно, возникает телесное облегчение (*felt shift*). Как говорит Джендлин, «тело благодарит». Рефлексия регулирует процесс деятельности, ориентируясь на чувство внутренней согласованности телесных ощущений и поддерживая его.

В отечественных исследованиях по сути тот же принцип организации рефлексивного процесса обсуждал В.П. Зинченко, говоря о биодинамической ткани живого движения: «имеется чувствительность к ситуации и чувствительность к осуществляющемуся или потенциальному движению. Обе формы чувствительности регистрируются со сдвигом по фазе. <...> Такое чередование обеспечивает основу элементарных рефлексивных актов, содержание которых составляет сопоставление ситуации с промежуточными результатами действия и возможностями его продолжения» (Зинченко, 2008, с. 411—412).

Итак, выслушивая сообщения присущей телу целостности, человек отыскивает и открывает в себе новые средства и способы деятельности, извлекает новые для себя смыслы, в соответствии с которыми уточняет «образ себя». Чем сложнее становится жизненный мир, тем в большей степени рациональное мышление человека оказывается неспособным к принятию решений. Поэтому современная когнитивная наука в явном соответствии с феноменологией говорит о *the embodied mind* (воплощенном уме). Следует, однако, обратить внимание на то, что развитию внутреннего уровня рефлексии — доступа к живому потоку телесного переживания и способности выстаивать (быть) в нем, следует предварительно обучиться.

Психотехническое обеспечение профессионального становления

Какой еще психотехнический инструментарий открывает возможность рефлексировать сообщения, исходящие из глубинной целостности себя? Таким инструментарием являются телесно ориентированные психотехники. Ведь «базисом, на котором устанавливается личность», как подчеркивал Рональд Лейнг, является ощущение собственного тела. Такие техники позволяют извлекать сообщения,

исходящие из подлинности и целостности исполнителя. В первую очередь это «Ведомое рисование» (Буюкас, Танькова, 2014), «Работа с глиной» (Elbrecht, 2013), «Работа с мечом» (Schoeller, 1983) и др. Инструкция, которой всегда сопровождаются эти психотехники, подчеркивает установку на рефлексивность сознания: «...внимательно выслушивайте свой внутренний отклик на производимые Вами движения. Ничто не должно предопределять их — никакие предварающие образы и установки...».

Приведем фрагмент из самоотчета человека, выслушивающего свое телесное чувство: «В процессе выполнения движения, наконец, появилось внутреннее чувство его правильности: теперь я просто обязан совершать это движение. Будто оно какое-то слово, которое просто необходимо сказать, выразить. Будто это крик моей души».

Перечисленный психотехнический инструментариий открывает возможность для рефлексии и отработки таких значимых аспектов профессионализма, как свой стиль деятельности; навыки внимания; способность к планированию, выбору и целеполаганию; умение принимать решение; способность сохранять устойчивость целенаправленной деятельности; ориентация на поиск смысла и осмысленности жизни, на обретение ясных и четких ценностей, на удержание профессиональной позиции; коммуникативные навыки и пр. (таблица).

Психотехническое обеспечение профессионального становления

Психотехники	Психотехнический эффект
Фокусирование	Развитие внимания к телесным ощущениям (FS). Обретение способности творческой деятельности
Окликание	Актуализация ценностно-смысловой сферы, обретение ясных и четких ценностей
Ведомое рисование	Развитие навыков внимания, способности сохранять устойчивость целенаправленной деятельности. Ориентация на поиск смысла. Актуализация ценностно-смысловой сферы, обретение ясных и четких ценностей
Работа с мечом	Развитие способности к планированию, выбору и целеполаганию, умению принимать решение. Удержание профессиональной позиции, коммуникативные навыки
Работа с глиной	Развитие внимания к телесным ощущениям (FS). Обретение ясных и четких ценностей
Автопортрет	Раскрытие личного «потенциала профессионализации»
Самофутурирование	Формирование «Образа себя-как-возможного-профессионала»

Приведем пример того, как реагируют студенты 5-го курса, практически готовые специалисты, когда в рамках спецкурса и спецпрактикума мы знакомим их с возможностями такого подхода к профессиональному становлению.

«Практические занятия по спецкурсу оказались для меня весьма неожиданными и крайне полезными. Их главная польза — в качественно ином взгляде на возможность работы психолога-профессионала. Раньше мое представление о практической деятельности психолога включало в себя лишь использование различных опросников, разработанных для выявления тех или иных параметров личности, а в лучшем случае — метода полуструктурированного интервью или простых проективных методов вроде всем известного и уже набившего оскомину “рисунка несуществующего животного”. Спецкурс же позволил взглянуть на методологический подход и его методическое обеспечение совсем с другого ракурса. Для меня стало великим открытием, что существуют специально разработанные практики, например работа с глиной, графическая медитация или работа с мечом и пр., в которых удивительным образом проявляется богатство, увиденное подчас впервые, личностных особенностей человека и стиля его деятельности. И, что главное, это с полной несомненностью становится очевидно самому человеку. В процессе самой деятельности и последующего майевтического диалога я рассмотрела и поняла себя и свой стиль деятельности столь ясно и выпукло, как никогда ранее».

Кроме непосредственной и убедительной встречи со своим стилем деятельности практически все студенты открывают для себя, насколько важны для них поиск и актуализация смысла своей профессиональной деятельности.

«Вопрос о ценностных ориентирах профессиональной деятельности потребовал изрядной доли размышления. Вызвал значительные затруднения. Дался мне нелегко. Никто никогда не говорил нам, что в своей профессиональной деятельности нужно искать свой смысл. Врач работает для того, чтобы вылечить, учитель — чтобы научить, продавец, чтобы продать, и все они делают это, чтобы заработать на свою жизнь. Все и так понятно. Вопрос о смысле усложняет эту ситуацию. Много ли людей занято подлинным поиском своих смыслов? Кто-то предпочитает их выдумывать, другой ждет, что ему преподнесут их в готовом виде, а кому-то и без них неплохо живется. Мы живем в атмосфере навязчивого контроля, управления; мы теряем краски непосредственности, естественности, красоты Жизни, заполняя ее чем-то инородным. Это стало настолько привычным, настолько обыденным, что мы даже не видим, что что-то не так. Мы подменили смыслы Жизни своими целями.

Только после “Ведомого рисования”, где мы прорабатывали свои актуальные смыслы и ценности, я поняла, почему у меня стал угасать интерес к работе на телефоне доверия: для меня эта работа из попытки стать хорошим и полезным профессионалом превратилась в попытку соответствовать чужим ожиданиям, а также доказать себе, что я могу разрешить свои противоречия. Эта абсолютно не отрефлексированная смена смысла моей деятельности привела к тому, что я стала упускать возможность для приобретения нового опыта. Ведь если человек сможет ответить на вопрос о смысле своей деятельности, он будет не просто выполнять работу, а будет вкладывать в нее свою душу».

Таким образом, психотехнические методики позволяют глубже проникать в скрытый потенциал личностных, в том числе, профессиональных возможностей человека. И в то же самое время за счет рефлексивного осознания встраивать их в профессиональные планы, намерения и нарабатываемые в ходе профессионализации навыки и деловые способности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Атлас новых профессий. М.: Московская школа управления «Сколково»; Агентство стратегических инициатив, 2014. URL: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf

Белецкий А.П., Шумский В.Б. Первообраз экзистенциального рождения: переживание «Я» в осознанном сновидении // Экзистенциальный анализ. 2014. № 6. С. 139—166.

Бескова И.А. Феномен самоотносительности сознания // Философский журнал. 2010. № 2 (5). С. 17—29.

Будущее образования: глобальная повестка. Skoltech, 2014. URL: http://edu2035.org/pdf/GEF.Agenda_ru_full.pdf

Буякас Т.М. Смыслы и ценности в деятельности профессионала // Трудности и перспективы становления профессионала / Под ред. Е.А. Климова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012а. С. 23—37.

Буякас Т.М. Личностные основания профессионального становления. Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing, 2012б.

Буякас Т.М., Михеев В.А. Феноменологическая герменевтика профессионального становления // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2016. № 3. С. 16—24. Doi 10.11621/vsp.2016.03.16

Буякас Т.М., Танькова О.А. Феноменологическое описание процесса произведения смыслов методом «Ведомого рисования» // Консультативная психология и психотерапия. 2014. № 3. С. 158—182.

Джендлин Ю. Фокусирование. М.: Корвет, 2012.

Зинченко В.П. Гетерогенез творческого акта: слово, образ и действие в «котле cogito» // Когнитивный подход / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+», 2008. С. 375—434.

Иванченко Г.В. Забота о себе. М.: Смысл, 2009.

Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. М.: Academia, 2004.

Князева Е.Н. Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014.

Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: ИП РАН, 2004.

Леонтьев Д.А., Аверина А.Ж. Рефлексивность как составляющая личностного потенциала // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 360 — 381.

Лефевр В. Рефлексия. М.: Когито-центр, 2003.

Маркова А.К. Психология профессионализма. М.: Ин-т практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996.

Михеев В.А. Самофутурирование: путь в профессию // Мир психологии. 1997. № 3. С. 95—108.

Михеев В.А. Психология профессионального самоопределения и помогающие психотехники // Мир психологии. 2016. № 4. С. 75—86.

Михеев В.А. «Автопортрет» как техника рекурсивного самоуглубления в задачах профессионального самоопределения // Самореализация личности в современном мире: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (Москва, РУДН, 24 января 2017 г.). М.: РУДН, 2017. С. 83—88.

Россохин А.В. Рефлексия и внутренний диалог в измененных состояниях сознания. М.: Когито-центр, 2010.

Трудности и перспективы становления профессионала // Под ред. Е.А. Климова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012.

Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб.: Наука, 2007.

Чиксентмихайи М. Правильный бизнес. М.: Карьера Пресс, 2014.

Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.

Elbrecht C. Trauma healing at the clay field. London, Ph.: Jessica Kingsley, 2013.

Schoeller G. Heilung aus dem Ursprung: Praxis d. Initiat. Therapie nach Karlfried Graf Dürckheim u. Maria Hippus. Kösel; München: Novalis, 1983.

Поступила в редакцию 09.03.17

Принята к публикации 23.03.17

SYSTEMIC REFLECTION AND ITS PSYCHOTECHNIQUES MAINTENANCE IN THE PROCESS OF PROFESSIONAL BECOMING

Tatiana M. Buyakas, Vyacheslav A. Mikheev

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Psychology, Moscow, Russia

Abstract: This article is devoted to the investigation of the role, which the systemic reflection plays in the organization, initiation and direction of the process of professional becoming. Reflection is considered as the most important regulative component of personality, which opens to the human the possibility of self-regulation and self-management that allows him to be an active subject of professional becoming. We distinguish three types of reflexive processes, which support the subjective orientation of the process of professionalization and open to the specialists the opportunity to “problematize themselves”. “Problematization of oneself” on the basis of personal preferences and meanings, which are extracted from the direct experience of prior psychotechnical work, orients the specialists regarding the future steps of professionalization. We discuss the psychotechnical tools, which open the possibility of reflection for working out significant aspects of professionalism. We give self-reports of students who analyzed their professional possibilities by the proposed psychotechnical means.

Key words: professional becoming, subjective orientation, systemic reflection, help psychotechniques.

References:

- Atlas novykh professiy* [Atlas of new professions] (2014) Moscow: Moskovskaya shkola upravleniya «Skolkovo»; Agentstvo strategicheskikh initsiativ. URL: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SE-DeC_Atlas.pdf
- Beletskiy, A.P., Shumskiy, V.B. (2014) Pervooobraz ekzistentsial'nogo rozhdeniya: perezhivanie «Ya» v osoznannom snovidenii. *Ekzistentsial'nyy analiz* [Existential analysis], 6, 139—166.
- Beskova, I.A. (2010) Fenomen samootnositel'nosti soznaniya. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophical Journal], 2 (5), 17—29.
- Budushchee obrazovaniya: global'naya povestka* [The future of education: a global agenda] (2014) Skoltech. URL: http://edu2035.org/pdf/GEF.Agenda_ru_full.pdf
- Buyakas, T.M. (2012a) Smysly i tsennosti v deyatelnosti professionala. In E.A. Klimov (Ed.) *Trudnosti i perspektivy stanovleniya professionala* [Difficulties and prospects of becoming a professional] (pp. 23—37). Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.

- Buyakas, T.M. (2012b) *Lichnostnye osnovaniya professional'nogo stanovleniya* [Personal basis of professional development]. Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing.
- Buyakas, T.M., Mikheev, V.A. (2016) Fenomenologicheskaya germeneytika professional'nogo stanovleniya // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 3, 16—24. Doi 10.11621/vsp.2016.03.16
- Buyakas, T.M., Tan'kova, O.A. (2014) Fenomenologicheskoe opisaniye protsessa proizvedeniya smyslov metodom «Vedomogo risovaniya». *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Consultative psychology and psychotherapy], 3, 158—182.
- Chiksentmikhay, M. (2014) *Pravil'nyy biznes* [Correct business]. Moscow: Kar'era Press.
- Dzhendlin, Yu. (2012) *Fokusirovaniye* [Focusing]. Moscow: Korvet.
- Elbrecht, C. (2013) *Trauma healing at the clay field*. London, Ph.: Jessica Kingsley.
- Erikson, E. (1996) *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: youth and crisis]. Moscow: Progress.
- Fuko, M. (2007) *Germeneytika sub'ekta* [Hermeneutics of the subject]. St. Petersburg: Nauka.
- Ivanchenko, G.V. (2009) *Zabota o sebe* [Caring for yourself]. Moscow: Smysl.
- Klimov, E.A. (2004) *Psikhologiya professional'nogo samoopredeleniya* [Psychology of professional self-determination]. Moscow: Academia.
- Klimov, E.A. (2012, ed.) *Trudnosti i perspektivy stanovleniya professionala* [Difficulties and prospects of becoming a professional]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.
- Knyazeva, E.N. (2014) *Enaktivizm: novaya forma konstruktivizma v epistemologii* [Enactivism: a new form of constructivism in epistemology]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; Universitetskaya kniga.
- Karpov, A.V. (2004) *Psikhologiya refleksivnykh mekhanizmov deyatelnosti* [Psychology of reflexive mechanisms of activity]. Moscow: IP RAN.
- Lefevr, V. (2003) *Refleksiya* [Reflection]. Moscow: Kogito-tsentr.
- Leontiev, D.A., Averina, A.Zh. (2011) Refleksivnost' kak sostavlyayushchaya lichnostnogo potentsiala. In D.A. Leontiev (Ed.) *Lichnostnyy potentsial: struktura i diagnostika* [Personality potential: structure and diagnostics] (pp. 360 — 381). Moscow: Smysl.
- Markova, A.K. (1996) *Psikhologiya professionalizma* [Psychology of professionalism]. Moscow: In-t prakticheskoy psikhologii; Voronezh: NPO «MODEK».
- Mikheev, V.A. (1997) Samofuturovaniye: put' v professiyu. *Mir psikhologii* [The World of Psychology], 3, 95—108.
- Mikheev, V.A. (2016) Psikhologiya professional'nogo samoopredeleniya i pomogayushchie psikhotehniki. *Mir psikhologii* [The World of Psychology], 4, 75—86.
- Mikheev, V.A. (2017) «Avtoportret» kak tekhnika rekursivnogo samougulbeniya v zadachakh professional'nogo samoopredeleniya. In *Samorealizatsiya*

lichnosti v sovremennom mire: Materialy IV Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, RUDN, 24 yanvarya 2017 g.) [Self-Realization of the Individual in the Modern World: Proceedings of the Fourth All-Russian Scientific and Practical Conference (Moscow, PFUR, January 24, 2017)] (pp. 83—88). Moscow: RUDN.

Rossokhin, A.V. (2010) *Refleksiya i vnutrenniy dialog v izmenennykh sostoyaniyakh soznaniya* [Reflection and inner dialogue in altered states of consciousness]. Moscow: Kogito-tsentr.

Schoeller, G. (1983) *Heilung aus dem Ursprung: Praxis d. Initiat. Therapie nach Karlfried Graf Dürckheim u. Maria Hippius*. Kösel; München: Novalis, 1983.

Zinchenko, V.P. (2008) Geterogenez tvorcheskogo akta: slovo, obraz i deystvie v «kotle cogito». In V.A. Lektorskiy (Ed.) *Kognitivnyy podkhod* [Cognitive approach] (pp. 375—434). Moscow: «Kanon+».

Original manuscript received March, 09, 2017

Revised manuscript accepted March, 23, 2017